

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского»

На правах рукописи

КОТЕЛЕВСКАЯ ЭЛИНА ИГОРЕВНА

**МОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЛЮБОВНОГО ДИСКУРСА:
ОПЫТ СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА**

10.02.19 – теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор
Васильев Лев Геннадьевич

Калуга – 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА СОСТАВЛЯЮЩИХ ДИСКУРСА	9
1.1. Об основных подходах к анализу речевого общения	9
1.2. Основные параметры жанрового подхода	11
1.3. Параметры исследования языковой личности в общении	15
1.4. Организация речевого общения: стратегии и тактики	22
1.5. Параметры когнитивно-лингвистического метода	28
1.5.1. Фреймовый подход к изучению речевого общения	28
1.5.2. Топосный подход: история и современность	36
1.6. Исследование языковых параметров любовного общения: состояние проблемы	44
Выводы по главе 1	78
ГЛАВА ВТОРАЯ. ОСОБЕННОСТИ АНАЛИЗА МОНОЛОГИЧЕСКОГО РАКУРСА ЛЮБОВНОГО ОБЩЕНИЯ	81
2.1. К основаниям анализа	81
2.1.1. Жанрообразующие топосы любовного дискурса	81
2.1.2. К методикам анализа субжанров	89
2.2. Монологический любовный дискурс в аналитическом освещении	96
2.2.1. Вербальный аспект коммуникативных стратегий и тактик в субжанрах любовного дискурса	96
2.2.2. Невербальные составляющие любовного общения: коммуникативно-прагматический аспект	99
2.2.3. Хроносно-ориентированный анализ любовного дискурса	105
2.2.3.1. К построению хроносной обобщенной модели	105

2.2.3.2. Хроносно-ориентированный топосный анализ текста-Описания	126
2.2.4. Лингво-персонологический комплексный подход к анализу речевоздействующего любовного общения	139
2.2.4.1. Дискурсивные характеристики монолога-Соблазнения	140
2.2.4.1.1. Экспонентный и субстанциональный уровни	140
2.2.4.1.2. Иные дискурсивные характеристики текста	168
2.2.4.2. Дискурсивные характеристики монолога субжанра Обольщение	178
2.2.4.2.1. Экспонентный и субстанциональный уровни	178
2.2.4.2.2. Иные дискурсивные характеристики текста	197
Выводы по главе 2	204
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	207
БИБЛИОГРАФИЯ	212
СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ	227
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ	228
Приложение 1. Текст Описание	230

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы, касающиеся любовного дискурса и описания его составляющих, внимательно изучаются зарубежными исследователями на протяжении длительного периода. Также существуют работы отечественных лингвистов, ориентированные на исследования человеческого фактора с точки зрения лингво-культурологического, когнитивно-лингвистического, коммуникативно-прагматического и психолингвистического подходов как перспективных современных парадигм в языкознании.

Одним из приоритетных направлений в лингвистике становится изучение межличностного общения с ориентацией на лингвистическую персонологию и ее особенности в коммуникации. К таким видам межличностного общения относится исследуемое в данной диссертационной работе любовное общение (далее — ЛД).

ЛД интенсивно исследовался в концептологии. Концепт «Любовь» анализировался ведущими учеными, например, с точки зрения национального менталитета как русская культурная доминанта, обладающая особой лингвистической и культурологической ценностью [Колесов 1987]; описывалась этносемантика телеономных концептов «Любовь», «Счастье» в русском и английском языках [Воркачев 2003] и т.д. Также искали способы адекватного толкования любви с помощью семантического метаязыка [Вежбицкая 1997].

Параметры ЛД исследовались в монографических сочинениях. Диссертации, которые непосредственно посвящены понятию «любовь» и «любовное общение» можно разделить на три группы: лексикологическую, когнитивно-концептную и дискурсную. К лексикологической концепции относятся работы [Киселева 2004; Шамратова 2006], к когнитивно-концептной – диссертации [Каштанова 1977; Вильмс 1997; Балашова 2000; Оганян 2004; Фофин 2004; Кузнецова 2005; Иванова 2006; Широкова 2006;

Тепкеева 2007; Нуждова 2008; Сигбаева 2009], к дискурсной – исследования [Данькова 2004; Лобкова 2005; Колоян 2006; Ползунова 2008; Смоленцева 2009; Мензаирова 2010; Муратова 2010; Ренц 2011].

Настоящая диссертация выполнена на стыке когнитивно-лингвистического, коммуникативно-прагматического и жанроведческого направлений с использованием различных исследовательских подходов, применение которых осуществляется с целью демонстрации и оценки их пригодности и эффективности в анализе конкретного субжанра ЛД.

Актуальность исследования обусловлена:

- 1) социальной значимостью ЛД как в диалогическом, так и в монологическом общении;
- 2) необходимостью выявить содержательные различия в субжанрах ЛД;
- 3) малой изученностью потенциала исследовательских методик в анализе ЛД;
- 4) потребностью исследовать применимость различных методик анализа к конкретным субжанрам ЛД.

Объектом диссертационного исследования является монологическая ипостась ЛД.

Предмет исследования – комплекс содержательных характеристик ЛД.

Цель данной работы состоит в том, чтобы продемонстрировать потенциал применения в исследовании содержания ЛД различных исследовательских методик.

Достижение этой цели предполагает решение следующих взаимосвязанных задач:

- охарактеризовать основные современные подходы к изучению ЛД;
- описать существо имеющихся методик анализа речевого общения и выявить их применимость к монологическому ракурсу ЛД;
- уточнить системообразующие характеристики ЛД;
- выявить особенности невербальной коммуникации в ЛД;

- осуществить содержательный анализ нескольких монологических субжанров ЛД на основе использования пригодных для этого исследовательских методик.

Материалом исследования послужили монологические тексты пяти субжанров ЛД на русском и английском языке.

В диссертации использовались методы интерпретации, качественного и количественного анализа, описательный метод (приемы наблюдения, сопоставления, дифференциации исследуемого материала), методики пропозиционально-функционального, коммуникативно-прагматического, аргументативного анализа, тактико-стратегического и топосного анализа, а также методика моделирования когнитивных структур (фреймовый анализ).

Теоретической основой исследования послужили исследования в области:

- теории фреймов (Т. ван Дейк, С.А. Жаботинская, Е.М. Масленникова, А.А. Романов, С.А. Сухих, Е.А. Шингарева, Х.Я. Ыйм, и др.);
- коммуникативных стратегий и жанроведения (М.М. Бахтин; С.Г. Воркачев, В.В. Дементьев, К.А. Долинин, О.С. Иссерс, В.И. Карасик, Т.Г. Ренц, К.Ф. Седов, Т.В. Шмелева и др.);
- концепции языковой личности (Г.И. Богин, В.В. Виноградов, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, И.А. Стернин, С.А. Сухих и др.)
- лингвистической аргументологии и прагматики (А.Н. Баранов, Л.Г. Васильев, А.А. Волков, Т. ван Дейк, В.З. Демьянков, И.М. Кобозева, И.А. Стернин, И.П. Сусов, С.А. Сухих и др.);
- теории топосов (В.И. Аннушкин, Л.В. Ассуирова, А.А. Волков, Е.В. Ключев, В.А. Садикова, А.В. Пучкова и др.).

Научная новизна диссертации заключается в том, что впервые содержание ЛД описано по топосным основаниям и продемонстрирована применимость к монологическим субжанровым текстам ЛД различных методик анализа.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что данное исследование вносит вклад в развитие теории межличностного общения, в дальнейшую разработку проблематики лингвистической персонологии, теории речевых жанров и топосов.

Практическая значимость диссертации связана с возможностью применения результатов, полученных в работе, в вузовских лекционных курсах по теории коммуникации, лингвокультурологии, стилистике, в спецкурсах по теории речевых жанров, топике и когнитивной лингвистике.

На защиту выносятся следующие положения:

1. ЛД может быть описано по топосным основаниям при широком понимании топосов. Системообразующие признаки ЛД характеризуются по трем группам жанрообразующих топосов – семиотическому, коммуникативно-прагматическому и когнитивно-психологическому.
2. Внутриуровневые топосы в субжанрах ЛД подразделяются на общие и частные, предметные и процедурные, рецептные и ретушные, референтные и десигнативные; каждая из пар выделяется по особому основанию.
3. Речевой жанр ЛД включает ряд монологических субжанров, которые имеют положительные, отрицательные и нейтральные маркеры, позволяющие разграничить эти субжанры: (а) темпоральность: стадия завязывания отношений; стадия развития отношений; стадия завершения отношений; (б) семиотический тип: прямое или косвенное общение; вербальное и невербальное общение; (в) семантическая специфика: наличие интимной составляющей; (г) прагматический фактор Актора: интенция на продолжительность отношений; элемент обмана; (д) прагматический фактор Адресата: возможность наличия у него положительной реакции на действия Актора.
4. Субжанр Описание ЛД (в конкретном случае – потерянной любви) стоит особняком от остальных суб-жанров. Особенностью текста является его вторичность – преломленность через воспоминания Адресата. Текст

обладает выраженными хроносными характеристиками, и в нем рецептные топосы задают супер- и макро-структуру, а референтные топосы-ретуши в сочетании с десигнативными топосами придают тексту неповторимость.

5. В не-речевоздействующей группе субжанров Ухаживания, Флирта и Приставания с точки зрения их коммуникативно-прагматического наполнения, для Актора выделяются основные стратегии: Создания комфортности общения и Самораскрытия.
6. Обольщение и Соблазнение как близкие речевоздействующие (аргументативные) субжанры ЛД могут быть исследованы на основе единой методики лингво-персонологического анализа, включающей коммуникативно-установочную составляющую. Имеются зримые различия в построении аргументации текстов этих двух субжанров.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования докладывались на Международной научно-практической конференции «Современные концепции научных исследований» (Москва, 2014), на Международной научно-практической конференции «Языковой дискурс в социальной практике» (Тверь, 2014), на научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактические аспекты профессиональной подготовки переводчиков» (Тула, 2014) и в 2011 – 2016 гг. в докладах на аспирантских семинарах при кафедре лингвистики и иностранных языков КГУ им. К.Э. Циолковского.

По теме диссертации имеется 11 публикаций, 3 из которых опубликованы в изданиях, рекомендуемых ВАК Российской Федерации.

Объем и структура работы. Общий объем диссертации составляет 228 страниц, из них 16 страниц библиографии. Работа включает введение, две главы, заключение, библиографический список, список условных сокращений, приложения.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА СОСТАВЛЯЮЩИХ ДИСКУРСА

1.1. Об основных подходах к анализу речевого общения

В методологии дискурса выделяют несколько важнейших подходов. Среди них когнитивный, коммуникативно-прагматический, лингвоперсонологический и жанроведческий.

Адекватное описание дискурса ЛД должно строиться на основе приемлемых и эффективных методик: нужно учитывать, что для разных проявлений ЛД пригодными могут быть неодинаковые методики.

Рассмотрим принципиальные характеристики названных подходов, памятуя об их технологических возможностях в исследовании ЛД.

Жанроведческий – теория речевых жанров и субжанров позволяет изучить какие речевые жанры и субжанры преобладают в речи Актора или Адресата. ЛД рассматривается в настоящем исследовании как разновидность дискурса; поэтому представляется целесообразным охарактеризовать принципиальные составляющие дискурса. Это делается в работе на основе речезанрового подхода, который позволяет описать виды коммуникативных ситуаций.

Лингвоперсонологический – теория языковой личности (далее – ЯЛ). Речевое общение в коммуникативных ситуациях предполагает обязательную антропоморфную составляющую – общаются конкретные люди, обладающие вполне определённым набором личностных качеств, из которых наиболее релевантными для коммуникации представляются языковые. Поэтому в главе рассматривается проблема языковой личности в её современном состоянии. Некоторые параметры ЯЛ описываются в исследовательской главе с точки зрения речевоздействующих характеристик,

поэтому в характеризующем обзорном разделе излагаются отдельные аспекты теории аргументации.

Коммуникативно-прагматический – тактико-стратегический метод. Вступающие в общение, в том числе в любовное, коммуниканты обычно заинтересованы в его продуктивности. Фактор эффективности общения сопряжен с соблюдением определённых регулятивов коммуникации, а также с целеполаганиями участников. Эффективность общения зависит от того, насколько реалистичны и продуманны речевые действия общающихся. Такие действия соотносятся с применяемыми участниками общения коммуникативными стратегиями и тактиками, характеристика которых даётся в главе.

Когнитивный подход и теория топосов – коммуникативные ситуации могут рассматриваться не только с позиций их непосредственных участников, но и с исследовательских позиций. Иначе говоря, рефлексия коммуникантов, направленная на достижение эффективности общения дополняется в главе рефлексией анализатора, и эти два вида рефлексии не являются взаимосвязанными. Здесь нас прежде всего интересует проблема когнитивного представления коммуникативной ситуации. Такое представление даётся на основе двух базовых методик – фреймовой и топосной. Характеристика фреймового подхода даётся прежде всего с позиций соотношения принципа статичности/динамичности. Описание топосного подхода более пространное, поскольку предполагается его пригодность для изучения самых разных аспектов коммуникации, что будет продемонстрировано в исследовательской части.

Комплексный анализ всех составляющих дискурса позволит дать полную и многостороннюю картину для анализа ЛД.

Названные разделы представляют собой характеристику речевого общения, параметры которого взаимосвязаны и зачастую не имеют чётко очерченных или непреодолимых границ. Поэтому в главе допускается возможность некоторого наложения излагаемых проблем и процедур.

Заключительным этапом будет анализ монографических работ по теме ЛД для изучения того, что сделано на сегодняшний день в данном направлении и что осталось неисследованным, а также для выявления теоретических наблюдений, которые можно дополнительно использовать в анализе языкового материала.

1.2 Основные параметры жанроведческого подхода

ЛД, по всей видимости, представляет собой отдельный компонент в ряду речевых жанров (далее – РЖ). В данный момент существует большое количество работ и научных подходов к рассмотрению как самого термина РЖ, так и различных аспектов этого явления. Мы не ставим целью рассмотреть все имеющиеся точки зрения на данный вопрос, но осветим наиболее значимые теории, посвященные РЖ.

Все существующие концепции РЖ можно разделить на три направления. К первому направлению принадлежат концепции, опирающиеся на классическое определение жанра в понимании Аристотеля («жанр литературный – исторически складывающийся тип литературного произведения» [ЛЭС 1987: 106]).

Концепции второго направления связаны с характеристикой отдельных аспектов жанровой организации речи. В частности, описывается существование устойчивых форм речи и речевого поведения [Шведова 1960], вторичность составных элементов базовой единицы [Жинкин 1982], структурность [Демьянков 1981] и др. Несмотря на различия, существующие между конкретными направлениями, большинство из них соотносится с концепцией РЖ М.М. Бахтина.

Третье направление представлено работами М.М. Бахтина и его последователей [Бахтин 1975]. Говоря о РЖ, Бахтин определял данную категорию, как «устойчивый тип (форма, модель) высказываний, который

сформирован благодаря единению тематического содержания, стиля и композиционного построения и определен спецификой конкретной сферы общения <...> РЖ состоят из высказываний, которые являются единицами общения и строятся с помощью единиц языка. Это возможность связать социальную реальность с реальностью языковой» [Бахтин 1986: 165]. Отличие в понимании жанра литературоведами и М.М. Бахтиным состоит в том, что он рассматривает РЖ в аспекте речевого общения – не как литературное произведение, а как факт социального взаимодействия людей. [Бахтин 1979: 30].

Следуя М.М. Бахтину, К.А. Долинин [1999] определяет РЖ как «средство организации социального взаимодействия»; автор считает, что жанр – это «стереотип речевого поведения» и «результат сочетания ряда параметров коммуникативной ситуации, каковыми являются: адресант, адресат, референтная ситуация, канал связи, время, место и т.д.» [Долинин 1999: 8]. Выстраивая сообщение в соответствии с требованиями определенного жанра, адресант дает понять, что воспринимает коммуникативную ситуацию как подходящую для данного жанра и что является носителем конкретного статуса и роли, т.е. ожидает, что его воспримут как ученого, хозяина и т.д. (см.: [Долинин 1999]).

В.В. Дементьев выделяет два основных течения в РЖ. Первое – это «лингвистическое изучение РЖ, или генристика, исходит из интенций говорящего, при этом опирается на разработанную методологию и терминологию теории речевых актов» [Дементьев 2007: 3]. Согласно генристическому подходу, РЖ трактуется как речевое явление, выраженное теми или иными средствами. Второе течение – прагматическое. Прагматический подход, по мнению автора, имеет важные и отличные характеристики от генристики: «ориентация на диалог, ориентация на взаимодействие, помещенное в социально-культурные условия конкретной ситуации» [Дементьев 2007: 7]. Здесь РЖ понимаются как: «вербальное

оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей» [там же].

Также исследователь предлагает еще один, «синтетический», подход, где рассматривались бы как диалогические, так и лингвистические аспекты речевых жанров. Для данного синтетического направления предлагается тоже «синтетическое» название *коммуникативная генристика*. Делается упор на «противопоставление двух типов коммуникации – упорядоченной, нормированной, формализованной, с одной стороны, и неупорядоченной, ненормированной, неформализованной, с другой стороны» [Дементьев 2007: 8].

В.В. Дементьев определяет РЖ как переходное явление между языком и речью. Это единица такого высокого уровня, когда стираются границы между речевым и языковым.

В.И. Карасик [1992] опираясь на внешнетекстовые и внутритекстовые характеристики речи, разрабатывает состоящую из четырех компонентов классификацию категорий дискурса. В данную классификацию входят следующие категории: 1) конститутивные, позволяющие отличить текст от нетекста; 2) жанрово-стилистические, характеризующие текст в плане их соответствия функциональным разновидностям речи (стилевая принадлежность, жанровый канон, клишированность, степень амплификации, компрессии); 3) содержательные (семантико-прагматические), раскрывающие смысл текста (адресованность, образ автора, информативность, модальность, интерпретируемость, интертекстуальная ориентация); 4) формально-структурные, характеризующие способ организации текста (композиция, членимость, когезия) [Карасик 1992: 13].

В.И. Карасик считает, что жанрово-стилистические категории дискурса позволяют адресату отнести тот или иной текст к определенной сфере общения. Ученый выделяет такое понятие, как *формат дискурса*. Его автор выявляет на основе коммуникативной дистанции, степени самовыражения, сложившихся социальных институтов, регистра общения и клишированных

языковых средств. Формат дискурса конкретизируется жанрами речи, которые выделяются на индивидуальной основе (см.: [Карасик 1992]).

К.Ф. Седов [2007] считает, что для создания общей теории жанров необходимо разграничивать понятия жанр и текст, так как данные явления относятся к разным областям исследования общения. Считается, что «текстовый подход охватывает синтактику дискурса – межфразовые связи, композиционную функцию и т. д.». Жанр определяется ученым как «вербальное отражение интеракции, социально-коммуникативного взаимодействия индивидов. Поэтому уместно говорить о монологических и диалогических жанрах. Для изучения средств речевого оформления жанровой интеракции больше подходит термин дискурс» [Седов 2007: 10].

Разрабатывается определение РЖ, субжанра и гипержанра. Автор, определяя РЖ, считает, что это длительное речевое взаимодействие людей. Данная интеракция является причиной возникновения или диалогического единства, или монологического высказывания, которое содержит несколько сверхфразовых единств. Субжанры исследователь определяет как минимальные единицы речевых жанров, они приравниваются к одному речевому акту. Высказывания, объединяющие несколько жанров, названы гипержанрами, или гипержанровыми формами (см.: [Седов 2007]). Предлагается деление жанров на риторические жанры (оформления публичного, социально значимого взаимодействия людей) и нериторические жанры (они обслуживают типические ситуации неофициального, бытового поведения).

Т.В. Шмелева [1997] в изучении РЖ разрабатывает речевую анкету, отвечая на вопросы которой можно получить полное представление о жанре. В эту анкету входят следующие пункты: коммуникативная цель; образ автора; образ адресата; диктум; фактор прошлого; фактор будущего; формальная организация (позднее – языковое воплощение). Исследователь изучает коммуникативную цель как основную из типологически конститутивных признаков жанра; предлагается следующая триада жанровых

типов. Информативные жанры – предъявление или запрос, подтверждение или опровержение, целью которых является стимулирование события или поступка в социальной сфере, что входит в рамки этикета конкретного социума: извинения, благодарности, поздравления. Оценочные жанры; целью данной категории жанров является, изменение самочувствия участников общения, путем соотнесения их поступков, качеств с принятой в данном обществе шкалой ценностей. Этикетные, или перформативные жанры – описываются в основном в литературе, посвященной речевому этикету: приветствие, прощание [Шмелева 1997].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что РЖ – это особое вербальное оформление типичной ситуации социально-культурного взаимодействия людей. РЖ в своем семантико-прагматическом воплощении может быть представлен как система субжанров.

Субжанр, в свою очередь, мы определяем как общий комплекс речевых действий подчиненных единой стратегии, реализующейся группами действий – тактиками.

РЖ ЛД можно рассмотреть, как гипероним в который входят ряд субжанров. С точки зрения монологического ракурса общения, когда акцент делается на речевых и неречевых действиях Актора, в диссертации выбраны для анализа субжанры Описание (любовных отношений), Ухаживание, Флирт, Приставание, Обольщение и Соблазнение.

1.3. Параметры исследования языковой личности в общении

Изучение социальной стороны языка и проблем общения приводит ученых к исследованию ЯЛ. К числу важнейших вопросов теории ЯЛ относятся выделение типов ЯЛ и освещение подходов к их изучению.

В научный обиход термин ЯЛ ввел В.В. Виноградов, именно он наметил разработку этого понятия (см.: [Виноградов 1930]). Данный аспект

исследования получил свое дальнейшее развитие в трудах таких ученых как: Г.И. Богин, Ю.Н. Караулов, В.И. Карасик, В.В. Красных, К.Ф. Седов, С.А. Сухих, и др.

В.В. Виноградов [1930] исследовал две сущности художественной языковой личности – личность автора и личность персонажа. Исследователь отмечал, что «лингвист не может освободить себя от решения вопроса о способах использования преобразующей личностью того языкового сокровища, которым она может располагать» [Виноградов 1930: 91].

Г.И. Богин [1986] представляет собственную модель ЯЛ, где человек рассматривается с точки зрения его готовности производить речевые поступки, интерпретировать произведения речи. Эта способность человека есть способ его самовыражения, который отражает уникальность человека говорящего. Модель состоит из следующих пунктов: 1) аспекты языка — субстрата ЯЛ (фонетика, грамматика, лексика); 2) основные виды речевой деятельности (говорение, слушание, чтение, письмо); 3) оценочные суждения (уровни качества: правильность, интериоризация, насыщенность, адекватный выбор, адекватный синтез) (см.: [Богин 1986: 46]).

Изучение ЯЛ тесно связано с именем Ю.Н. Караулова [2009]. Автор отмечает, что существует сущностная связь между ЯЛ и национальным характером. Связь состоит в том, что «носителем национального характера выступает устойчивая во времени, т.е. инвариантная в масштабе самой личности, часть в ее структуре, которая является на деле продуктом длительного исторического развития и объектом межпоколенной передачи опыта» [Караулов стр. 42].

Выделяются три способа представления ЯЛ. Один из них исходит из трехуровневой организации (состоящей из вербально-семантического, или структурно-системного, лингвокогнитивного, или тезаурусного, и мотивационного уровней) ЯЛ. Другой опирается на совокупность умений, или готовностей ЯЛ к осуществлению различных видов речемыслительной деятельности и исполнению разного рода коммуникативных ролей. Третий

способ представляет собой попытку воссоздания ЯЛ в трехмерном пространстве а) данных об уровневой структуре языка (фонетика, грамматика, лексика), б) типов речевой деятельности (говорение, слушание, письмо, чтение), в) степеней овладения языком [Караулов 2009], что перекликается с подходом Г.И. Богина.

Необходимо отметить, что на каждом из трех уровней языковая личность складывается из специфических типовых элементов – а) единиц соответствующего уровня, б) отношений между ними и в) их стереотипных объединений, особых, свойственных каждому уровню комплексов.

Определяя ЯЛ, В.И. Карасик пишет: «ЯЛ представляет собой срединное звено между языковым сознанием – коллективным и индивидуальным активным отражением опыта, зафиксированного в языковой семантике, с одной стороны, и речевым поведением – осознанной и неосознанной системой коммуникативных поступков, раскрывающих характер и образ жизни человека, с другой стороны» [Карасик 2002: 70]. Вводится понятие *речевой паспорт* – совокупность тех коммуникативных особенностей личности, которые и делают эту личность уникальной (узнаваемой). В паспорте выделяют четыре компонента: биологический (пол и возраст), психический (эмоциональное состояние в момент речи), социальный (национальность, социальный статус, место рождения, профессия) и индивидуальный [там же 2002: 14].

Согласно В.И. Карасику, типологию языковых личностей можно проводить на следующих основаниях:

- с позиций этнокультурной лингвистики (здесь выделяют типы носителей базовой и маргинальной культур для соответствующего общества);
- с позиций психолингвистики;
- с социологической позиции (здесь в типологии личностей выделяют социальные типы героев, злодеев, клоунов, жертв);

- с позиций теории моделирования (выделение релевантных признаков модельной личности, т.е. типичного представителя определенной этносоциальной группы, узнаваемого по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации);
- с позиции речевой культуры (изучение степени приближения языкового сознания индивидуума к идеальной полноте языкового богатства с выделением таких ЯЛ, как носители элитарной, диалектной речевой культуры, носитель городского просторечия);
- с частночеловеческой позиции (выделяются стандартная и нестандартная ЯЛ (см.: [Карасик 2002: 13]).

Детальная классификация психологических типов ЯЛ разработана в исследовании С.А. Сухих [1998]. Ученый понимает ЯЛ в общем русле многомерного подхода как сложную многоуровневую функциональную систему, включающую языковую компетенцию, коммуникативную компетенцию и тезаурус. Важной характеристикой ЯЛ считается *языковая черта*: она определяется как: «устойчивая и повторяющаяся особенность вербального поведения человека, реализуемая на трех уровнях дискурса: экспонентном, субстанциональном и интенциональном, каждый из которых имеет свои языковые маркеры» [Сухих 1998: 112].

Экспонентный уровень охватывает синтагматические аспекты дискурса, включая грамматическую залоговость и распространенность предложения; здесь проявляется собственно языковая компетенция ЯЛ. Выделяются соотношения между вербальными признаками и ЯЛ. Данное соотношение и является сущностью самой черты. Выбирая конструкции со значением активности или пассивности, динамичности или статичности субъект общения ориентируется на такие качества как *активность* или *созерцательность*. Считается что, в трактовке фактов ЯЛ может с разной степенью утвердительности соотносить субъект и предикат в пропозиции (черта *хэзитивность*), а также использовать аргументацию для увеличения

степени достоверности утверждаемого (черты *персуативность* – *голословность*).

На субстанциональном уровне реализуется тезуарусные характеристики ЯЛ и раскрываются тематические характеристики дискурса, в т.ч. объем референции семантических единиц, развитие темы. Выделяются такие черты, как *конкретность* – *абстрактность* (склонность к употреблению или выбору языковых единиц с узкой или широкой сферой референции), При выборе черты *способ описания ситуаций* (степень их детализованности / обобщенности) появляется возможность постулировать такую черту как *аналитичность* – *синтетичность*. Полюса данной черты характеризуют склонностью коммуниканта без дополнительных побуждений со стороны партнера «детально конкретизировать тему диалога или представлять её в обобщенном виде, что может приводить к нарушению конврсационного постулата о количестве информации» [Сухих 1998: 113].

Интенциональный уровень описывает характеристики диалогового общения (такие как конфликтность и кооперативность, директивность и интегративность, диалогическую модальность), поэтому его характеристики напрямую к нашему материалу не относятся.

Подход С.А. Сухих используется нами с некоторыми модификациями в исследовательской части настоящей диссертации.

ЯЛ реализуется в различных типах дискурса, в том числе, речевоздействующем; речевое воздействие в традиционной лингвистике описывается с риторической позиции, а в современной – с аргументологической, которая помимо учета риторических аспектов дискурса, обладает и особыми характеристиками.

Аргументология, или современная теория аргументации – дисциплина, которая получила самостоятельное оформление в 1950-х гг. (см.: [Васильев 1994: 9]). С точки зрения очерчивания исследователского метода в аргументологии можно выделить три основных направления.

Логическое направление восходит к Аристотелю и рассматривает аргументирование на уровне высказывания или умозаключения (см.: [Васильев 1994; 2014; Дудина 2000; Яскевич 1993; Ducrot 1972; Kahane 1984; Toulmin 1958] и др.). Логическое направление исследования аргументации представляет собой анализ процедуры логического вывода и берет свое начало от силлогистики Аристотеля [Васильев; Назарчук 2013: 9].

Риторическое направление (см. работы: [Алексеева 2001; Белова 1995; Брутян 1984; Варзониин 1999; Добрякова 2003; Зарецкая 2001; Найденов 2001; Ярмаркина 2001] и др.), своими корнями уходящее в

античную риторику, акцентирует воздействие, основанное на характере риторической речи [Васильев, Назарчук 2013: 9].

Коммуникативно-диалогическое направление (см. работы: [Баранов, Добровольский 1997; Баранов, Сергеев 1988; Белова 1995; Белецкая 1999; Гавришина 1991; Голубев 1996; Долгова 2000; Еемерен, Гроотендорст 1994; Хенкеманс 2002; Мельникова 2003; Найденов 2001; Ощепкова 2004; Ревенко 1999; Фанян 1988, 2000; Eemeren, Grotendorst, Henkemans 1996; Henkemans 1992; Klein 1987; Walton 1995] и др.) отражает взаимоориентированное измерение (интеракцию), исходящее из самого характера организации диалогического аргументирующего дискурса [Васильев, Назарчук 2013: 9],

Рассматривая аргумент в качестве основного понятия аргументологии, Л.Г. Васильев и Ю.И. Назарчук определяют его как «микротекстовый структурно-семантический комплекс (т.е. не единичное высказывание, а комплекс высказываний), осмысленный как целостное образование, обладающие общей семантикой и состоящее из доказываемого утверждения (Тезиса) и его обоснования (Довода). Доказывание может употребляться наравне с отстаиванием, обоснованием и т.д.» [Васильев; Назарчук 2013: 32].

Базовый вариант в широко используемой функционально-ориентированной модели аргумента С. Тулмина содержит три компонента: Тезис / Вывод, Данные, Основание (соответственно, Claim, Data, Warrant).

Однако в реальной аргументации состав аргумента не ограничивается этими тремя компонентами. В шестичленном варианте модели аргументативных функций к уже выделенным ранее элементам добавляются еще три: Свидетельство (Backing), Ограничитель (Qualifier) и Оговорка (Rebuttal) [Toulmin 1958].

Тезис – это положение, которое мы хотим, чтобы реципиент принял, но которое заведомо подвергается сомнению со стороны реципиента. Данные – мысль, выраженная в языке, которая заранее приемлема или очевидна для получателя. Она служит отправной точкой для вывода Тезиса. Основание – мысль, служащая «мостиком» от Данных к Тезису. Основание показывает, почему именно нечто уже очевидное (Данные) помогает сделать менее приемлемую мысль (Тезис) более приемлемой. Свидетельство — это мысли, выражающие детали основания. Если Основание – это, как правило, общее положение, то Свидетельство – фактуальное подтверждение этого положения, например, цитата. Квалификатор – это информация, обозначающая степень уверенности продуцента в правильности Тезиса. Такая информация часто выражается в статических терминах, например, в процентах. Оговорка – это проводимые проponentом языковые выражения об условиях, которые противоречат тезису, или задание условий, в которых тезис не действует, например, *до тех пор, если не, в данных условиях*. Экспликация таких условий позволяет избавиться от возможных замечаний оппонента [Васильев; Назарчук 2013: 47].

Важный минимум аргумента составляют Тезис, Данные и Основания. Классификация данных компонентов может проводиться с опорой на разные исследовательские цели.

Л.Г. Васильев и Ю.И. Назарчук, опираясь на исследования Д. Энингера и У. Брокрида [Ehninger, Brockried 1963] выделяют четыре вида Тезисов – акциональные, оценочные, классификационные и декларативные.

Акциональные Тезисы характерны как для ментальной деятельности, так и для практической (указания для достижения желаемого). Отличие

данных Тезисов от других состоит в описании исключительно будущих ситуаций.

Оценочные Тезисы имеют оценочную модальность высказывания. Тезисы ориентированы на самостоятельную оценку или результат классификации либо принятие уже сложившейся оценки, которую произвели другие.

Декларативные Тезисы — это утверждения, имеющие отношение к физической, ментальной или психической действительности. Им присуще изъявительное наклонение.

Классификационные Тезисы предусматривают возможность отнести что-то к тому или иному классу.

В числе Данных авторы выделяют Факты и Мнения, сообщаемые человеком.

Л.Г. Васильев и Ю.И. Назарчук принимают следующую классификацию Оснований: 1) Основания каузации; 2) Основания группировки; 3) Основания сопоставления; 4) Основания авторитета; 5) Основания мотивации [Васильев; Назарчук 2013: 63].

Классификация Л.Г. Васильева и Ю.И. Назарчук принимается в исследовательской части настоящей диссертации.

В основе данной диссертационной работы лежит многоплановый анализ монологического текста ЛД. Аргументация рассматривается с двух сторон: рецептных топосов и ретушных интерпретаций топосов. Так, в практической главе мы попытаемся реализовать анализ аргументации в тексте на основе аргументативного фрейма с применением несколько иного хода анализа, отличного от способа анализа, принятого в калужской школе лингвистической аргументологии. Анализ, который в названной школе традиционно проводится методом восхождения от минимальных аргументов к макроаргументам, заменяется (или сочетается с) анализом обратного плана, сверху вниз. При анализе «снизу-вверх» недопустимо упускать какие-либо аргументативные структуры с нижестоящих уровней, так как учитывается

вклад каждого аргумента в общую семантику макрохода; при обратном движении незначительные потери возможны, но они не влияют на общую картину аргументативного фрейма.

1.4. Организация речевого общения: стратегии и тактики

В концептуальный аппарат лингвистической прагматики входят принципы коммуникативного взаимодействия, а также правила, обеспечивающие их соблюдение. Коммуникативная деятельность подчиняется принципу кооперативности, принципу рациональности, или принципу экономии усилий, который состоит в том, что, желая достичь некоторой цели, человек выбирает такое действие, которое позволит достичь этой цели быстрее и с минимальными затратами усилий и ресурсов. Коммуникативная деятельность по достижению своих коммуникативных целей реализуется через коммуникативные стратегии и тактики [Вахтель 2008: 23].

В современной лингвистике тактико-стратегический анализ дискурса применяется многими авторами, см.: [Демьянков 1982]; [Дейк 1989]; [Шмелева 1990]; [Рытникова 1996]; [Сухих 1998]; [Маркова 2003]; [Макаров 2003]; [Афанасьева 2005]; [Рублева 2005]; [Борисова 2005]; [Черкасова 2006]; [Черкунова 2006]; [Швырева 2006]; [Волкова 2007]; [Коробова 2007]; [Седов 2007]; [Иссерс 2008]; [Швец 2008]; [Андрющенко 2009]; [Васильев, Черкасская 2013]. Мы не ставим задачу рассмотреть подходы всех ученых, но остановимся на более значимых.

На основе анализа работ зарубежных исследователей, В.З. Демьянков выделяет принципы конвенционального общения, которым подчиняются стратегии [Демьянков 1982: 331-333]. Рассмотрим их вслед за автором:

- принцип выразимости: все, что имеется в виду, можно адекватно выразить;

- принцип ясности: при произнесении предложения, истинного только некоторую часть времени, в течение которого оно произносится, имеет место презумпция, что адресат будет оценивать истинность высказывания относительно именно соответствующего отрезка времени;
- принцип правдивости и доверия: производят только те речевые акты, которые удовлетворяют условиям уместности;
- принцип неточности выражения в контексте: когда это допускают обстоятельства, употребимы не обязательно самые точные способы выражения;
- принцип потенциальной выявимости оснований: высказывание должно давать адресату ту путеводную нить, которая позволяет выявить, какие именно доводы говорящий предполагает имеющимися в распоряжении адресата и которые позволяют последнему думать именно таким образом;
- принцип оптимальности: стремление минимизировать сложность поверхностной структуры своего высказывания и максимизировать тот объем информации, который может быть успешно сообщен адресату;
- принцип выполнения взятых обязательств: следует ожидать выполнения обещаний;
- принцип неконкретизированного времени: оно может быть не уточнено, и тогда ожидается, что речь идет о ближайшем по возможности;
- принцип эффективности: обычно избегают делать избыточные высказывания, однако при этом ведут себя так, как если бы сокращений в высказывании не было, и ожидают аналогичного от адресата;
- принцип временной ограниченности: если утверждение о том, что кто-то в состоянии совершить определенное действие, содержит уточнение

времени (скажем, обстоятельство времени типа *сегодня, завтра, теперь*), то обычно предполагается, что эта способность не существовала или была ограничена до указываемого момента времени.

Выделяется общая классификация стратегий: 1) стратегии, использующие общие свойства коммуникации – как речевые, так и паралингвистические (культуремы); 2) стратегии вербального общения.

Стратегии вербального общения включают стратегии, использующие:

- а) свойства динамики коммуникации (стратегии занятия инициативы в разговоре, введение в разговор рассказа);
- б) свойства единиц общения (знания семантического потенциала высказывания, т.е. возможностей употребить предложение в том или ином конкретном речевом акте), в том числе знание системы речевых актов и степень владения ею;
- в) владение «техникой» осуществления конкретных речевых актов в случае институциональных видов общения;
- г) техника «совершения» высказывания (где используются владение грамматикой, лексикой, и другими языковыми средствами, знания о мире вещей, понятий, о внутренней логике процессов и набор ожиданий, общих для конкретной группы):

- 1) владение навыками говорящего (включает стратегии связанной речи, стратегии выражения установок по отношению к тем или иным высказываниям, знаниям;
- 2) владения навыками слушающего (умение поддакивать, возражать – вслух по ходу чужой речи или только по окончании ее) и т.д. [Демьянков 1982: 336].

Т.А. ван Дейк [Дейк 1989] отмечает, что важным ориентиром в речевом общении является успешность планируемого перлокутивного эффекта и речевое взаимодействие, направленное на достижение общей цели коммуникантов. Определяется, что для диалогического общения нужно выделить стратегии и тактики порождения и понимания дискурса. А для монологического общения важны стратегии и тактики только порождения или только понимания.

Также выделяются пропозициональные стратегии, стратегии ЛДкальной когеренции (связности), продукционные стратегии,

макстратегии, а также схематические, сценарные стратегии, стилистические [Дейк, Кинч 1988; Tannen 1993; Gumperz 1982] и разговорные стратегии (см.: [Макаров 2003: 194]).

С.А. Сухих, описывая речевые стратегии, выделяет два наиболее значимых компонента: 1) оценка ситуации и 2) опора на понятие целеполагания, которое предусматривает выбор одной из ряда задаваемых целей, преобразование мотива в мотив-цель, выделение промежуточных целей. На стадии выполнения осуществляется вербализация. Важным для интерактивной ситуации является то, что в ней могут иметь место пересмотр плана, различные коррекции [Сухих 1998: 65]. В результате взаимодействия партнёров их речевые стратегии могут изменяться: речевая стратегия обуславливает определенную последовательность действий говорящего в соответствии с планом (в случае волевого поведения) или установкой (в случае импульсивного поведения) [Сухих 1998: 72-73]. Автор определяет порядок, которому подчиняется построение стратегий: ожидания на основе общего контекста интеракций; специальные планы; степень знакомства коммуникантов; социальный повод; близость установок; сходство интересов; направление перспектив коммуникантов (как А видит Б; как А видит себя; как А видит способ, каким Б видит себя и А); структура личности [Сухих 1998:76].

Е.В. Клюев определяет коммуникативную стратегию как «совокупность запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели» [Клюев 2002: 18]. Автор рассматривает коммуникативную тактику как «совокупность практических ходов в реальном процессе речевого взаимодействия» и замечает, что «коммуникативная тактика, в отличие от коммуникативной стратегии, прежде всего, соотнесена не с коммуникативной целью, а с набором коммуникативных намерений», которые он относит к одной из составляющих тактики. При этом коммуникативное намерение трактуется

как тактический ход, являющийся практическим средством движения к соответствующей коммуникативной цели [Клюев 2002: 19].

Также ученый определяет коммуникативную интенцию как «представление о способе объединения теоретических ходов в единое целое (коммуникативную стратегию)». При этом коммуникативная цель соотносится со «стратегическим результатом, на который направлен коммуникативный акт: результат этот может обсуждаться как на вербальном, словесном, уровне, так и на уровне физических действий» [Клюев 2002: 18].

Используя коммуникативную компетенцию, говорящий ставит перед собой цель (определяя или не определяя коммуникативную перспективу) и, следуя определенной коммуникативной интенции, выбирает коммуникативную стратегию, которая преобразуется (или не преобразуется) в коммуникативную тактику как совокупность коммуникативных намерений (задач), пополняя коммуникативный опыт говорящего [Клюев 2002: 12].

М.Л. Макаров считает, что коммуникативные стратегии являются синтагматическими способами формирования дискурса, которые выявляют его открытие, продолжение и закрытие в зависимости от хода коммуникантов. Рассматривая понятие коммуникативной стратегии, М.Л. Макаров отмечает, что под стратегией понимается «цепь решений говорящего, коммуникативных выборов тех или иных речевых действий и языковых средств» либо «реализация набора целей в структуре общения». Иерархическая организация целей подразумевает выделение стратегических и глобальных, а также подчинённых им тактических и локальных целей, соответствующих отдельным этапам коммуникативного события [Макаров 2003: 193].

И.Н. Борисова считает возможным говорить о двух типах коммуникативных стратегий в диалогах: «осознанных, поддающихся рефлексивному выявлению, связанных преимущественно с достижением предметно-практической или социально-практической цели..., и подсознательных, не определяемых обдуманном планом, рациональным

замыслом, а заданных общей установкой» [Борисова 2005: 87]. Второй тип автор предлагает назвать дискурсивными стратегиями. Они являются проявлением в речи психологической, ценностно-личностной ориентации говорящих, реализуемой в рамках национальных традиций общения. В зависимости от доминирования в замысле речевых действий определенного программного блока И.Н. Борисова выделяет три типа дискурсивной стратегии – информативную, модальную и прагматическую [Борисова 2005: 64]. Далее автор добавляет, что «коммуникативная стратегия предполагает отбор фактов и подачу их в определённом освещении, заставляет говорящего соответственно организовать речь, обуславливает подбор и использование языковых средств» [Борисова 2005: 65].

И.Н. Борисова определяет тактику общения как динамическое использование коммуникантами речевых умений для построения диалога в рамках той или иной стратегии [там же: 67].

Л.Г. Васильев и Н.Н. Черкасская [2013] считают, что осуществление стратегий речевого общения реализуется тактиками. Выделение тактик происходит по принципу ‘целое – стратегия; часть – тактика’. Для дробления применяются различные стороны стратегий, иллюкативное содержание, пропозициональное содержание и т.д. Выясняется, что в монологическом подходе присутствует ингерентный для стратегий параметр планирования, а в диалогическом – он же плюс параметр контроля (см.: [Васильев; Черкасская 2013: 15]).

В работе О.Н. Мищук [2015] термин стратегия определяется и употребляется в особом смысле: указывается что «одной из характеристик стратегии является возможность и готовность ее коррекции при меняющихся условиях общения. Такие характеристики, однако, присущи в большей мере диалогическому взаимодействию <...> В несимметричной (монологической) коммуникативной ситуации наблюдается усечение параметра динамичности, в общем характерного для стратегий, и придание стратегии интенциональной очерченности; по-видимому, такая особенность характерна для

монологических стратегий вообще» [Мищук 2015: 57]. Этот подход хорошо объясняет существование рассмотрения стратегий в монологическом дискурсе, используется в калужской лингвоаргументологической школе и принимается в настоящей диссертации.

1.5. Параметры когнитивно-лингвистического метода

1.5.1. Фреймовый подход к изучению речевого общения

В современной науке имеется множество монографий, посвященных исследованию теории фреймов, а также фреймового анализа различного языкового материала. Но несмотря на наличие работ по данной тематике, фрейм все еще относится к таким категориям, возможности которых еще не получили исчерпывающего изучения.

Обзор точек зрения авторов на природу фрейма, наравне с изучением опыта применения фреймового анализа зарубежными и отечественными лингвистами может дать более полное представление о понятийной сфере самого термина, о возможностях и перспективах теории фреймов применительно к лингвистическим исследованиям, в частности, к изучению жанров речи, топосов и речевых актов. Теоретической и практической базой для определения путей реализации фреймового анализа в лингвистических исследованиях могут послужить работы [Минский 1979], [Ыйм 1983], [Гончаренко; Шингарева 1984], [Романов 1990], [Сухих 1998], [Васильев 1999], [Масленникова 2000], [Жаботинская 2004; 2005; 2009], [Никонова 2009] и др.

Изучив работы ученых, можно сделать вывод о том, что фрейм трактуют как лингвокогнитивное и как лингвокультурное явление. Сторонниками первого подхода являются такие ученые, как А.П. Бабушкин, А.Н. Баранов, Е.С. Кубрякова, М.Л. Макаров, З.Д. Попова, И.А. Стернин,

Л.А. Шестак и др., а приверженцами второго – В.И. Карасик, Н.А. Красавский, В.В. Красных, Г.Г. Слышкин, В.Н. Телия и др.

Как известно, термин *фрейм* был введен М. Минским для описания искусственного интеллекта и определен как: «структура данных для представления стереотипной ситуации» [Минский 1979: 7]. Сам автор описывает фрейм следующим образом: «верхние уровни фрейма четко определены, поскольку образованы такими понятиями, которые всегда справедливы по отношению к предполагаемой ситуации. На более низких уровнях имеется много особых вершин – терминалов или «ячеек», которые должны быть заполнены характерными примерами или данными» [Минский 1979: 7]. Также М. Минский признает двойственную природу фрейма, с одной стороны – это структура статичная, с другой – динамичная. «Статичные когнитивные структуры представлены собственно фреймами, а динамичные – сценариями или фреймами-сценариями» [там же: 8].

Х.Я. Ыйм [1983], изучая разновидности понимания языка, занимается рассмотрением уровней организации знаний и разрабатывает собственную теорию когнитивных процессов, а именно, понимания и хранения информации с помощью элементарных схем знаний. Считается, что «элементарные схемы знаний включают как знания статического типа, так и динамического» [Ыйм 1983: 7]. Говоря о внешнем виде систем знаний, ученый считает, что они состоят из «тела» и выходящих из него «ветвей». Считается, что ветвям присуще сложное строение. Каждая ветвь состоит, из названия тела, которое эта ветвь представляет и из, "значения" (value), которым при конкретизации схемы является некоторая другая элементарная система знаний или целая структура знаний. Как считает автор, для ветви в схеме можно установить круг значений. Структуры можно изобразить графически и с использованием «скобочных выражений» [Ыйм 1983: 123].

Но принципиальными для исследователя остаются различия в трактовке знаний и в представлении знаний, которые отличают эту концепцию от традиционного фреймового подхода. Ученый делает акцент на

том, что «элементарные системы знаний не являются единицами без всякой внутренней структуры. Они скорее задуманы как единицы такого типа, какими являются, например, клетки в структуре организма <...> Мыслительная деятельность, в которой реализуется понимание текста, заключается не в представлении структур, а в активизации, устанавливании или стирании определенных связей между структурами». Именно поэтому автор предпочитает говорить о "ветвях", а не об аргументах или "слотах" (термин, принятый в теории фреймов): «ветви – это средства установления связей между отдельными единицами знаний, а через последние и между структурами знаний» [Ыйм 1983: 125].

В.В. Гончаренко, Е.А. Шингарева [1984] выделяют два описательных вида фреймов – классификационный и текстовый. Статический (классификационный) фрейм представляет знания о языковых единицах. Обосновывается необходимость применения фреймового анализа к лингвистическим аспектам, которые находятся в статическом виде. Считается, что изначально фрейм – пустой и является структурой данных о тексте, т.е. в данном виде не содержит какую-либо конкретную информацию. Авторы замечают, что если заранее составить фрейм и заполнить его экземпляр, то можно таким образом выразить смысл текста.

С динамической точки зрения текстовые фреймы разделяются на ситуативные и лингвистические. Ситуативные применяются для описания конкретных ситуаций, а лингвистические фреймы служат для описывания текстов, которые описывают ситуации. [Гончаренко; Шингарева 1984: 3]. Другими словами, лингвистический фрейм определяется, как структура, ориентированная на текст.

А.А. Романов [1990] рассматривает системы языковых средств, участвующих в формировании речеорганизующей или регулятивной составляющей диалогического взаимодействия. Стержневым элементов предлагаемой модели видится фреймовый сценарий, конструкция которого имеет вид «функционально-семантического представления, которое

содержит ролевые характеристики участников» [Романов 1990: 14]. Устанавливая или фиксируя имя той или иной информации, собеседники активизируют в сознании фрейм-сценарий. Автор считает, что в момент диалогического общения утвержденное говорящим имя какой-то ситуации может выступить как инициатор для того, чтобы данное зафиксированное имя могло активизировать конкретные концепты.

Говоря об альтернативных трактовках фреймового подхода, отметим семиотико-динамический подход Л.Г. Васильева. Автор характеризует продуцирование и понимание текста на основе таких понятий, как сигнификат, денотат и референт. Трактую текст как знаковое образование (результат первичного семиозиса) Л.Г. Васильев считает, что текст в данном варианте можно применять как готовую модель в разных коммуникативных ситуациях. В предлагаемой трактовке денотат понимается как идеальный предмет, образ предмета, представление, еще не подвергнутое языковому означиванию. Сигнификат трактуется как понятийная форма предмета, зафиксированная в языковой форме, как дистинктивные свойства денотата. Автор считает, что сигнификат имеет фреймовую структуру, где верхние узлы соответствуют конвенциональному, а нижние – индивидуальному полю. Образование референта – это подведение денотата под некоторый класс (ср. во фреймовом подходе подведение ситуации под фрейм того или иного вида, где без такого рода опознания возникает ситуация когнитивного дискомфорта). Затем происходит подведение денотативно-референтного образования под существующее в памяти автора понятие или модель [Васильев 1999: 22].

С точки зрения ученого, «если исходить из идеи о фреймовом характере восприятия информации, то при линейном развертывании сообщения восприятию языковых единиц сопутствует выявление комплексов, связанных с этими единицами ассоциаций, т.е. воссоздаются фреймы, соответствующие этим единицам. На стадии восприятия фрейма происходит "высвечивание" ядерной зоны в системе знаний реципиента; эта

зона коррелирует с конвенциональными полями сигнификатов отправителя и получателя для данной языковой единицы. На следующем этапе восприятия происходит "привязка" статической структуры к ситуации посредством характеристики этого фрейма» [Васильев 1999: 33].

Е.М. Масленникова, систематизируя различные подходы к фреймам, отмечает тот факт, что в момент общения, коммуниканты обращаются как к знанию языка, нормам и правилам его функционирования, так и к своему опыту, сведениям о тексте, стратегиям и процедурам освоения опыта и представления знаний. Автор считает, что «различные типы знаний хранятся в памяти в виде единиц представления знаний о стереотипных ситуациях, входящих в систему общих знаний о мире и фрагменте реальной действительности». Е.М. Масленникова выделяет иерархическую структуру фрейма, которая состоит из терминальных и нетерминальных узлов. Данные узлы содержат информацию о том объекте, который описывает фрейм и данные, нужные для вывода. Терминал может описывать как предмет, так содержать информацию об отношениях между объектами. По мнению автора, «различные фреймы одной системы описывают один объект с разных углов зрения» [[Масленникова 2000: 116]. Автор отмечает, что закономерности текстопостроения можно наблюдать, если рассмотреть текст как иерархию фреймов. Проанализировав фреймы, появляется возможность «построить иерархическую систему семантических взаимоотношений внутри текста» [Масленникова 2000: 124]. Возможно описать структурный фрейм текста и ориентируясь на включенные в него признаки, соотнести его с определенным типом текста.

В подходе Ж.В. Никоновой [2009] фрейм определяется как представление опытного когнитивного знания человека. Фрейм соединяет область познавательного и языкового: «фрейм в процессе вербализации интенционального смысла, смыкаясь смысловыми узлами схемы с соответствующими компонентами значения семантической/пропозициональной единицы/структуры языка, актуализирует

соотносимый с нею фрейм в сознании носителей языка» [Никонова 2009: 19]. Исследователь указывает на то, что фрейм представляет собой смысловой каркас будущего высказывания. Одномерная языковая структура разворачивается через образованную получателем фреймовую структуру в многомерную когнитивную единицу, которая вызывает в сознании нужные образы и понятия.

В работе делается вывод о том, что порождение речевого акта происходит на основе динамического фрейма этого речевого акта. Процесс вербализации можно представить как процесс развертывания фрейма в речи, ««овеществления» посредством языковых единиц ситуативно обусловленного смысла, который можно охарактеризовать как статичный рематически маркированный фрейм» [Никонова 2009: 21].

По мнению Ж.В. Никоновой, для определения фреймовой структуры вербализуемого речевого акта, необходимо выявить концептуальные узлы вербализуемого интенционального смысла. Для этого необходима опора на компонентный анализ акторечевого значения дискурса — чтобы получить доступ к концептуальной области, где когнитивный объем фрейма соответствует уровню других когнитивных единиц. Когнитивные единицы отражают способ категоризации референтной ситуации речевого общения в сознании коммуникантов.

С.А. Жаботинская в монографиях [Жаботинская 2004; 2005; 2009] считает, что для получения полной и разноплановой информации о том или ином предмете пригодятся фреймовые сети.

Важное место в работе занимает термин *домен*. Вслед за Р. Ленекером, для воссоздания концептуальной структуры домена, ученый использует базисные фреймы.

Домен определяется, как «любая целостная область концептуализации, относительно которой характеризуется семантическая структура» [Langacker 1987: 547]. Так, доменом слова *яблоко* становится вся разноплановая информация о данном предмете — о его свойствах и отношениях, о

включенности его в различные виды деятельности и т.п. По наблюдению Р. Ленекера, все языковые единицы до какой-то степени контекстуально зависимы. Домен и есть контекст для характеристики семантической единицы. В широком понимании доменом может быть любой концепт или область опыта, в том числе и та, которая задается в пространстве текущего дискурса [Langacker 1987: 147].

С.А. Жаботинская считает, что концептуальные структуры базы и профиля зависят от концептуальной структуры домена, будучи ее частью, и необходим инструментарий, позволяющий воссоздавать концептуальную структуру домена [Жаботинская 2004: 85]. Кандидатами на роль таких инструментов С.А. Жаботинская предлагает считать базисные фреймы. Базисными они являются потому, что в них включены общие понятия, которые заложены в основу «изначальной категоризации и организации вербализованной информации» [Жаботинская 2009: 78]. Анализ данных, относящихся к различным уровням языка – лексическому, словообразовательному, синтаксическому – позволяет автору говорить о наличии пяти базисных фреймов – предметного, акционального, посессивного, идентификационного и компаративного. В процессе объединения базисных фреймов возникает межфреймовая сеть. Предполагается, что данная сеть — это универсальный инструмент человеческого мышления. Фреймовая сеть может проявляться на различных уровнях языковой системы.

С.А. Сухих в [Сухих 1998], приходит к выводу, что на основе фреймового подхода ученые объясняют когнитивные процессы, протекающие в человеке. А лингвисты, как утверждает автор, «берут эту модель как один из способов представления семантической репрезентации «мира-текста» [Сухих 1998: 188]. Разграничивая декларативные и процедурные знания, ученый считает, что обоснованно противопоставить следующие три вида знаний: знание о мире событий, предметов т.е. фрейм; знание о социальном взаимодействии (скрипт, сценарий); знание о том, как

организовывается деятельность (план). Определяется, что фреймы, скрипты и планы — это разновидности *схемы* как всестороннего способа организации, и план является обобщающим знанием, которое подчиняет фреймы и скрипты. Исследователь отмечает, что «терминалы фрейма связаны отношениями, присущими концептуальной памяти: часть — целое, атрибут — субстанция, класс — метакласс и др. Активация того или иного репертуара фреймов и скриптов связана с социальной сферой и составом участников взаимодействия» [Сухих 1998: 204].

С точки зрения разделения коллективных и индивидуальных знаний различаются рецепты и ретуши. Под рецептом понимается «репрезентация стереотипных комплексных событий или ситуаций, хранящихся в семантической памяти» Ретуши определяются как знания, которые хранятся в эпизодической памяти, составляют индивидуальный опыт человека. Знания-рецепты и знания-ретуши могут быть формализованы в виде скриптов или фреймов. Ведущими для понимания текстов выступают знания-рецепты как универсальная база. Рецепты как бы задают рамки семантической сети, активируемых в памяти знаний, и рамки возможных вплетений ретушей» [Сухих 1998: 190]. В текстах ретуши являются своеобразным отклонением от рецептов и имеют собственный интервал, и чем сильнее отклонение, тем выше эпизодичность текста.

Также С.А. Сухих с помощью фреймового анализа описывает субстанциональный уровень языковой личности (далее — ЯЛ) [Сухих 1998: 95], который обладает своим особым синтаксисом и описывает то, что исследуется в ЯЛ вообще — (а) взаимовлияние тезаурусов, (б) макроинтенции, (в) стратегии.

Из произведенного обзора, можно сделать вывод о том, что фрейм понимается как некая стереотипная структура или многоаспектный когнитивный феномен для представления знаний, каркас или схема, в которой кодируются или хранятся знания, а также приобретенный опыт. Это структура, состоящая из определенных уровней. Верхние уровни являются

фиксированными в большей степени, а нижние уровни заполняются индивидуально. Фреймовый подход может являться универсальным способом для анализа различных языковых явлений. Фреймы могут существовать как в статичном состоянии, так и в динамичном. Статичное характеризуется фиксацией структуры узлов и отношений, а динамичное состояние — это процесс развертывания фрейма при его вербализации.

Подводя итог всему сказанному, мы рассматриваем фрейм с точки зрения лингвокогнитивного подхода в варианте теории С.А. Сухих и с позиции концепции Л.Г. Васильева, которая основана на системно-семиотическом подходе к тексту.

1.5.2. Топосный подход: история и современность

Анализ содержания ЛД возможно осуществлять и при помощи положений теории топосов. Топосы дают возможность изучить как строение рассуждения, так и «точки опоры» в нем. В настоящей диссертации теория топосов расценивается как вариант когнитивного подхода, поскольку именно топосы представляют собой своеобразные когнитивные опоры для создания и понимания текста.

Исторически теория топосов рассматривалась в одном ряду с риторикой; однако, на наш взгляд, она одновременно относится как к ЛДгике, так и к риторике; более того, она может быть выведена за пределы их обеих; речь идет не об отношениях включения одной категории в другие, а о пересекающихся понятиях, где топика занимает свое отдельное место (см. подробнее: [Пучкова 2011; Садикова 2012; Васильев, Котелевская 2015]).

Об этом косвенно свидетельствует и подход Аристотеля, который не сводил «Топику» ни к исключительно к «Риторике», ни к «Диалектике». Все это говорит о возможности использовать исследовательские механизмы теории топосов при анализе дискурса.

Понятие топоса (τοπος) было введено еще в софистике, Протагором, а развито в «Топике» и «Риторике» Аристотелем. Более того, речь идет о едином комплексе: аристотелевы «Диалектика», куда включена «Топика» наряду с «Поэтикой» и «Риторикой», расцениваются в период поздней греческой античности как единый «Органон»; при этом в «Риторике» можно найти несколько отсылок к «Топике».

Топос изначально понимался не только как «место», откуда можно брать аргументы, но и как то, как именно их строить. Иначе говоря, топос относили к аргументативной части речи, что впоследствии вошло в первые два римские канона риторики, *inventio* и *dispositio*. Топосы применялись как в риторике, так и в диалектике (т.е. логике). Риторическая система, предложенная Аристотелем, включает особые *места*, или частные топосы, относящиеся к одному из трех ораторских жанров (политической речи, церемониальной речи и юридической речи), а также общие топосы, которые могут относиться ко всем жанрам. В частных топосах используются мнения и оценки, соединяющие посылку и защищаемый тезис, правильность и истинность которых общепризнанны. Эти мнения и оценки непосредственно связаны с той целью, которая ставится при рассуждении в рамках, перечисленных выше жанров [Пучкова 2011: 60].

Среди общих топосов описываются схемы рассуждения, которые могут быть использованы во всех жанрах. Частные топосы представляют собой готовые положения, которые могут быть прямо использованы как связка между посылкой и тезисом; общие же приемы состоят из абстрактных общих положений [Аристотель 1978: 481].

В числе общих топосов в «Риторике» называются: род; вид; определение; сходство; противоположное; причина; следствие; свойство; часть; целое; имя; предшествующее; последующее; отрицание; возможное и невозможное, будущее и прошлое; большее и меньшее; разведение и соединение синонимичных терминов; использование соотношения двух предметов; разделение утверждения на логические части; игра на

многозначности термина; толкование термина в выгодном для нас свете; построение парадокса и т.д.

Итак, топос у Аристотеля – это тактическое вспомогательное средство построения аргумента, который состоит из тезиса и посылок; топос помогает определить какие посылки можно использовать для доказывания тезиса. В этом статальном плане состоит выборочная функция топоса. Но топос можно рассматривать и как посылку, гарантирующую правильность умозаключения от других посылок к тезису. В этом процедурном плане – его основная функция. Выбор связан с четырьмя типами предикатов – рода, вида, дефиниции и акциденции. Так, выбор предиката рода подразумевает, что то, что применимо к роду (общему), применимо и к виду (частному).

Гермагор (II в. н.э.) переделал Аристотелеву теорию топосов в учебное пособие, подходящее для выступлений в суде (теорию стазиса). Стазис представляет собою основной вопрос обсуждаемой ситуации; это, по сути дела, конкретные доводы, или обоснование для тезиса как более общего вывода (см. также: [Сухарева 2010]).

В Др. Риме подход Аристотеля не критиковался, а скорее, уточнялся; при этом базисное разделение общих и частных топосов сохраняется.

В наиболее известной работе раннего Цицерона «De Inventione» автор следует Гермагору, развивая теорию стазиса, называя его *статусом*. Статус представлен в четырех независимых друг от друга разновидностях спора: (а) спор о факте; (б) спор об именовании поступка; (в) спор о природе или свойствах поступка; (г) спор о судебной процедуре. Эти разновидности спора нуждаются в аргументах, отсюда потребность в топосах.

Топосы связаны у Цицерона с шестью известными этапами речи (суперструктурой, по Т. ван Дейку) – *exordium, narratio, partitio, confirmatio, refutatio, conclusio*. Для каждого из этапов могут быть установлены свои (частные) топосы.

У Квинтилиана любопытна разработка концепции общих мест с разделением топосов как универсальных положений и топосов, из которых

заимствуются доводы. К последним отнесены топосы двух разновидностей – антропогенные и физикалистские. В преимущественно антропогенные включены: порода; народ; отчизна; пол; возраст, воспитание и обучение; вид и сложение тела; имущество; состояние; свойства душевные и образ жизни; ремесло; дела; речи лиц. К преимущественно физикалистским отнесены: (1) причины поступков ((а) получение, приращение, сохранение, употребление добра; (б) предварение, удаление, облегчение зла и перемена его на доброе; (в) ЛДжные мнения о добре и зле); (2) хронотоп (место и время); (3) реализация (возможности и способ); (4) определения (рода, вида, свойства, приличного и неприличного, противного, опровержения частей, несходного, видимого противоречащего, сравнения и т.п.).

У Гермогена (греческого ритора древнеримского периода) выбор топосов основан на принципе дихотомического деления понятия. Составляющие стазиса (факт, дефиниция, качество, перемещение) не равноправны, как у Гермагора и Цицерона. Так, дело может быть ясным и неясным; если оно неясно, то стазисом является факт. Если оно ясно, то оно либо неопределенно (что требует стазиса дефиниции), либо определено. Если последнее, то оно либо характеризуется некоторыми признаками (что требует стазиса качества), либо нет. Если нет, то оратор может надеяться оспорить подсудность дела (здесь вступает в силу стазис перемещения).

В связи с картезианским стремлением к выработке универсальных построений в Средние века акцентируется разработка общих процессуальных топосов. Однако это не имеет отношения к риторике, которая считалась ненаучным занятием, так как не отвечала принципам строгости мышления – (см.: [Арно, Николь 1991: 239]).

В Новое время можно отметить метафизическую разработку общих топосов у Р. Агриколы. Топосы расцениваются как маркеры общих признаков, которыми обладают предметы. Они связываются со средним термином силлогизма, поиск которого осуществляется при инвенции. Средний термин осмысливается как схема рассуждения, его способ.

Собственной системы топосов ученый не приводит, предпочитая пользоваться теми, что были разработаны в риторических изысканиях Аристотеля и Цицерона – общие статальные топосы *дефиниция, род, вид, свойство, целое, часть* и т.д. – всего более 20 топосов.

В XX веке после возрождения интереса к риторике как науке в зарубежных исследованиях можно выделить два основных подхода – Х. Перельмана и С. Тулмина.

В Новой риторике Х. Перельмана с процессуальными топосами сопоставимы модели аргументации. Они представлены в виде двух категорий: ассоциации и диссоциации. Аргументы, по ассоциации подразделяются на следующие: (а) квазилогические: логическую зависимость (\pm идентичность; транзитивность; противоречие; взаимозависимость) и математическую зависимость (гипонимия; дробление; сравнение; уступка; вероятность)); (б) аргументы, основанные на реальности: на структуре реальности (отношения последствий (каузальность, затраты, прагматичность, направление, безграничность), на сосуществовании (человек – поступок, группа – участники, действие – суть, референт – символ, двойная иерархия, количество – качество) и на использовании структур реальности (пример, иллюстрация, аналогия). Аргументы по диссоциации основаны на принципе «разрушение связей», находящихся в системе ценностей или верований аудитории (объективное – субъективное, теория – практика, абсолютное – относительное) (см. подробную характеристику моделей: [Гусева 2006; Сухарева 2010]).

В критико-рационалистической концепции С. Тулмина [Toulmin 1958] топосы напрямую не исследуются, не используется даже сам термин *риторика*. Однако со статальными топосами сопоставимы компоненты аргументативной модели, а сама модель – с римской эпихейремой и тем самым – с процессуальным топосом как инструментом, который используется для построения или анализа рассуждения. По С. Тулмину, движение мысли и речи аргументатора происходит от Данных к Тезису, при

этом центральным топосом является Основание; Основание может подкрепляться Свидетельством.

В риториках России, по свидетельству В.И. Аннушкина [1994], используется классический подход с разделением топосов на внешние и внутренние. Здесь будут приведены лишь некоторые из концепций (подробнее см: [Васильев, Котелевская 2015; Пучкова 2011]).

Так, у И. Поповского выделяется 16 внутренних, общих статальных и 6 внешних частных статальных и процессуальных топосов. У М. Усачева описаны «места вещей»: врожденные = внутренние / привзятые = внешние.

У М.В. Ломоносова выделено 16 общих топосов («риторических мест»): 1) род и вид; 2) целое и часть; 3) свойства материальные; 4) свойства жизненные; 5) имя; 6) действия и страдания; 7) место; 8) время; 9) происхождение; 10) причина; 11) предыдущее и последующее; 12) признаки; 13) обстоятельства; 14) подобные; 15) исходные и противные вещи; 16) сравнение (см.: [Пучкова 2011: 65]).

Н.Ф. Кошанский называет 24 топоса, добавляя к ЛДмоносовым пример, свидетельство, уступление, условие, качества, принадлежности, и отделяя друг от друга топосы род, вид, целое, часть, действие, страдание (Цит. по: [Соболева 2002: 22]).

Из современных исследований наиболее заметными можно считать подходы Л.В. Ассуировой, Г.Г. Хазагерова, А.А. Волкова, В.А. Садиковой.

У Л.В. Ассуировой [2003] топосы трактуются как структурно-смысловые модели, позволяющие порождать тексты, способы исследования темы и поиск доказательств. По признаку функционального предназначения и процессуального характера источника разделяются: родовидовая характеристика; соотношение целого и частей предмета речи; определение предмета речи; обращение к происхождению слова; сравнение предметов, явлений, событий, людей; выделение свойств предмета речи; последующее всегда идет за предыдущим; поиск обстоятельств; выявление причинно-следственных связей; поиск свидетельств.

Г.Г. Хазагеров (см: [Хазагеров, Ширина 1999; Хазагеров, ЛДбанов 2008]) разделяет топосы по признаку (А) абстрактное / (Б) конкретное. В (А) выделяются (А-1) направленность на референта и (А-2) направленность на саму речь. В (А-1) включены род – вид, часть – целое и др. В (А-2) входят рубрики «до предмета речи», «после предмета речи» (с дальнейшими разбиениями по образцу обстоятельств в грамматиках). В (Б) также выделяются (Б-1) направленность на референта и (Б-2) направленность на саму речь. В (Б-1) отмечены виды «энаргий» (описаний) погоды, стран и обычаев, времен, культурно-литературные и т.п. В (Б-2) включены способы развертывания текста – например, энумерация, анатомия, части оратории от проэмиума до рекапитуляции и перорации. По мысли автора, все эти явления объединены прагматической функцией.

А.А. Волкова представляет развернутую систему, где разделяет общие и частные, внутренние (логические) и внешние (содержательные) топы, группируя последние по ЛДгическому телеологическому критерию с экспликацией в нем содержательных семантических характеристик: (а) описательные, или обстоятельственные (для установления, определения и оценки фактов и для построения аргументов, связанных с фактическими, предметными обстоятельствами аргументации: действие – претерпевание; предыдущее – последующее; место; время; состояние; внешние обстоятельства); (б) модально-оценочные (для установления отношений между лицом и действием: лицо – поступок; образ действия; цель и средство); (в) причинно-следственные (для установления зависимости явлений: причина и следствие; условие); (г) определительные (для установления отношений между понятиями и для построения определений: присущее и привходящее; признаки; качества; свойство; отношение; род – вид, индивид; целое – часть; имя и вещь; тождество); (д) сравнительные (для развития мысли: большее – меньшее; подобие; противное; правило справедливости; обратимость; транзитивность) [Волков 2001].

В.А. Садикова утверждает, что топика имеет будущее как система структурно-смысловых моделей высказывания, где структурность относится исключительно к смыслу. Автор отмечает, что топику можно определить, как многосторонний термин, который активно действует и функционирует в таких научных сферах, как: риторика; психология; лингвистика и ЛДгика. Автор определяет топику, как «систему потенциально полных объективно-абстрактных языковых знаков-моделей, типологию инвариантов высказываний на уровне языка» [Садикова 2012: 23]. Топы считаются единицами речи/текста/дискурса. В.А. Садикова считает, что топосы не задаются исследователем. Они проявляются или функционируют в естественном языке или речи носителей. Топосы раскрываются в общении при помощи ситуации или содержания общения.

Соотнося предложение с логическим суждением, но считая предложение нетождественным суждению, а определяя высказывание как единицу сообщения, обладающую смысловой целостностью, автор приходит к заключению, что «топ – это структурно-смысловая модель высказывания в обобщённом смысле, его инвариант» [Садикова 2012: 23]. Исследователь делает вывод о том, что люди мыслят и говорят высказываниями или, иначе говоря, конкретными топами, но не предложениями. Для реализации топа может понадобиться как большое количество предложений, так и всего одно слово, если он имеет определённые качества, которые можно рассмотреть, как качества высказывания.

Из всего вышесказанного становится ясной возможность трактовки топосов и их классификации по самым разным основаниям. В том числе топику можно использовать в анализе ЛД. Также топосы можно рассмотреть и представить в аргументативной проекции.

1.6. Исследование языковых параметров любовного общения: состояние проблемы

Мы рассмотрели важнейшие современные подходы к анализу дискурса в его диалогической и монологической разновидностях безотносительно к жанрам дискурса. Теперь целесообразным представляется дать характеристику положения дел с исследованием ЛД и с тем, какие подходы реализуются в изучении этого речевого жанра.

В Др. Греции выделялось семь видов любви – четыре основных и три дополнительных. К основным относятся: *эрос* (др.-греч. ἔρως) – восторженная влюбленность, идеализация и поклонение; *филия* (др.-греч. φιλία) — любовь-дружба, бескорыстная душевная привязанность; *сторге* (др.-греч. сторυγή) – любовь-нежность, особенно семейная; *агапэ* (др.-греч. αγάπη) – жертвенная любовь к ближнему, безусловная любовь, любовь Бога к человеку. В дополнительные входили: *людус* (лат. *ludus*) – любовь-игра, основанная на половом влечении и направленная на получение удовольствий; *мания* (др.-греч. μανία) – любовь-одержимость, основа которой — страсть и ревность; *прагма* (др.-греч. πράγμα) – рассудочная любовь, любовь по расчету.

В культуре Древнего мира любовь считалась божественным даром. Для греков был характерен диалектико-дуалистический взгляд на любовь: как высшая форма душевного чувствования и одновременно глубочайшее страдание. У римлян культ физической любви заменяет любовь духовную. [Красавский 2001: 65-66].

А.А. Ивин предлагает представить поле *любви* в виде ряда «ступеней» или серии «кругов». Каждый из «кругов» включает в чем-то близкие виды любви, а движение от ядра к периферии подчиняется определенным принципам. Исследователь выделяет девять таких «кругов», ведущих от эротической любви через любовь к ближнему к любви к истине, к добру и т.п. и далее к любви к власти, к богатству и т.д. [Ивин 1990: 387–388].

В.А. Луков предлагает следующую характеристику любви как одной из важнейших констант мировой культуры: «Любовь близка к дружбе, но

отличается от нее. Ее антонимы — ненависть (более широкий аспект), ревность (по отношению к любимому человеку). В человеческих отношениях любовь обычно связывается с сексом, но возможна «любовь издалека» (впервые описана Дж. Рюделем, XII в.), неразделенная любовь (как в «Страданиях юного Вертера» Гёте), возможно и противопоставление любви сексу как духовной близости в противовес животному вожделению или близости за деньги. Любовь формируется в процессе «кристаллизации» чувства. Особый случай – любовь к себе («Я» выступает в качестве объекта для самого «Я»). Эта разновидность любви может восприниматься как положительная («самолюбие»), так и отрицательная («себялюбие») ценность» [www.durov.com.study].

В последние десятилетия концепт *любовь* анализировался ведущими учеными в следующих основных направлениях. Любовь описывалась с точки зрения национального менталитета как русская культурная доминанта, обладающая особой лингвистической и культурологической ценностью [Колесов 1987]; искали способы адекватного параметрического толкования любви с помощью метаязыка [Вежбицкая 1997]; характеризовалась этносемантика телеономных (высших ценностных) концептов *любовь, счастье* в русском и английском языках [Воркачев 2003] и др.

Исходя из классификации, предложенной И.А. Стерниным, концепт *Любовь* следует отнести к сегментным концептам, так как он обладает базовым чувственным слоем и окружен несколькими сегментами, равноправными по степени абстракции [Стернин 2001: 60].

Концепт *любовь* считается универсалией культуры субъективного ряда [Воркачев 2003: 271], в которой фокусируется отношение к объекту как к чему-то безусловно ценному. Концепт *любовь* отражает представление о базовых ценностях, в которых выражены основные убеждения, принципы и жизненные цели, и стоит в одном ряду с концептами *счастья, веры, надежды, свободы, добра*. Он напрямую

связан с формированием у человека смысла жизни как цели, достижение которой выходит за пределы его непосредственно индивидуального бытия. Любовь понимается как непосредственное, глубокое и интимное чувство, предметом которого выступает, прежде всего, человек (в некоторых случаях это может быть предмет, имеющий особую жизненную значимость). Любовь представляет собой средство социализации человека, вовлечение его в систему общественных отношений на основе спонтанной и вместе с тем внутренне мотивированной потребности в движении к более высоким ценностям [Воркачев 2003].

Помимо краткого представления подходов известных лингвистов интересным является рассмотрение фундаментально-прикладных монографических исследований, посвященных концепту *любовь* и ЛД. Такое рассмотрение позволит полнее представить современное состояние изученности проблемы, что, в свою очередь даст возможность определить отправные точки к изучению неисследованного.

Ниже предлагается аналитический обзор современных языковедческих диссертаций по данному вопросу. Диссертации, которые непосредственно посвящены понятию *любви* и ЛД можно разделить на три группы: лексикологическую, когнитивно-концептную и дискурсную.

Лексикологические подходы

В диссертации Е.В. Киселевой [2004] дается сопоставительный лексикографический анализ концепта *любовь / love* в английской и русской культурах. Исследование ведется в двух измерениях лексикографической интерпретации – от слова к понятию и от понятия к слову. Первое измерение в результате дает вывод о схожести интерпретаций, что позволяет автору говорить о разработке собственной модели. Названная модель дает возможность установить:

(а) оптимальный набор сем, объединенных супер-семой *чувство* – привязанность с оттенком сексуального влечения / без такового и привязанность как стремление к чему-либо;

(б) компоненты микроситуации любви с выделением субъекта, объекта, положительной оценки (также отметим выделенное для русской культуры лексикографическое описание понятия «несчастливая любовь»), интенсивности и сопутствующих эмоций;

(в) минимума типовых контекстов для поддержки компонентов микроситуации любви – материнская, горячая, любовь к музыке.

Заметим, что составляющие параметра (б) выделены на основе разных признаков и не являются исчерпывающими (ср. *возможные добавления взаимность, продолжительность и т.п.*).

Второе измерение воплощается в варианте систематизации описания – расширении интерпретации установленных по первому измерению сем. Автор отмечает, что особенности лексикографической интерпретации лежат в национально-культурной специфике, что прослеживается на уровне лексем, в структуре лексического значения которых имеется национально-культурные семы, на уровне иллюстраций представления о чувстве любви, сложившиеся в культуре носителей описываемых языков, и на уровне зоны словарной статьи, которая специально предназначена в словарях для экстралингвистической информации.

В целом работа посвящена в большей мере описанию особенностей лексикографического представления изучаемого концепта, чем анализу его семантических характеристик.

В подходе А.Р. Шамратовой [2006] с позиций сопоставительной типологии изучаются изоморфические (фонетические) и алломорфические (морфологические) характеристики группы английских и французских слов и словосочетаний с общим компонентом значения *любовь*. Это достигается путём решения ряда задач, в частности, создания обобщенной семантической модели концепта в виде совокупности признаков, соответствующих

признакам денотата, позволяющей отразить его универсальную понятийную основу.

Теоретически исследование основано на сочетании идей о компонентном анализе и прототипах, т.е. о системном представлении, о комбинаторике компонентов как условии их адекватного употребления в речи. В принципе, такой симбиоз вполне естествен и предполагает наличие обоих компонентов, поэтому заявлять о его научной новизне, как это делает А.Р. Шамратова, не совсем обоснованно.

В названной работе эмотивный общекультурный концепт *любовь* представлен в виде 36 компонентов дифференциальных сем, которые варьируются по своей встречаемости в составе семем, относящихся к разным категориям. По степени продуктивности семантических компонентов выделены в порядке убывания «романтическое влечение (основанное на либидо)»; «позитивная оценка»; «негативная оценка»; «(+)-каузация», «(-)-каузация»; «чрезмерно сильное (влечение)»; «сопутствующее чувство восхищения»; «сопутствующее чувство интереса»; «романтическая связь»; «сопутствующее чувство уважения»; «взаимное чувство»; «безответное чувство»; «внешнее проявление чувства».

Сравнительный анализ мотивированности внутренней формы эмотивов любви, включая анализ фразеологических единиц, показал, что во французском языке структурная мотивированность выше, чем семантическая, а в английском семантическая превалирует над структурной (что, возможно, объясняется большей степенью аналитичности английского языка).

Когнитивно-концептные подходы

В подходе Е.Е. Каштановой [1977] *любовь* рассматривается как русский эмоциональный лингвокультурный концепт. Принимается комплексный взгляд на природу концепта как на ключевое слово русской культуры, предусматривающий: развитие семантики слова с разворачиванием

внутренней формы до ЛДгического предела (символ или миф) в границах русской культуры; художественную образность, т.е. сохранение постоянной связи с производными по однозначному корню; сохранение семантического синкретизма значений корня как семантический инвариант всей словообразовательной модели; встроенность в систему идеальных компонентов русской культуры; общеобязательность для всех носителей русской культуры.

Основу подхода составляет разработка модели исследования концепта *любовь*. Эта модель представляет собой последовательность исследовательских действий и включает три этапа: (1) выявление на основе соответствующих текстов русской философии константных смыслов и оппозиций, составляющих общие мировоззренческие принципы содержания концепта *любовь*; (2) на основе лексикографических данных установление семантических зон этого концепта и изучение преломление семантики концепта в обыденном сознании; (3) на основе текстов рок- и поп-культуры выявление способов речевой представленности изучаемого концепта. Сама модель, на наш взгляд, не обладает высокой степенью оригинальности и отвечает характерной для традиционного языкознания традиции – этапам изучения языковых явлений в рамках общей методики «от компетенции к употреблению»; но материал третьего этапа интересен, так как привносит в традиционный подход свежие данные реальной речевой практики. Автором установлено, что концепт *любовь* в текстах масс-культуры реализуется через следующие устойчивые смыслы: 1) радость, теплота, счастье, забота; 2) страсть, мгновенное озарение, мимолетное увлечение; 3) боль, страдание, переживание, одиночество, мука; 4) половое влечение, секс, чувственная связь, эротическое восприятие объекта; 5) смерть, физическая боль, половое извращение, болезнь.

Традиционной нужно признать и защищаемую автором модель любовной ситуации, включающую (а) субъект эмоционального состояния / переживания, (б) объект эмоционального состояния / переживания и (в) само

чувство – состояние / переживание. Но данная модель помогает выявить особенности реализации концепта *любовь* в массовой культуре: в поп-культуре субъект чувства предстает как обобщенный образ влюбленного субъекта, а в рок-текстах, наоборот, происходит индивидуализация образа субъекта чувства. Модельно-сегментный анализ дает возможность установить особенности содержательных компонентов-инвариантов для субъекта и объекта любви – соответственно, (а) "влюбленность", "восхищение", "нежность", "ласка", "доброта", "забота", "радость", "счастье", "надежда", "мечта", "ирреальность", "половое влечение", "поцелуй", "интенсивность", "страсть", "верность", "измена", "страдание", "боль", "ненависть", "разлука", "разочарование", "равнодушие"; (б) "верность", "преданность", "уверенность", "взаимность", "нежность", "интерес", "привлекательность", "увлечение", "желание", "страсть", "удовольствие", "переживание", "страдание", "слезы", "предательство", "разочарование", "одиночество".

В зоне пересечения компонентов структуры образа субъекта и объекта любовного переживания и контекстных смыслов слова-понятия *любовь* оказываются устойчивые содержательные признаки: *нежность, забота; радость, счастье; страдание, переживание, боль; верность; увлечение; половое влечение, страсть; одиночество; разочарование.*

В подходе Л.Е. Вильмс [1997] *любовь* рассматривается с точки зрения теории эмотивности. Эмотивность как сфера психики имеет диалектическую связь с языком как средством объективации психических (эмоциональных) и интеллектуальных (рациональных) явлений. Такую диалектическую связь автор выявляет в самой трактовке концепта. Различаются термины *понятие* и *концепт*, хотя и не совсем внятно: ср.: концептом «считается содержание понятия, объем которого может оформлять сам предмет языкового знака как такового» [Вильмс 1997: 6]. Для пояснения вводится термин *смысловое* (видимо, *ситуативное*) *значение*, содержание которого также нечетко пересекается с термином *сема*. Вводится термин *лингвокультурологический*

вариант в «наполнении» понятия *любовь* в разных языках. Этот термин, по мнению автора, помогает объяснить явление относительной не-универсальности самого понятия с точки зрения его оформления в различных концептах и разности культурного фона последних. Но такое объяснение тавтологично: концепт у Л.Е. Вильмс изначально считается национальным, а понятие наднациональным, поэтому реализация понятия в концептах не может сохранять все признаки универсальности. Выносимое на защиту (теоретическое) положение №3 [Вильмс 1997: 7] не вполне оригинально: в нем речь идет об известном из ЛДгики соотношении объемов понятий (в случае Л.Е. Вильмс – о свойствах значений в сравниваемых языках) – о совпадении, переименовании и подчинении.

Достоинство анализируемого исследования заключается, на наш взгляд, не в теоретической проработке исследуемого метаязыка, а в интересных данных о динамике осмысления любви в немецкой и русской культуре. Основные понятийные признаки концепта *любовь* – любовь есть чувство, либо комплекс эмоций, различных по психическим параметрам (интенсивность, качество, продолжительность, ценность, оценочность и т.д.). Общие признаки концепта для обеих культур – ‘любить’ – значит быть верным, преданным по отношению к партнеру; ‘любить’ – значит восхищаться своим/своей избранником/-цей; ‘любовь’ – это страсть; ‘любовь’ – это радостное чувство; плохо, когда чувство выставляется напоказ: надо быть сдержанным; ‘любить’ – значит проявлять заботу, беспокойство о любимом; плохо, когда любовь односторонне направлена = безответная ‘любовь’; есть более сильные чувства/эмоции, способные подавить ‘любовь’ (воля, напряжение всех психических сил, душевные усилия).

Любопытны и словарные данные, приводимые Л.Е. Вильмс. Дистинктивные (отличительные) признаки любви для немецкой и русской культур – дефиниционные компоненты *божественность* (для обеих культур 18 в.), *добродетель* (для обеих культур 18 и 19 вв.), *болезнь* (для немецкой культуры 18 и 19 вв.), *страсть, влечение* (для немецкой культуры 19 в., для

русской – 18 и 19 вв.), *уважение* (для немецкой культуры 19 в.), *мир, согласие (покой)* (для русской культуры 18 в.), *духовно-физическое единение* (для обеих культур 19 в.). Современные словарные дефиниции свидетельствуют о том, что преобладающими дистинктивными компонентами являются: в русской культуре – *глубина* и *привязанность*, в немецкой – *сила, страсть, самоотверженность*. Автором выделены и скрупулезно описаны 23 группы толкований любви в паремическом фонде и в фонде речевых клише обоих языков. Такие данные говорят о серьезности научной новизны исследования.

В подходе Е.Ю. Балашовой [2000] концепт *любовь* рассматривается с позиций двух научных традиций – лингвокультурологии и этнопсихосоциолингвистики. Рассмотрение строится в опоре на контраст с концептом *ненависть*, что позволяет четче выделить дистинктивные признаки *любви*. Автором предложена методика сопоставительного анализа ядерных, базовых и периферийных частей концептов с использованием методов их когнитивной и семантической интерпретации. Инструментом анализа служит качественно-количественный анализ параметров концепта.

Качественный анализ берется на основе использования методов свободного и направленного ассоциативного экспериментов; количественный анализ проведен традиционным путем подсчета. Научную новизну исследования автор видит в разработке и использовании пятиступенчатого психолингвистического эксперимента. Этот эксперимент задает динамику исследования и объясняет процедурный характер выявления составляющих исследуемого концепта.

Процедурность определяется в том, что любовь и ненависть находятся в сложных диалектических взаимоотношениях, так что при определенных условиях (согласно данным американской лингвокультуры) или без них (согласно русской лингвокультуре) возможен переход одного концепта в другой. Идеальная составляющая концептов проявляется в русской, а практическая – в американской культуре; это связано еще и с тем, что

именно помещается в центр внимания при переживании концепта: в американской лингвокультуре это объект любви, в русской – субъект, поэтому, как представляется, для первой характерна процедура объективации, а для второй – актуализации. Ядерные части концептов в обеих лингвокультурах имеют немалое количество общих признаков (это и неудивительно, учитывая универсальность анализируемых автором концептов).

Автор полагает, что, гипотеза о наличии бинарной оппозиции между концептами *любовь* и *ненависть* подтверждается как для русского, так и для американского языкового сознания, так как их взаимосвязь прослеживается на разных уровнях объективации в языке и, поскольку указанные концепты обладают рациональной, эмоциональной и оценочной характеристиками, являются культурно-значимыми как для русского, так и для американского языкового сознания. Думается, что степень оригинальности такого вывода невелика; интереснее были бы данные о характере бинарности – где она приобретает привативный, а где – эквиполентный ракурс.

В подходе Л.Р. Оганян [2004] изучена лексико-семантическая система концепта *любовь* в индивидуальном стиле одного писателя и выявлены языковые средства выражения этого концепта в немецком и русском языках. Показано, что концепт *любовь* является одинаково ценностным для менталитета обеих наций, предложена лингвокультурологическая интерпретация немецко-русского этого эмоционального концепта в стилистическом восприятии писателя Х. Конзалика.

Концепт *любовь* в изучаемом идиостиле – это сложная трехкомпонентная структура, базирующаяся на признаках: влечение к возлюбленному; чувство привязанности к Родине, родной земле и друзьям; верности и привязанности к семье. Эти смысловые компоненты не имеют четких границ и обнаруживают неразрывную слитность в идиостиле писателя.

Л.Р. Оганесян установлены «концептуальные значения» любви во фразеологизмах, а также словообразовательные модели существительных, прилагательных и глаголов и «концептуальные значения» любви в лексикографических источниках. Следует отметить некоторую, на наш взгляд, неудачность термина *концептуальное значение*, поскольку в этом случае *значение* оказывается обращенным к модели, а денотативно-референтный аспект значения теряется.

Семантические особенности понимания и выражения любви у Х. Конзалика состоят в использовании вербальных и невербальных знаков (среди последних выделены жесты (указательные, подчеркивающие, выделяющие, иллюстративные), походка (подкрепляющая эмоции гнев (тяжелая походка), гордость (длина шага), страдание (руки «висят»), счастье (руки «летят», походка легкая), злость персонажей. Л.Р. Оганян рассматривает систему таких знаков как самоподачу – своеобразный анкоринг для распознавания смысла поведения персонажа.

В романах Х. Конзалика концепт любви тематизируется в таких «парадигмах», как: отношение мужчины к женщине/женщины к мужчине; отношение к Родине; проявление нравственных чувств. Думается, однако, что это, скорее, не парадигмы, а тематические сферы концепта – так как последний тематический компонент классификационно выбивается из триады, поскольку может относиться к двум остальным одновременно.

Наиболее интересными для нас в подходе Л.Р. Оганесян представляются идеи о невербальных смыслах кинесики (т.е. совокупности телодвижений, описанных выше) и о спаянности тематических проявлений любви.

В подходе А.И. Фофина [2004] исследуется фреймовое представление концепта *любовь*. Фреймовый подход позволяет выявить семантические особенности французских лексических единиц и установить общие для всех членов ряда закономерности, характеризующие их потенциальные возможности в языке и сочетаемостные возможности в речи. К исследуемым

единицам отнесены глаголы, существительные, прилагательные и наречия, имеющие в составе значения компонент *любовь*, а также синтаксические конструкции с такими единицами. Предполагается, что фреймовый подход обеспечит системное исследование указанного когнитивного пласта. Фрейм *любовь* трактуется как пропозиция с обязательными и факультативными компонентами. Обязательные – это субъект, объект, причина, эмоциональное состояние, характеризующиеся неизменностью содержательного наполнения. Факультативные компоненты – это внешние проявления эмоции, искренность субъекта эмоционального состояния. Представляется, что это не пропозициональный, а когнитивный подход: классическая трактовка пропозиции предполагает валентностный предикатно-аргументный подход, который не допускает, например, причину в качестве (предметного) актанта, а выводит ее в ранг сирконстантов.

На основе прототипического подхода во фрейме выделено ядро, ближняя и дальняя периферии. Ядро фрейма «*любовь*» выделено на основе дефиниционного интегрального семантического признака «эмоциональное состояние любви» и репрезентируется: глаголами – *aimer, adorer, cherir, idolatrer, raffoler, s'eprendre*; адъективными конструкциями – *être amoureux, tomber amoureux, être epris*; абстрактными существительными – *amour, affection, passion, attachement, adoration*; одушевлёнными существительными – *amoureux,-se, amant,-e, maitresse, bien-aime,-e, cheri,-e*; прилагательными и адъективированными причастиями – *amoureux,-se, aimant,-e, affectueux,-se, bien-aime,-e, epris,-e, cher, chere, cheri,-e*; наречиями – *amoureusement, affectueusement*.

В ближнюю периферию фрейма входят: про-номинальные глаголы и адъективные конструкции с глаголом *être* – *s'affoler, affoler, être affolé, s'amouracher, se passionner*; существительные *amourette, ami*; прилагательное *amical*; наречия *tendrement, passionnement, chèrement*.

В дальнюю периферию фрейма включены: глаголы *s'attacher, être attaché, s'enamourer, se devouer, être dévoué, affectionner, s'affectionner*,

sympathiser; существительные *inclination, penchant, flamme, tendresse, amitie, galanterie, sympathies*; *adorateur,-trice, soupirant, galant, idole, chouchou,-te*; прилагательные *amical, ami,-e, galant* и наречия *amicalement, adorablement, galament*, выражающие чувство любви опосредованно, а также устаревшая и малоупотребительная лексика (1 уровень). К дальней периферии 2-го уровня отнесены лексические единицы с основным компонентом значения «любовь к Богу»: существительные *devotion, charite, denouement; divot*; прилагательные *charitable, devoue, devot, pieux, humain*; наречия *charitablement, devotement, pieusement, humainement* и фразеологические единицы *bondir de joie, sauter de joie, danser de joie, tressaillir de joie, crier de joie, être dans la joie de son coeur, se donner a coeur-joie, avoir le coeur leger, avoir le coeur gai, avoir le coeur joyeux*.

Важным является подтверждающее психологическое явление высвечивания наблюдение о принципах фокусировки фрейма по лексической единице: если это единица ядра или ближней периферии, то в качестве фокуса фрейма выступают облигаторные компоненты, если единицы дальней периферии – то необлигаторные.

В исследовании лингвокультурного концепта *любовь* Л.Э. Кузнецовой [2005] принимается психолингвистический гендерный подход. Любовь считается общечеловеческой универсалией, эксплицирующейся в дискурсе – хотя в положениях, вынесенных на защиту, внятной экспликации не содержится. Как универсалия исследуемый концепт принадлежит коллективному языковому сознанию, для его исследования в пласте паремиологического фонда вместо ожидаемых точных методов у Л.Э. Кузнецовой используется метод интроспекции. Но автору удалось получить ряд интересных результатов. К ним можно отнести данные по представленности различных аспектов концепта *любовь* в паремиях.

Для русскоязычной языковой картины мира в этом плане характерна немногочисленность пословиц, посвященных чувственным отношениям, интимной стороне *любви*, зато широко представлена сфера духовных качеств;

при общей андроцентричности (гендерная асимметрия в языке) восприятия *любви* типично превалирование женского видения *любви*, понимаемой преимущественно как брачные отношения; отражены разнообразные социальные роли, степени родства, этапы жизни женщины, ее разнообразные ипостаси (*невеста, мать, жена, сестра, сваха, теща, свекровь, невестка, золовка, хозяйка, мачеха, кума, попадья* и т. п.).

В англоязычной паремической картине мира выражена преимущественно мужская картина мира; представлена значимость материальных благ (денег) в любовных взаимоотношениях, отрицательное отношение к адюльтеру; залогом счастливой жизни для мужчины считается хорошая жена, однако, при этом не делается акцент на чувство любви между супругами.

К использованным точным методам можно отнести свободный ассоциативный эксперимент, направленный на выявление психо-социолингвистических особенностей отражения концепта *любовь* и его субконцептов. В результате анализа выявлена ассоциативно-вербальная сеть концепта *любовь* и его субконцептов: материнская, отцовская, дочерняя, сыновья, любовь мужчины к женщине, любовь женщины к мужчине, любовь к ближнему, братская любовь. Анализ ассоциативного значения указанных стимулов позволил создать своеобразный ассоциативный (преимущественно гендерно-специфичный) прототип концепта *любовь* и его субконцептов. Интересным представляется сопоставление содержания этих субконцептов в рамках мужской и женской парадигм, которое дает полное представление о гендерном характере сознания в рамках лингвокультуры. Выявлены устойчивые повторяющиеся реакции-ассоциаты: формы проявления отношения, интимность, характеристика чувства, его интенсивность, фазовость, обоюдность, контактные чувства и эмоции.

Согласно теории автора, под обыденным понятием *любовь* понимается, прежде всего, межличностное сексуально обусловленное чувство. Выявлено, что половая принадлежность личности реципиента заметно влияет на

структуру ассоциативного поля – его количественные и содержательные показатели. Раздельный гендерный анализ ассоциаций помогает специфицировать мужские и женские языковые картины мира в рамках концепта «любовь».

В концептном подходе И.А. Ивановой [2006] делается попытка описать системную организацию семантики и синтагматики концепта *любовь* в диахронии. Формирование и трансформация смысловой структуры объекта представлены через ступени лексема → понятие → концепт. Автор показывает, что русский этнокультурный социум по-разному отражает и воспринимает образно-ассоциативные связи внешнего мира, поэтому признаковые черты понятия «любовь» изменяются по-разному на разных этапах формирования и развития языка. Поэтому в концепте определенного синхронного среза выделяются лингвокультурологические варианты, что, по мнению автора, является демонстрацией неуниверсальности понятия.

Любовь в русской языковой картине мира репрезентируется как многоплановая сущность: она затрагивает эмоциональную, ментальную и сферу физиологических потребностей человека. Любовь характеризуется нерегулируемым сознанием категорией, а плотские отношения репрезентируются в оппозиции «духовность – телесность».

По мнению автора, по духу языковая картина мира, сближается с мифологической. Обе они идут из глубины веков и имеют общий исток, что проявляется в гиперболизированных характеристиках силы любви (безмерная, всесильная), обнаруживаемый в мифологии как явление первоначала и импульс мощной, всепобеждающей силы. Согласно данным И.А. Ивановой, обряды (заговоры) сформировали первое представление о возможности влиять на чувства (отдать сердце, завоевать сердце), что не совпадает с философскими представлениями о непредсказуемости любви, согласно которым любовь определяется как непредсказуемое чувство.

Отрицательное отношение к телесному проявлению любви (грешная, низменная, порочная) появилось постепенно, в ходе развития

общекультурных ценностей, в философии и религии, когда основными постулатами бытия признавались стремление к абсолютной красоте, стремление к единству с Богом, преодоление разобщенности и одиночества. В связи с этим основной вопрос русской культуры и, в частности, любви – вопрос о соотношении духовного и материального в семантической структуре языковой единицы.

Представляется, что наблюдения автора за динамикой развития представлений о любви у русских все же нуждаются в сопоставлении с соответствующими представлениями у славян, что дало бы возможность выявить собственно русскую специфику данного концепта.

Подход И.А. Широковой [2006] ориентирован на перспективы расширения общесмысловых культурологических рамок концепта *любовь* и выявления в нем особых смыслов – образов и оценок. Это достигается: интегративным рассмотрением структуры концепта в виде иерархических слоёв смысла, предусматривающим анализ его этимологии, исторического развития, парадигматических связей и периферии, как это выражено в поэзии А.С. Пушкина; применением специального метода фреймо-слотового анализа с выявлением смысловых уровней в виде структуры базовых фреймов.

Ядро концепта *любовь* исследуется на основе данных словарей; этим достигается выявление этимологии, эволюции и смысловых зон концепта. Образный и оценочный слои периферии изучаются на основе оригинальных и переводных текстов А.С. Пушкина.

Концепт *любовь* у А.С. Пушкина представлен автором в виде двух базовых фреймов – «Любовь-счастье» и «Любовь-несчастье». Во фреймах на основе стихов и их переводов выявлен двуслойный образный уровень (с ассоциативным и собственно образным подуровнями) и однослойный оценочный. В ассоциативном совпадают «Любовь-страсть / Liebe-Leidenschaft», «Любовь-тоска / Liebe-Sehnsucht» и «Любовь-волнение». Эти ассоциаты разнонаправлены, и их комбинации дают полную семантику эмоций.

В слотах выделены антонимичные пары ассоциатов: «Любовь-счастье / Liebe-Gluck» – «Любовь-страдание / Liebe-Qual»; «Любовь-упоение / Liebe-Entzicken» – «Любовь-уныние / Liebe-Trtibsals»; «Любовь-радость» – «Любовь-печаль / Liebe-Kummer». Также зафиксировано развитие эмоций с переходом их в противоположные: «Любовь-умиление / Liebe-Ruhrung» – «Любовь-жалость»; «Любовь-желание / Liebe-Begehren» – «Любовь-безумие / Liebe-Wahn». К специфическим вариативным слотам фрейма отнесены «Любовь-волнение», «Любовь-влюблённость», «Любовь-радость», «Liebe-Rausch», «Liebe-Lust».

В собственно образном подуровне выделены слоты «Любовь-зверь / Liebe-Tier; «Любовь-огонь / Liebe-Glut»; «Liebe-Blume» – «Любовь-цветок», «Любовь-жидкость / Liebe-Flussigkeit» – «Liebe-kochendes Wasser». В подуровень образов включены метафорические антонимы (что на самом деле противоречит выбранной классификационной процедуре, отделяющей образы от ассоциатов): «Любовь-свет / Liebe-Licht» – «Любовь-мрак»; «Любовь-сладкое / Liebe-etwas SiiBes» – «Любовь-горькое / Liebe-etwas Bitteres». Специфические слоты составляют: «Любовь-воздух», «Любовь-пробуждение / Liebe-Erwachen», «Любовь-прохлада», «Liebe-Sonne», «Liebe-Zauberei», «Liebe-Blume»; «Liebe-Verhinderte», «Любовь-цветок», «Любовь-мрак», «Liebe-kochendes Wasser».

Автору удалось показать значительное разнообразие переводов поэтических образов любви на немецкий язык и неисчерпаемость переводных вариаций.

В подходе В.В. Тепкеевой [2007] рассматривается концепт *love* во взаимодействии с концептом *marriage* в английской фразеологической и пословичной картине мира; выделяются четыре концепта (далее мы изложим лишь то, что относится к концепту *love*). В соответствии с современными когнитивистскими представлениями эти концепты считаются имеющими трехступенчатую структуру – центр (с наибольшим количеством релевантных характеристик концепта), промежуточную зону (= ближнюю

периферию) и (дальнюю) периферию; для каждой из названных зон описываются типичные ассоциативные признаки.

Во фразеологическом концепте в центр попадают (а) признаки *способность любви проявляться в интенсивной форме, необходимость предпринимать определенные действия в любви, существование нескольких ее видов*, (б) ассоциации *свет, огонь, игра*; в промежуточной зоне выделены (а) признаки *существование трудностей в любви, способность внушить любовь кому-либо*, (б) ассоциации *контейнер, птицы*; в дальней периферии присутствуют (а) признаки *наличие устойчивой эмоциональной привязанности к объекту любви, способность любви причинять страдания, бескорыстность и романтичность чувства*, (б) ассоциации *яблоко (любимый человек), стрела амура (сила любви)*.

В пословичном концепте в центр включены (а) признаки *всепобеждающая сила, ссоры, ревность, истинность чувства, непостоянность, необъективность, источники любви (сама любовь, лень и разлука), материальное благополучие*, (б) ассоциации *пламя, война, смерть, температурные метафоры*; для промежуточной зоны характерны (а) признаки *невозможность утаивания и избавления, взаимность, честность и доверие, неоднозначность внешности, основа жизни*, (б) ассоциации *товар, страх, боль, болезнь*; в дальнюю периферию входят (а) признаки *способность лишать дара речи, связь с материальным благом, применение любых методов, необходимость поддерживать любовь, неподконтрольность, неизбежность, свобода, честность, доверие*, (б) ассоциации *игра, страдание, награда, жажда, радость жизни*.

Разделяются общие и специфические характеристики данного концепта. К универсальным для английского, русского и некоторых западноевропейских языков отнесены: общие признаки (*ценность любви, немотивированность, произвольность, амбивалентность*); эквиваленты (*голубь, сердце, стрела, смерть* и др.); группы лексики

(природа, бытовые предметы, флора и фауна, абстрактные понятия, соматизмы).

Данное исследование дает обильный материал для дискурсных изучений в области различных сфер любовных отношений, например, обольщения и ухаживания.

В когнитивно-концептном подходе Е.Н. Нуждовой [2008] изучается концепт *любовь* с точки зрения его лексической реализации в переводах поэтических текстов. Цель исследования – составление и изучение списка лексем, репрезентирующих этот концепт в английском, французском и русском языках; в переводоведческом плане ставится задача установления оптимальных соответствий между семантическими системами лексических репрезентаций *любви* в названных языках, что, заметим, дает возможность использования впоследствии знакового (по Р.К. Миньяр-Белоручеву) способа перевода данного концепта взамен смыслового. При этом системные соответствия выстраиваются не механистически, а на основе прототипического (у автора – полевого) подхода.

Лексико-семантическое поле *любви* во всех трех языках включает лексемы, обозначающие *верность, доверие, взаимопонимание, самопожертвование, страдание, неясность, ласку, влечение.*

Межъязыковые отношения исследуются с точки зрения соответствий и различий в системах. Соответствие наблюдается в идентичных семах, обозначающих чувства (включая страсть), интимные отношения, объект любви, предмет любви, пристрастия (положительного и отрицательного) к чему-либо. Последняя сема лежит в ближней/пограничной с ядром периферии, и в русскоязычной культуре соотносима с *вкус к чему-либо, пристрастие* к комфорту, к спиртному, во французской – *пристрастие* к свободе, к справедливости, к искусству, к старательному выполнению работы, к игре и наживе, в английской культуре – *пристрастие* к машинам, культуре, музыке, драгоценностям, качественной одежде, к оружию.

В английской и французской лингвокультурах *любовь* соотносится с концептом *ухаживание*, при этом последний воспринимается как устаревший – ср. соответствующие лексемы *court, courting, addresses, attentions, wooing* (англ.); *faire la cour, assiduités, flirt, galanterie* (фр.). В зону ядерной лексемы попадают лексемы, обозначающие нечто привлекательное и прелестное (*charming, delightful, attractive, winning; charmant, ravissant, adorable*), а также бога любви (*Cupid; Cupidon*).

В английской лингвокультуре лексема *love* может использоваться при номинации любовной интриги, истории любви, при обозначении цифры «ноль» в спорте (*win by four goals to love*); как форма выражения приветствия (*give him my love*); как заключительная фраза в письме (*with love from ...*).

Во французской лингвокультуре ядерная лексема *l'amour* используется при обозначении набожности, почитания, самопожертвования (*l'amour de Dieu, de la vérité, du prochain*), любовных связей (*Comment vont tes amours?*), некоторых рыб и растений.

Для русского языка характерно наличие микрополя «постоянная и сильная увлеченность, склонность к чему-либо» (*любовь к правде, театру, спорту*).

В лингвокультурологическом подходе Ф.Р. Сигбаевой [2009] изучаются национально-специфические характеристики вербализации лингвокультурного концепта «*Махэббат*» (*Любовь*) в татарской языковой картине мира и особенности его функционирования. Автор заявляет о разработке «теоретико-методологической основы исследования эмоциональных концептов в лингвокультурологическом аспекте», что, никак не отражается в положениях, выносимых на защиту – теоретически они в целом повторяют уже известные тезисы лингвокультурологического подхода, за исключением выдвижения метафоры на главную роль в концептном анализе. Теоретико-методологические вопросы освещаются в обзорной главе, но они касаются традиционных для концептологии понятий – лингвокультурология,

концептуальная картина мира, языковая картина мира, концептуальный анализ.

Традиционна и многослойная структура концепта в трактовке автора – выделяется понятийное ядро с ключевой лексемой *махэббат* и ее дериватов. Интересным же представляется изложение содержания концепта *махэббат* в татарской языковой картине мира – он содержит такие компоненты, как психическое состояние, чувство, физическое ощущение, существование некоего пространства вокруг человека, активная самостоятельная сила, среда / субстанция или само пространство, предмет. При этом центральная лексема употребляется лишь при описании межличностной любви, а три иные к Родине, природе, к родным, к Богу (как в традиционных представлениях, описанных нами выше) – кодируются дериватами. Образный компонент *махэббат* в рассматриваемом автором поэтическом пласте дискурса реализуется в основном с помощью метафоры. Освещается роль вторичной номинации в выражении рассматриваемого концепта, где описываются помимо метафоры фразеологические единицы.

Характеризуется морфологический аспект периферии концепта *махэббат* с выделением существительных и прилагательных. Интересно изложение синтагматических связей центральной лексемы (на основе синонимии) и ее антонимических рядов.

Текстовая реализация концепта изучается на основе паремий и татарских народных песен, где основной пласт образного мышления связывается с живой и растительной природой, с огнем и водой. Выявлены для татарской языковой картины мира (а) внешние и (б) внутренние признаки *махэббат* – (а) персонифицированность, форма, предмет, сообщество, религиозная атрибутика, температура, продолжительность, сила, звук, «место возгорания»; (б) сакральность, мудрость, духовная ценность, живительность, чувство, доброта, преемственность, испытание.

В подходе Т.Н. Даньковой [2004] исследуется концепт *любовь* в поэтическом дискурсе. В качестве основного исследовательского метода становления и развития концепта в поэзии А. Ахматовой заявляется полевая модель языка с акцентом на системно-семантический метод; последний состоит в последовательном восходящем движении от одного семантического уровня к другому, в реализации синтезирующих процедур. Рассматривается лексическая основа концепта *любовь*, а также структурная организация и лексико-семантическое поле концептуальных признаков данного концепта.

Изучаемый концепт представлен у А. Ахматовой тремя концептуальными признаками: (а) «горячая сердечная склонность, влечение к возлюбленному» (ведущий признак); (б) «глубокое расположение и искренняя привязанность к Родине и друзьям»; (в) «постоянная, сильная склонность, увлеченность поэтическим творчеством».

Представляется, что названные смысловые планы не являются дискурсно-специфичными, за исключением последнего. Однако состав и структурная организация (в виде ядерной, центральной, периферийной, парадигматической и синтагматической частей) концепта *любовь*, свидетельствуют о его своеобразии, сложности и многогранности в индивидуально-авторской картине мира А. Ахматовой.

Конкретика названных концептуальных признаков состоит в следующем. В признаке (а) выделены микрополя «сильное сердечное чувство, несущее страдание, муку»; «мучительное чувство, способное привести к гибели», «сердечное чувство, дающее счастье», «глубокое, духовное чувство», «сердечное чувство, освященное небесами», «страстное чувство». В признаке (б) выявлены микрополя "сильное чувство, несущее страдание, муку", "глубокое, духовное чувство", "чувство, дающее счастье" (для любви к Родине) и "сильное чувство, несущее страдание и муку в результате разлуки " (для любви к друзьям). Признак (в) представлен микрополями "сильное чувство " и "глубокое, духовное чувство". Для

идиостиля поэта характерно тематическое разнообразие реализации концепта *любовь* с помощью слов обыденного языка, в которых буквальное значение лишено компонента *любовь*.

Установлена когнитивная картина организации полей. В ядерную часть входят словесные единицы с максимальной степенью эстетической значимости – единицы, обозначающие наименование сердечного чувства (прямые обозначения, поэтические синонимы, перифразы); художественные лексические образования – определения чувства любви; эстетически значимые лексемы, обозначающие проявление любовного чувства, единицы, называющие субъект и объект чувства.

В центральной части расположены единицы со средней степенью эстетической значимости, развивающие семантические линии ядра.

В периферийной части присутствуют знаки с минимальной степенью эстетической значимости, которые не обозначают *любовь*, а служат контекстуальным окружением любовных лексем. Отличительным признаком содержательного и структурного планов рассматриваемого концепта является повторение в ядерной, центральной и периферийной частях различных микрополей одних и тех же тематических групп, а также словесных единиц, которые их формируют.

Парадигматическая составляющая концепта представлена синонимическими рядами, куда входят как слова в прямом значении, так и слова-образы: индивидуально-авторские, традиционно-поэтические, традиционные фольклорные.

Синтагматические отношения лексико-семантических полей концепта *любовь* демонстрируют чрезвычайно широкую сочетаемость лексических единиц, которая с точки зрения общенародного языка в некоторых случаях является просто невозможной, но которая, заметим, и является отличительным признаком поэтического портрета автора.

В техническом отношении дискурсный план творчества А. Ахматовой в диссертации не исследуется – скорее, речь идет о реализации концепта в стихах.

В подходе Е.В. Лобковой [2005] концепт *любовь* изучается как компонент русской языковой картины мира. В диссертации рассматриваются стереотипы речевого поведения (жанр "объяснение в любви") и представлений носителей русского языка о любви, ее параметрах, роли в жизни людей (данные словарей, жанр "общее суждение о любви"). Любовь рассматривается как образ-концепт, очерченный идеографическим пространством инвариантного и вариантного (индивидуально-авторского) планов. Автор полагает, что ей удалось воссоздать общенародный наивно-языковой образ-концепт *любовь* в виде многокомпонентного идеографического пространства, когнитивно организованного в виде фрейм-пропозиции.

Концептообразующими элементами исследуемого идеографического пространства считаются: предикат отношения (чувства); актанты (субъект и объект чувства); орган (квазиорган) как источник чувства; причины (характеристики объекта и субъекта); элементы качественно-характеризующее предикат или актанты по разным (сирконстантным) параметрам семантикой (этапы развития отношений (зарождение, течение, угасание), скорость возникновения (внезапность), время любви с точки зрения возраста и сезона, поведенческая характеристика (любовь тайная / явная, взаимная / неразделенная, духовная / телесная, устойчивая / неустойчивая, интенсивная / неинтенсивная, искренняя / фальшивая, счастливая / несчастливая, жертвенная/эгоистичная). Это весьма подробная и близкая к исчерпывающей картина любовных отношений, которая может быть положена в основу исследования дискурса любовных отношений. Автор предпринимает такую попытку, разбирая три любовных речевых жанра – (А) "объяснение в любви", (Б) "описание эмоциональных состояний, влюбленных" и (В) "общее суждение о любви".

Жанр (А) характеризуется наличием культурных, но не речевых стереотипов – его форма достаточно свободна; наличие стереотипа позволяет не эксплицировать его, а сообщать о нем (отсюда типичные формы дискурса – воспроизведение и пересказ). Стереотипы не затрагивают взаимосвязанные параметры подготовленность / спонтанность и краткость / пространность, однако предполагают инициативу.

Жанр (Б) представлен в трех разновидностях – описание внутреннего эмоционального состояния, описание внешних проявлений эмоций и интерпретация. Представляется, однако, что третья разновидность здесь несколько инородна, и причина этого – отсутствие у автора эксплицированного критерия классификации субжанров.

Жанр (В) содержит не субжанры, а несколько тематических групп: «Характеристики любви и ее роли в жизни отдельного человека и человечества в целом»; «Черты человека, способствующие возникновению чувства, причины усиления чувства или охлаждения»; "Черты любви и влюбленных, отличающие определенную историческую эпоху, национальный характер или возраст"; "Поведение влюбленных и тактика, направленная на завоевание симпатии любимой (любимого)"; "Представления о соотношении любви и брака". Данные группы выделены на основе анализа текстов и не представляют собой сколько-нибудь обоснованную или исчерпывающую систему. В этом жанре интересны объекты суждений, к которым автор относит природу любви (духовная / телесная), характер чувства (естественно / неестественно, уникально / повторимо), влияние на отдельного человека и человечество в целом (положительно / отрицательно), хроносные характеристики любви (вечна / конечна).

Для жанров (А) и (Б) характерны приемы, формирующие экспрессивность: повтор; незаконченные фразы; риторический вопрос; градация и другие стилистические приемы; комментарии автора о паралингвистических экспрессивных средствах устного общения для

"объяснения в любви"; соматизмы и квазисоматизмы в роли субъекта действия наиболее типичны для жанра (Б), экспрессивная лексика (в частности метафоры) для жанра (В).

Подход Е.В. Лобковой дает хорошую основу для создания системы анализа ЛД.

В подходе Д.Л. Колоян [2006] рассматривается одна из речеповеденческих разновидностей ЛД – Ухаживание. Работа основана на принципах: теории коммуникации (тесная взаимозависимость компонентов системы общения; коммуникация как интерпретативная деятельность); межкультурной коммуникации и гендерной лингвистики (общение между мужчинами и женщинами может трактоваться как диалог противоположных культур; важная составляющая социальной идентичности личности, влияющая на процесс общения – гендер) и жанроведения (жанр прямой и непрямой коммуникации).

Ухаживание как разновидность дискурса считается сложным семиотическим феноменом, гипержанром, в котором креолизованность кодов составляет своеобразную систему.

Системообразующими признаками Ухаживания считаются: наличие регулирующей и эмоциональной функции; сочетание фатической и непрямой коммуникации; принадлежность к мелиоративным жанрам, улучшающим отношения между людьми в косвенно-прямой форме; принадлежность к андрогинным жанровым формам, составляющим жанровое пространство любовного дискурса. С акциональной точки зрения Ухаживание реализуется с помощью разнообразных стратегий и тактик, а как гипержанр соотносится с макростратегией, цель которой — добиться расположения с помощью значимых для партнёра знаков внимания.

Ингерентные черты коммуникативности в Ухаживании автор видит в социально-коммуникативном поведении партнеров, подчиняющемся следующим факторам: степени сходства между личностными характеристиками партнёров; уровню самораскрытия личности на разных

этапах общения; очередности прохождения стадий во взаимоотношениях; социальным ожиданиям (costs и benefits, по Дж. Личу). К условиям успешности Ухаживания отнесены: кооперативность; умение правильно считывать вербальные и невербальные сигналы; открытость и искренность коммуникантов; наличие коммуникативной интенции как можно более полно выразить свои чувства партнёру; совпадение целевых установок; грамотное использование коммуникативных стратегий; совпадение этикетных норм и социальных идентичностей личностей [Коляян 2006: 7]. Безусловно положительным моментом диссертации можно считать сопоставительно-гендерный ракурс изучения Ухаживания, когда инициативным субъектом являются как мужчина, так и женщина. Также важным является анализ Ухаживания с точки зрения персонологического стиля: куртуазного, инвективного и рационально-инвективного.

Вместе с тем, с жанровой точки зрения в Ухаживание включен только Флирт, а такие варианты как настойчивое домогательство (Приставание), несколько подрывает тезис о гипержанровости Ухаживания. При этом Обольщение из рассмотрения не исключаются, но помещение его в гипержанр без придания отдельного жанрового статуса выглядит непоследовательным, потому что заявляется к отдельному рассмотрению только Флирт. Сам Флирт характеризуется следующими чертами: наличием правил; театрализованностью поведения; неожиданностью; созданием напряжённых моментов; обманным поведением; двусмысленностью происходящего; соревновательностью; наличием выигрыша [2006: 6]. Этот список следовало бы, на наш взгляд, дополнить признаками 'отсутствие ориентации на длительность результирующих отношений' и 'отсутствие явной сексуальной интенции'.

Необходимость высказанных уточнений диктуется потребностью объяснить, почему в номинациях субъекта Ухаживания присутствуют как мелиоративные, так и пейоративные знаки (от *рыцарь* до *бабник*). Тогда можно было бы вывести, например, последнюю номинацию за пределы

релевантного списка. Еще один недостаток связан с принципами классификации: если рассмотрение Флирта как жанра производится с помощью выделения субжанров шутки, комплимента и т.п., то анализ собственно гипержанра на основе субжанров выглядит теоретически неубедительным в условиях отсутствия промежуточного элемента – жанра.

Исследование М.В. Ползуновой [2008] выполнено в рамках современного жанроведения на основе модели Т.В. Шмелевой [Шмелева 1997], включающей в модель речевого жанра следующие параметры: коммуникативная цель (с выделением информативных, императивных, этикетных, оценочных); образ автора; образ адресата; образ прошлого и образ будущего, предполагающие зависимость от предыдущих и последующих эпизодов общения; тип событийного содержания, оказывающий влияние на выбор жанра в рамках данной ситуации; языковое воплощение. *Объяснение в любви* трактуется как сложный речевой жанр с соответствующим разнообразием коммуникативных установок и манифестаций.

В романах Дж. Голсуорси сложность этого речевого жанра проявляется в его вторичности и в совокупности простых жанров – описания, повествования, рассуждения, размышления, философского высказывания, повествования-афоризма, повествования-исповеди, комплимента, сомнения, признания, воспоминания, размышления, приказа, просьбы, совета-поучения, уловки, обмана, эмоционально-оценочного рефлексива, эмоционально-оценочного регулятива и т. д. и доминированием информативного жанра (речевой жанр авторского описания и повествования) и жанра беседы (в речи персонажей). Особая роль в этом комплексном жанре отведена: (а) описанию внутренней речи персонажей (аудиоdialog, внутренний монолог, несобственно-прямая речь); (б) лексике (синонимам, экспрессивной лексике, словесной образности (метафора, метонимия, синекдоха, олицетворение, образное сравнение, эпитет, гипербола, анафора, эпифора); (в) грамматике; (г) категории коммуникативной координации при формировании модуса

интегативности текста диалога, а именно его межличностной коммуникативной модальности, тональности, оценочности.

Заслуживает внимания выделение типологических разновидностей анализируемого комплексного жанра – «Любовь к прекрасному», «Объяснение в любви погибшему возлюбленному», «Неразделенная любовь мужчины к женщине» и «Любовь матери и ребенка» с выводом о необязательном совпадении иллокутивной силы речевого акта и коммуникативного смысла речевого поступка в силу моносубъективности первого и интерсубъективности и контекстуальности второго. Речевой поступок может выражать несколько коммуникативных смыслов, некоторые из которых вербально не эксплицируются.

Выделены базовые координативные типы диалогов. Консентный, конформный характерны для жанров «Объяснение в любви матери и ребенка», «Объяснение в любви к погибшему возлюбленному» и «Объяснение в любви к прекрасному». Полемичный и конфликтный диалоги присущи жанру «Неразделенная любовь мужчины к женщине».

В подходе М.В. Смоленцевой [2009] любовный дискурс рассматривается на основе его принципиальной составляющей – концепта *любовь*, который характеризуется пятью основными прототипическими признаками, в число которых автором включены: 1) источник (причина) эмоции; 2) интенсивность эмоции; 3) внешнее проявление эмоции; 4) длительность эмоции; 5) характер эмоции. Прототипические признаки эмоции *любовь* образуют субстрат когнитивно-семантической структуры концепта *любовь*. Заметим, однако, что видится неправомерным опущение еще одного прототипического компонента – интерактивности и ее степени. По мнению автора, лингвоконцепт *любовь* репрезентируются соответствующими лингвосемиотическими номинативными единицами, включающими слово, словосочетание, высказывание, текст. Представляется, однако, теоретическая неправомерность помещения в номинативный ряд неязыкового реализационного знака *высказывание* (если даже считать текст

не речевым, а языковым феноменом).

В результате сопоставительного анализа конкретизирующих признаков, входящих в семантические структуры значений *любовь/ Liebe/ яратымаи* в лексикографических источниках, автор приходит к выводу о сходствах и различиях в семантическом представлении исследуемых единиц в русской, немецкой и горномарийской лингвокультурах. Универсальными являются компоненты «эмоциональное переживание, направленное на человека» и «сильное чувство симпатии, тяготения, влечения к кому-либо или чему-либо». В немецких дефинициях, в отличие от русского и горномарийского, существенными компонентами признаются «сильное чувство симпатии, расположения, чаще всего к человеку, являющемуся *членом семьи*» и «интенсивное чувство, которое испытывают *при сексуальном влечении*».

В качестве конститутивных признаков песенного текста как реализационной среды концепта *любовь/ Liebe/ яратымаи* выделяются: когерентность (связанность), диалогичность, модальность, интертекстуальность, адресованность, воспроизводимость текстов и непостоянство аудитории.

В русском и немецком песенных дискурсах эмоция *любовь* имеет связи с отрицательными эмоциями, в горномарийском – как с отрицательными, так и с положительными. Для русского и горномарийского характерно добавление компонента *жалость*, для немецкого и горномарийского – компонента *влечение*.

Эти наблюдения представляются любопытными и важными с точки зрения сопоставительного языкознания.

В подходе В.Э. Муратовой [2010] дается когнитивный анализ полевой структуры бинарных концептов *love / любовь* и *hate (hatred) / ненависть* в англо- и русскоязычном песенных дискурсах совместно с анализом словарных дефиниций концептов. Автор утверждает, что ядро исследуемых концептов представлено когнитивно-пропозициональной

структурой «субъект — предикат — объект — форма любви / ненависти и ее характеристика — цель/причина — временные и пространственные параметры». Различаются ближняя и дальняя периферии концептов. В первую входят образные номинации в виде словосочетаний, во вторую — субъективно-модальные смыслы, куда входят прилагательные, наречия, однокоренные слова и словосочетания, содержащие лексемы *любовь / love* и *ненависть / hate (hatred)*, устойчивые конструкции, поговорки, пословицы метафоры и метафорические предикаты.

Следует отметить некорректность авторской трактовки пропозиции по сравнению с устоявшейся в лингвистике, согласно которой в пропозицию включаются обязательные актаны, но не сирконстанты (цель/причина — временные и пространственные параметры). Кроме того, представляется неадекватной терминология, используемая для описания дальней периферии — содержательные коннотативные компоненты описываются на основе морфологических и синтаксических критериев; не вполне понятно также, по какому критерию различаются образность и субъективная модальность, которые задают две разные зоны когнитивной структуры концепта. Сам принцип бинарности нуждается в отдельном пояснении: если речь идет об эквиполентной оппозиции, то неясно, как трактовать признак «безразличие», который задает привативную оппозицию \pm наличие признака — как дополнительную (внутреннюю) бинарность в исследуемых парах антонимических концептов?

Дискурсные характеристики концептов, тем не менее, позволяют автору сделать интересное наблюдение о не-параллельности значений последних, связанной с сопоставлением пейоративности / мелиоративности, применимой к обоим членам оппозиционных пар: для *любви / love* доминирует положительная коннотация, для *ненависти / hate (hatred)* положительная и отрицательная коннотации находятся в отношениях приблизительного равновесия. Эти выводы перекликаются с полученными в исследовании [Смоленцева 2009], но в обратном отношении.

Выделена лексико-семантическая наполненность концептов в процентном отношении: концепт *любовь*: ядро — 29%, ближняя периферия — 50%, дальняя — 21%; концепт *ненависть*: ядро — 18,7%, периферия: ближняя — 53%, дальняя — 28,3%; концепт *love*: ядро — 32%, ближняя периферия — 55%), дальняя — 13%; концепт *hate/hatred*: ядерная зона — 25%, ближняя периферия — 49%, дальняя — 26%. Распределение вполне сопоставимо, при этом изоморфизм для базовых концептов выше, чем для периферийных.

Исследование Е.А. Мензаировой [2010] также помещает концепт *любовь* в пространство песенного дискурса. Концепт трактуется с позиций подхода З.Д. Поповой и И.А. Стернина, и в нем выделяется ядерная и периферийная части. При этом разграничение ближней и дальней периферий (см.: [2010: 81,83]) производится автором не всегда четко и последовательно. Помимо этого, в [2010: 107] перечисляются три основных компонента концепта *любовь* – понятийный, образный и ценностный; однако неясно, как они располагаются в структуре концепта – что попадает в ядро, а что в периферию.

Концепт может актуализироваться через языковые значения отдельных лексем, а также в разных видах дискурса. Французский песенный текст определен как гармоничное произведение с особым ритмом и мелодикой, характеризующих французский язык и с глубиной сюжетной линии. Концептный анализ, проводимый с гендерных позиций, дает возможность раскрыть содержание концептов через выявление содержания лексических единиц, объективирующих данный концепт; тем самым дискурсное пространство расценивается Е.А. Мензаировой преимущественно с точки зрения его составляющих, концептов-«вех» *любовь* и *женщина*, задающих само развитие дискурса. Однако дефиниционная характеристика лексических единиц, объективирующих концепт *любовь* порой сталкивается с теоретической непроработанностью – ср. использование малоадекватного

термина *синоним лексемы* и *синоним дериватов лексемы*: очевидно, что речь следует вести о лексико-семантических вариантах.

Концепт *любовь* неоднороден и описывается как совокупность разновидностей: *любовь-страсть*, отличающаяся силой и всепоглощающим характером; физическая любовь; *любовь-тщеславие*, как способ самоутверждения мужчины. Концепт *любовь*, реализуемый в рассматриваемом автором песенном дискурсе С. Генсбура (Гинсбурга), отражает, в первую очередь, его индивидуальный аспект, который дополняет и обогащает три основных компонента национального концепта: понятийный (подбор индивидуальных лексических и стилистических приемов), образный (выражение личного эмоционального опыта автора) и ценностный (в творчестве С. Генсбура концепт *любовь* занимает одно из важных мест среди других концептов).

В концепции Т.Г. Ренц [2011] ЛД рассматривается с позиции интеракциональности и категории эмотивности – в ракурсе романтического общения. Межличностное общение характеризуется с уровневых позиций, при этом романтическое общение отнесено к интимно-знаковому уровню (без экспликации иных), а основу идентификации его романтического статуса составляет обмен эмотивными знаками. Существенным представляется выделение конститутивных признаков романтического дискурса, к которым отнесены переживание сверхценности объекта, эмоциональная маркированность общения, синтонность мировосприятия, ритуализация, криптонимическая эзотеричность, тематическая рекурсивность, сокращение коммуникативной дистанции, редукция вербальных знаков; при этом данные признаки можно было бы разбить на микрогруппы, например, по признакам ‘эмотивный фактор’, ‘организационно-коммуникативный фактор’, ‘манифестационный фактор’.

Автор разделяет весьма близкие по существу исследовательские задачи, заявляя их в порядке от частного к общему: сначала предполагается определение концептуальных оснований *структуризации* романтического

общения с рассмотрением выделяемых этапов и лишь затем – выявление и описание *конститутивных признаков* романтического дискурса. В связи с этим задача выявления стратегий и тактик коммуникативного поведения участников романтического общения помещается после второй из названных задач, хотя более уместно она выглядит после и на основе процедуры структуризации.

Исследование особенностей романтического общения дает возможность его моделирования. Предложена [Ренц 2011: 6] пяти-компонентная модель $S (feel) Emo (n) \rightarrow Aim(n) \rightarrow D (V/NV) \rightarrow O (R)$, которая достаточно полно отражает структуру коммуникативного поведения личности в ЛД, однако интеракционный компонент в ней не манифестирован, так что Объект (O) представляется как пассивный, хотя и призван, по мысли автора, эмоционально оценивать и осуществлять рефлексию на эмоциональное состояние субъекта (S).

Алгоритмизация модели, согласно Т.Г. Ренц, подчинена мотивационно-потребностному принципу изучения личности и описывается во временной ориентации, с выделением шести этапов – инициации, оценивания, познания, интенсификации отношений, формализации отношений. Однако вызывает сомнение тезис автора, что «последовательность этапов не предопределяется какой-либо схемой, планом, программой, она весьма лабильна» [Ренц 2011: 12] – трудно представить себе, чтобы этап формализации осуществлялся до этапа, например, инициации. При этом тематическая рекурсивность (например, признания в любви) едва ли может служить основой для тезиса о подвижности этапов: последние представляют собой организационный, а не тактико-содержательный аспект дискурса. Далее, из рассмотрения выводятся отношения maritalного плана, хотя мотивационно-потребностный принцип их наличия, на наш взгляд, трудно подвергнуть сомнению.

Выделено пять стратегий, подчиненных общей «каритативно-гедонической» теории – организующая, эмоционально-настраивающая,

информативная, оценивающая и консолидирующая. Формулировка стратегий допускает возможность соотнесения их с этапами. Организующую стратегию, можно соотнести с этапом инициации, эмоционально-настраивающую – с оцениванием, информативную и оценивающую – с познанием, а на долю консолидирующей выпадает, по-видимому, не только этап формализации, но и этап интенсификации отношений, хотя такой характер соотношения не представляется очевидным, поскольку последний может быть соотнесен и с этапом познания. Видимо, это связано с тем, что интенсификация не вполне вписывается в стадийную схему и, представляя собой не-ингерентный элемент системы, может реализоваться, например, на этапах оценивания и познания.

Подробно описаны дискурсивные характеристики романтического общения: существо и конститутивные признаки романтического дискурса; динамика его стратегий и тактик; его семиотическое пространство; типы диалога в нем; эзотеричность; коммуникативная дистанция; ценностный, познавательный и поведенческий аспекты романтической личности. Изложены характеристики невербальной семиотики романтического общения: типы знаков – кинесические, гаптические, окулесические, проксемические, паралингвистические знаки; их функции – эмотивно-экспрессивная, аффективная, фатическая, информационная, регулятивная. Отдельно охарактеризован эмотивный параметр эмотивного общения: предложена модель, призванная выявить (А) установки адресанта как источника информации ((а) проанализировать собственные чувства; (б) информировать о своих чувствах; (в) поделиться своими чувствами; (г) излить свои чувства; (д) продемонстрировать свои чувства); (Б) установки адресанта как получателя информации (а) узнать о чувствах адресата; (б) констатировать чувства адресата; (в) проанализировать чувства адресата; (г) вызвать чувства у адресата. В этих установках отражена интеракциональная составляющая, однако критерий классификации, например, в (А) не прописан, поэтому, если даже признать в качестве него тип адресата (Я –

Другой), неясно, как следует разводить компоненты (в) и (г). Изложены эмотивные языковые средства – аффективы, коннотативы, потенциативы.

Информативность данного исследования позволяет взять на вооружение для последующего рассмотрения (но зачастую в ином ракурсе) в практической главе настоящей диссертации следующие аспекты: дискурсный тип (монологичность / диалогичность); принцип моделирования типов ЛД; общие параметры описания ЛД; эзотерический принцип и принцип опосредованности дискурсивных отношений (для Описания ЛД); хрононо-содержательный аспект; тактико-стратегический принцип реализации общения; семиотическое варьирование; фактор установки.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ ПЕРВОЙ

Первая глава данной диссертационной работы посвящена описанию состояния изученности проблемы ЛД и методов его исследования.

Вслед за К.А. Долининым мы считаем, что «РЖ это вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей. Данное взаимодействие, помещено в социально-культурные условия конкретной ситуации, т.е. это стереотип речевого поведения. РЖ в своем текстовом воплощении может быть представлен как система субжанров» [Долинин 1999: 10].

Субжанр определяется нами как комплекс речевых действий подчиненных единой стратегии, реализующийся группами действий – тактиками. Для наших целей наиболее подходящим является определение стратегии в монологическом плане, предложенное в калужской лингвоаргументологической школе. Принимая данную трактовку, в практической главе мы рассмотрим особенности тактико-стратегического подхода к монологическим текстам ЛД. Мы намерены охарактеризовать хрононо-ориентированный субжанр Описание ЛД ('история любви'), не-

хроносно-ориентированную речевоздействующе-немаркированную группу субжанров Ухаживание, Флирт, Приставание и не-хроносно-ориентированную речевоздействующе-маркированную группу субжанров Обольщение и Соблазнение.

В главе был представлен анализ работ по исследованию теории фреймов в лингвистике. Сделан вывод о том, что фреймовый подход может являться многообещающей методикой анализа различных языковых явлений. Фреймы могут описываться как в статическом, так и в динамическом ракурсе. Статический характеризуется наличием структуры узлов и отношений, в то время как динамический ракурс – это описание развертывания действия или процесса при его вербализации. По всей очевидности, статальная структура фрейма может поэтому отличаться от структуры скрипта, где существенным для исследователя может являться процесс его логичной организации и того, насколько этот процесс интерпретируется субъектом дискурса; при этом немаловажным можно считать мотивационные составляющие Актора, которые влияют и на процесс развертывания скрипта, и на заполнение его терминалов – почему отдельные компоненты скрипта получают более детальную реализацию, а другие остаются в тени.

Из топосного обзора становится ясной возможность трактовки топосов и их классификации по весьма разным основаниям. Топику можно использовать в анализе ЛД. Мышление коммуникантов в ЛД и его вербализация не обязательно должны отвечать установленным в связанной с топикой аргументологии правилам алгоритмизации; скорее, здесь мышление, его когнитивные опоры-топосы и его вербализация будет иметь особый вид. Так, в нарративных текстах повествование совершенно не обязательно связано с логичностью или объективностью развертывания действия во времени (ср. ставшим уже хрестоматийным пример структуры повествования у М.Ю. Лермонтова в «Герое нашего времени»). Точно так же, в эпизодах, связанных с Ухаживанием, Приставанием, Флиртом, мы не

вправе ожидать непрямого само-обоснования действий Актора; а вот количество невербальных компонентов общения (которые, к слову, вполне можно расценивать как когнитивные вехи) в этих субжанрах будет занимать не последнее место. Аргументологические же методики целесообразно использовать при анализе ЯЛ, реализующей себя в речевоздействующем дискурсе, когда Актор желает убедить Адресата-«жертву» в совершении определенных действий (например, при Обольщении и Соблазнении). Все это говорит о том, что при анализе таких различных субжанров могут устанавливаться неодинаковые топосы, и именно это составляет важный фактор существования исследовательского интереса, по крайней мере, в нашем понимании последнего.

Для оценки того, какие именно аспекты и субжанры ЛД целесообразно выбрать для анализа в исследовательской главе, было проведено рассмотрение работ по тематике ЛД; при этом акцент делался на изучении (по возможности, максимально полном по количеству) современных монографических исследований – докторской (Т.Г. Ренц) и ряда кандидатских диссертаций. Это позволяет выявить и взять для последующего рассмотрения такие важные аспекты, как: дискурсный тип (монологичность / диалогичность); общие параметры описания ЛД; тактико-стратегический принцип реализации общения; семиотическое варьирование; фактор установки. Проведенный анализ диссертационных исследований дискурса ЛД показал, что в процессе коммуникации ЯЛ выбирает стратегии общения в зависимости не только от того, к какому типу ЯЛ относится субъект речи, но и от того, какой разворачивается субжанр ЛД.

Все это позволяет наметить необходимые векторы в проведении практического исследования.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОСОБЕННОСТИ АНАЛИЗА МОНОЛОГИЧЕСКОГО РАКУРСА ЛЮБОВНОГО ОБЩЕНИЯ

2.1. К основаниям анализа

2.1.1. Жанрообразующие топосы любовного дискурса

Изучаемый в диссертации тип монологического общения можно определить на основе преобразованного и дополненного списка характеристик, представленных в работах: [Стернин 2001; Карасик 2004; Ренц 2010]. Эти характеристики можно рассматривать как важные жанрообразующие топосы, которые или осмысливаются, или могут быть осмыслены участниками ЛД. Описанные ниже характеристики представляют собой не только реальные, но и теоретически допустимые признаки. В соответствии с признаками топосной сферы, данные характеристики можно разделить по следующим типам: семиотический, коммуникативно-прагматический и когнитивно-психологический. Данные типы не являются замкнутыми, и характеристики одного типа могут быть при необходимости отнесены к другому (особенно это касается первых двух типов).

1. Семиотический топос.

Дискурсивный тип – не-институциональный тип дискурса с существенностью/несущественностью статусных и социальных признаков. Неосновой является возрастная характеристика, а важную роль играют гендерные черты.

Тема – это любовное общение, которое определяет особый характер межличностных отношений.

Способ реализации – это общение инициативное (т.е. можно выбрать того партнера, который симпатичен) и информативное.

Степень официальности – неофициальное/неформальное общение с использованием различных языковых средств начиная от разговорных или бытовых, заканчивая возвышенно-поэтическими средствами.

Форма – это прямое или косвенное общение монологического типа.

Соотношение формы и содержания – прямое или косвенное общение, в зависимости от субжанра.

Структура – гибкая, с одной стороны имеется организация в виде (фрейма), а с другой – варьирование рецептов.

Каналы связи – моно-семиотическое (акустическое, графическое, визуальное, тактильное) или поли-семиотическое (сочетая несколько каналов) общение.

2. Коммуникативно-прагматический топос.

Коммуникативная цель – мысленное предвосхищение желаемого результата; формулируется как ‘стремление обрести/сохранить любовные взаимоотношения’.

Последствия – общение преобразующее, изменяющее эмоциональное состояние Адресата.

Свобода выбора партнера – инициативное общение со стороны Актора.

Стиль – общение доверительное, агрессивное или интимное.

3. Когнитивно-психологический топос.

Мотив – это общение ради психологического равновесия (в Описании) или доминирования (в иных субжанрах).

Контролируемость – общение когнитивно контролируемое, подчиненное выбранным коммуникантом/коммуникантами принципам.

Рассмотрим эти характеристики подробнее.

1. *Дискурсивный тип* говорит о том, что «любви все возрасты покорны»; это относится не только к честному общению, но к ситуациям, где

Актером выступает, например, старый ловелас. Важность статусных и социальных признаков может проявляться, например, в ситуациях *преподаватель – студентка* или *начальник – подчиненная*; в остальных случаях эти признаки могут не играть значимой роли. Гендерные характеристики являются значимыми, поскольку в большинстве случаев в качестве Актора выступает мужчина, которому, например, в европейской традиции по социально-культурному положению позволена любовная инициатива.

Тематически ЛД подчинено определенным правилам, которые в целом связаны с романическим времяпрепровождением, намерением создания прочного союза, поступков и символов верности, радостей физической близости; тематическое единство задает определенные границы жанра общения, что позволяет построить фреймовую структуру ЛД.

Информативность *реализации* тем в ЛД проявляется повсеместно, и преобладает в честном общении. Реализация тем происходит открыто или скрытно; открыто – в случае информирования и конвинсивности (логический, или рациональный метод убеждения), скрытно – в случае паралогического или манипулятивного воздействия. Персуазивность связана с неравноправностью партнеров по общению, в котором используются как честные, так и нечестные приемы; при этом исследование персуазивности может осуществляться посредством методов, принятых в лингво-аргументалогии.

Степень официальности ЛД так или иначе перекликается с параметром дискурсивности. В ЛД маловероятно появление делового или командного стилей. Следовательно, и статусность общения не является актуальной; даже в нечестном общении Актер стремится расположить к себе Адресата, это достигается, в том числе использованием соответствующего стиля – см. ниже; межличностные отношения здесь основаны на сопереживании.

Говоря о *форме* ЛД возможно, не претендуя на исчерпываемость классификации, выделить четыре основных варианта общения: собственно прямое (непосредственное или одновременное устное общение Актор – Адресат); несобственно прямое (непосредственное отсроченное, в письменном общении между ними) либо собственно косвенное (опосредованное отсроченное – через посредника письменное, в том числе изложение ситуации Адресатом третьим лицам); несобственно косвенное (опосредованное, но симультанное общение) через посредника; устное – вид нечастый, возможен в переводческой ситуации.

Соотношение формы и содержания: прямое будет наблюдаться при честном общении в Описании и Ухаживании, а также при нечестном в Соблазнении; косвенное соотношение характерно для Флирта и Обольщения.

Структура ЛД, с одной стороны, жесткая – это диктуется обязательностью наличия Актора и Адресата (согласно [Ренц 2011: 9], при отсутствии одного из них в романтическом общении происходит распад диады), а также возможностью фреймового представления дискурса, где верхние узлы являются обязательными компонентами. С другой стороны, это структура не-жесткая, потому что в ней допускаются ретуши, т.е. индивидуальная интерпретация рецептов.

Каналы связи отражаются в средствах реализации ЛД. Чаще всего это происходит при непосредственном или прямом визуальном и речевом контакте и еще при письменном общении (например, письма или интернет). В основном используются вербальные знаки с нейтральными и эмоционально окрашенными словами и словосочетаниями; но встречаются ситуации, в которых ЛД (Флирт) осуществляется с помощью часто употребляемых невербальных знаков – кинесических, окулесических, проксемических.

2. Рассматривая *коммуникативную цель* ЛД, мы используем перлокутивные характеристики – как мысленное предвосхищение желаемого результата – «стремление обрести/сохранить любовные взаимоотношения».

Коммуникативная цель может формулироваться по-разному в зависимости от конкретного субжанра. Например, для Описания любви, которое несколько отличается от других субжанров (см. ниже), это «желание излить душу рассказом о взаимоотношениях». Для Флирта это «желание завуалированным путем добиться душевного расположения партнера или кратковременной влюбленности»; для Ухаживания это «желание симпатии и любовной взаимности»; для Приставания это «желание любым путем добиться расположения Адресата и, возможно, сексуальной связи»; для Обольщения – «желание косвенным путем добиться влюбленности и физической близости», для Соблазнения – «желание добиться физической близости».

Последствия ЛД могут приобретать различные варианты, и это зависит от субжанра. Для Описания — это обретение сочувствия и облегчения; для Ухаживания и Флирта – обретение общающимися гармоничных положительных эмоций; для Обольщения и Соблазнения – это сексуальная достижимость Адресата. Но, как можно заметить, в большинстве случаев последствия направлены на изменение исходного эмоционального состояния коммуникантов и связаны напрямую с таким изменением.

Свобода выбора партнера определяется как самим жанром, так и признаками культуры (см. выше). Выбор партнера как таковой ориентирован на параметры места и времени общения – например, в ночном клубе Соблазнение совершается быстрее и легче, чем в трамвае, так как в ночной клуб люди приходят с определенными целями; также роль играет атмосфера отдыха и расслабленности. Немаловажным является тот факт, что молодежная субкультура допускает инициативность со стороны женщины; при этом инициативность не обязательно означает принятие женщиной на себя роли Актора – это может быть и «подталкивание», провоцирование на проявление инициативы (последний признак, впрочем, справедлив не только в отношении общения в среде молодежи).

Обращаясь к стилю ЛД, можно сделать вывод о том, что он связан с характеристиками доверительности, вежливости, прямой или ложной

искренности, уважения, честности, которые и являются залогом бесконфликтного кооперативного и планируемо-эффективного общения. С стиль определяется как речевыми, так и поведенческими конвенциям, например, соблюдением литературных, возвышенно-поэтических и разговорных норм языка, запретом на оскорбления, на ненормативную и обценную лексику, допустимость выяснения межличностных отношений (о наличии чувств к партнеру).

3. С *мотивационной* точки зрения ЛД призван удовлетворять потребности коммуникантов. Например: (а) Актора и Адресата – в обретении или повышении самооценки (во Флирте и Ухаживании – когда, например, женщина-Адресат может осознавать, что это именно Флирт/Ухаживание: так как данное действие обращено на нее, это повышает ее самооценку; самооценка Актора также повышается, если Флирт/Ухаживание находит отклик, т.е. если Адресат реагирует планируемым или допустимым образом); (б) Актора – в обретении, укреплении или повышении самооценки, связанной с доминированием в межличностных отношениях (в Обольщении и Соблазнении); (в) Адресата – в возможности эмоциональной разрядки путем выражения прежде невысказанных чувств и эмоций (в Описании).

Контролируемость ЛД проявляется в наличии макростратегий и в возможности подвести данный тип общения под критерии этих коммуникативных макростратегий. В случае Описания это может быть макростратегия самораскрытия (стремления проанализировать или излить свои чувства)¹; при Ухаживании и Флирте имеют место макростратегии создания атмосферы доверия, взаимной симпатии и влюбленности; при Обольщении и Соблазнении – со стороны Актора макростратегии

¹ Это своеобразное стремление к интеракции; для понимания Описания можно привести мнение Р. Барта: «любое высказывание, имеющее своим предметом любовь <...>, фатально включает в себя тайное обращение к кому-то, <...> некой личности, к которой обращаются, пусть даже личность эта переходит в состояние призрака или какого-нибудь будущего создания» (Цит по: [Ренц 2011: 31]).

манипулятивного сексуального (завуалированного в Обольщении и выраженного в Соблазнении) доминирования над Адресатом.

Организацию жанра ЛД можно представить в виде схемы, и его монологовыми компонентами будут субжанровые составляющие Описание ЛД, Флирт, Ухаживание, Приставание, Обольщение, Соблазнение. Рассмотрим компоненты значения, позволяющие различить эти суб-жанры.

Описание ЛД стоит отдельно от остальных суб-жанров: это вторичный текст; речь здесь идет не об авторе художественного текста, а о самом авторе-участнике ЛД – об Акторе или об Адресате, который рассказывает о событии/истории любви. Компоненты значения: завязывание, развитие и завершение отношений; прямое и косвенное (с намеками) общение; не-выраженность сексуальной составляющей; выраженность намерений к продолжительным отношениям.

Ухаживание: завязывание и развитие отношений, формирование Мы-позиции [Ренц 2011]; в основном, прямое общение; вербальное и невербальное общение; не-выраженность и необязательность эротической составляющей; выраженность намерения к продолжительным отношениям. Отличие Ухаживания от Флирта, Приставания, Обольщения и Соблазнения состоит в противопоставлении названных явлений по параметру искренности/порядочности любовных намерений.

Флирт: завязывание отношений; не прямое общение; вербальное и невербальное общение; не-выраженность сексуальной составляющей; не-выраженность намерения на продолжительные отношения; отсутствие выраженной настойчивости.

Приставание: завязывание отношений, прямое и не прямое общение, вербальное и невербальное общение; выраженность или скрытость сексуальной составляющей, не-выраженность интенции на продолжительные отношения; чрезмерная настойчивость.

Обольщение: завязывание, развитие и ориентация на возможное завершение отношений; прямое общение; вербальное и невербальное

общение; косвенность сексуальной составляющей; не-выраженность интенции на продолжительные отношения.

Соблазнение: завязывание, развитие и ориентация на вероятное завершение отношений; прямое общение; вербальное общение; выраженность сексуальной составляющей; не-выраженность интенции на продолжительные отношения.

В табличной форме ряд описанных параметров немного дополнен и выглядит так.

Параметры семантики	Виды любовного общения					
	Описание	Флирт	Ухаживание	Приставание	Обольщение	Соблазнение
Стадия завязывания отношений	Да	Да	Да	Да	Да	Да
Стадия развития отношений	Да	Не применимо	Да	Да	Да	Да
Стадия подразумеваемого завершения отношений	Да	Не применимо	Нет	Да	Да	Да
Прямое или косвенное общение	Прямое	Косвенное	Преимущественно прямое	Прямое	Прямое	Прямое
Вербальное или невербальное общение	Вербальное и / или невербальное	Вербальное и / или невербальное	Вербальное и невербальное	Вербальное и невербальное	Вербальное и невербальное	Вербальное
Наличие сексуальной составляющей	Не имеет примарного значения	Скрыта	Не выражена	Скрыта	Скрыта	Выражена

Параметры семантики	Виды любовного общения					
	Описание	Флирт	Ухаживание	Приставание	Обольщение	Соблазнение
Интенция на продолжительность отношений	Да	Нет	Да	Нет	Нет	Нет
Элемент обмана	Нет	Возможен	Нет	Нет	Да	Возможен
Наличие положительной реакции Адресата	Не имеет примарного значения	Да	Да	Нет	Да	Да

Таблица 1. Описание параметров ЛД.

2.1.2. К методикам анализа субжанров

В диссертационной работе [Сухарева 2010] можно увидеть пример того, как автор использует три различных подхода для анализа трех аспектов одного и того же текста. При этом продемонстрировано, что каждая методика наилучшим образом подходит для каждого отдельного аспекта. Мы тоже берем разные методики, полагая, что одни из них более подходят для одних субжанров или их аспектов, а другие – для других.

Так как в диссертационной работе нет возможности дать полное описание всех типов ЛД и рассмотреть применение всех методик, представляется важным расставить приоритеты. В качестве важного аспекта изучения в диссертационной работе выделяется глубинная интенция текста. На основе признака ‘выраженность речевоздействия’ ЛД может иметь две группы субжанров – немаркированную и маркированную. К первой будут отнесены Ухаживание, Флирт, Приставание, Описание; ко второй – Соблазнение, Обольщение.

Предлагается следующий порядок анализа дискурса ЛД – сначала немаркированная, затем маркированная группы субжанров. В первой с коммуникативно-прагматической точки зрения рассматриваются Ухаживание, Флирт, Приставание в качестве разновидностей не-хроносно-ориентированного дискурса; анализ здесь производится с позиции тактико-стратегического подхода и использования невербальных средств общения. Эти субжанры не являются предметом основного внимания в диссертации, и нами излагаются параметры методики, пригодные для анализа любого из них. Далее следует когнитивный анализ хроносно-ориентированного дискурса Описания; в качестве основного исследовательского метода здесь берется фреймовый метод. Завершает рассмотрение подробная характеристика суб-жанров второй группы – анализ персуазивного дискурса; этот анализ комплексный и находится в фокусе внимания в главе; помимо применения фреймового метода он направлен на описание лингвоперсонологических и коммуникативно-прагматических аспектов дискурса.

Обратим внимание на тот факт, что в первой главе методика тактико-стратегического анализа была описана достаточно подробно (см.: [Шмелева 1990; Рытникова 1996; Сухих 1998; Маркова 2003; Афанасьева 2005; Рублева 2005; Черкасова 2006; Черкунова 2006; Швырева 2006; Волкова 2007; Коробова 2007; Седов 2007; Иссерс 2008; Швец 2008; Андрющенко 2009; Васильев, Черкасская 2013] и др.), и отдельно останавливаться на ней нет необходимости.

Фреймовый подход также популярен, и в нем есть особенности, которые используются в данном исследовании и которые потому необходимо рассмотреть отдельно. Сам фреймовый метод используется в лингвистических исследованиях в разных целях. Следуя С.А. Сухих [1998], с помощью фреймового анализа можно описать субстанциональный уровень языковой личности (здесь проецируются структуры тезауруса ЯЛ), который обладает своим особым синтаксисом и описывает то, что исследуется в ЯЛ

вообще – (а) взаимовлияние тезаурусов, (б) макроинтенции, (в) стратегии. Упомянутые аспекты отражают скрытые причины организации и протекания речевого общения.

С помощью метода фреймов могут быть описаны или продемонстрированы следующие параметры коммуникативной ситуации.

(1) Участники общения (ЯЛ) как основные и важные компоненты функциональной ситуации речевого общения. Исследование общения невозможно без учета коммуникантов. Хотя участники общения не всегда изображаются в виде отдельных компонентов фрейма, они представляют собой как бы субъекты и объекты проекций действий. В этой связи используется термин *установка*, у которого два разных определения – (1) коммуникативное и (2) психологическое.

Во-первых, установка понимается как ориентационная деятельность субъектов общения, направленная на производство тех или иных реакций у участников общения. На этом основании нами производится разграничение среди последних Непосредственных участников (Актора, Адресата), Опосредованных участников (Слушающих, прямых Участников общения), Косвенных участников (Свидетелей, Наблюдателей), а также лиц, которые могут учитываться как Косвенные адресаты (Заинтересованные лица, Незаинтересованные лица) (ср. несколько иную классификацию (Говорящий, Адресат, Слушающие, Третьи лица) в [Богданов 1993]). Можно в связи с этим выделить ориентационные установки Говорящего с частными топосами:

(1) на компоненты коммуникативной ситуации: (а) на сообщение; (б) на ситуацию/контекст; (в) на участников общения: на непосредственных, опосредованных и косвенных участников, а также на косвенных адресатов;

(2) на содержательные аспекты участников общения: (а) этосные (положение в обществе; авторитет; нравственность); (б) логосные: (б-1) статальный (статичный) аспект участника: на энциклопедические знания, на языковые знания, на профессиональные знания; (б-2) процедурный аспект участника: на реализацию знаний (know how); (в) пафосные: (в-1) на

исходные эмоции; (в-2) на возникающие эмоции (и эмоциональный фон); (в-3) на результирующие эмоции).

Во-вторых, установка определяется как неосознаваемая психологическая основа деятельности общения (и шире, регуляции деятельности человека в целом – на смысловом, целевом, операциональном и психофизиологическом уровнях). Выявление типа установки осуществляется на основе следов деятельности субъекта, к которым относятся степень соблюдения социокультурных норм, обращение к определенной тематике, диалогическая модальность, доминирование конкретных макроинтенций, длина высказываний, особенности паузаций, мелодический контур речи [Сухих 1998: 137]. На основе этих параметров в грузинской, например, психологической традиции выделяются три основных психотипа – гармонический, конфликтный, импульсивный. ЯЛ с использованием принципа установки может приобретать следующие параметры: (1) взаимоотношение с действительностью (разделяются экстраверты и интроверты); (2) ориентация на предмет / человека (рационалисты и эмоционалы); (3) отношение к деятельности (активные и созерцательные ЯЛ); (4) канал восприятия (сенсорики и интуитивисты); (5) способ репрезентации опыта (визуалы, аудиалы, кинестетики) (см.: [Сухих 1998: 143 и далее]).

(2) Типы социальной деятельности с набором коммуникативных намерений, стратегий и тактик. С этой точки зрения в когнитивистике выделяют разные фреймовые структуры (все они подчинены принципу семантической метонимии – когда некоторый элемент замещает целую структуру). Для наших целей достаточным признаком является классификационный признак ‘типы знаний’ – декларативных и процедурных. Для декларативных знаний выделяются схемы (знания об устройстве предметов и событий), для процедурных – сценарии/скрипты (знания о функционировании предметов и реализации событий). Обобщающим термином условимся считать *фрейм*. Для речевой деятельности более

употребимым будет понятие сценария; при этом его можно задействовать как для диалогической, так и для монологической разновидности деятельности общения. Здесь можно применить понятия рецепта и ретуши [Сухих 1998: 182 и далее].

А. Метод сценариев-рецептов подойдет для подведения мышления под рамки и нормы, принятые в социуме; сценарии как бы упорядочивают мышление, избавляя его от хаотичности. Верхние узлы сценария суть свертки нижних, так что активация части сценария должна приводить к активации сценария-рецепта в целом, в том числе, его недостающие элементы – потому что в тексте информация обычно отрывочна. Следует обратить внимание на то, что восстановление фрейма дает не буквальные языковые и даже не ментальные или внутренние образы, которые могут легко варьироваться, а лишь семантические представления [Сухих 1998]. Рецепты можно определить как частные топосы (предметные и процедурные) – они показывают «как должно быть». Общие топосы предстают тогда как отношения между слотами (например, часть – целое, причина – следствие, сущность – проявление, атрибут – субстанция, переименование, внеположность, подчинение и пр.).

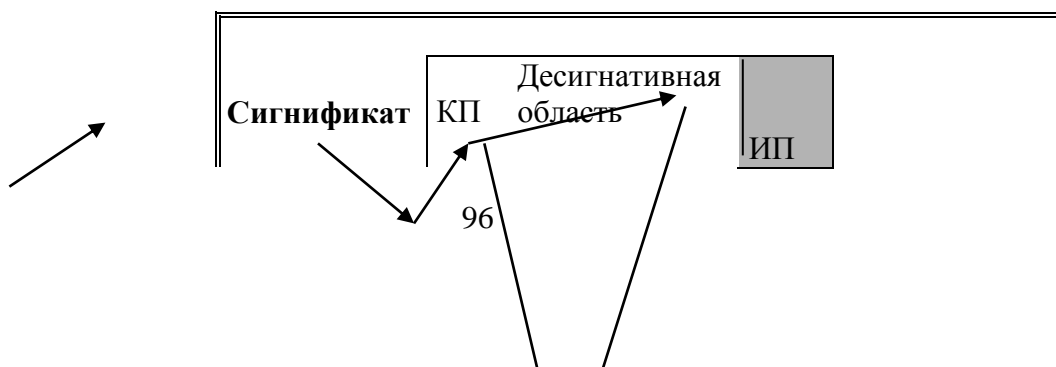
Б. Сценарии-ретуши показывают особенности деятельности конкретной ЯЛ, т.е. то, что именно субъект «нанализует» на скелет-рецепт: получается своеобразный отражающий «портрет» рецепта. Ретушные компоненты (узлы фрейма) можно определять как конкретные топосы, показывающие «как есть». При этом, согласно С.А. Сухих [1988], значительная оригинальность ретушей не позволяет утверждать, что активация части сценария должна непременно приводить к активации сценария-ретуши в целом. Общие топосы также присутствуют и в ретушном фрейме, так как отвечают за его общую парадигматическую организацию. Языковое проявление ретушей существенно в том отношении, что в предложениях присутствуют выражения разных типов – визуальные, аудиальные, кинестетические, по которым можно установить тип ЯЛ.

В. Десигнативные топосы – это то, что стоит за ретушами, коммуникативные намерения, то, что заставляет субъекта выбирать те или иные ретуши-референты. Тогда как и в случае оппозиции иллокуция :: локуции в теории речевых актов, количество десигнативных топосов должно быть меньше, чем референтных.

Термин ‘десигнативный’ взят в трактовке, предложенной в аналитико-семиотическом подходе (см.: [Васильев 1999; 2014: 24]) и связан с результатами понимания компонентов текста. Понимается отраженный в сознании (или извлекаемый из памяти) денотат (предмет, действие, ситуации и т.п.), который подвергается языковому означиванию (см. Рис. 1).

В структуре семиозиса (понимание знака) на уровне его материального плана на «вход» реципиента поступает экспонент знака, который распознается в плане выражения как образ экспонента (тела знака). С образом экспонента тесно связан феномен трансляционного плана – значение как содержательная сторона образа экспонента и которое не существует в отрыве от этого образа; значение понимается во многом автоматически, если образ экспонента присутствует в системе знаний реципиента. Это процесс узнавания знака.

Далее понимание движется в план содержания – понятийную сферу (процессы декодирования, осмысления и интерпретации, по Л.Г. Васильеву [Васильев 2014: 24]), которая в семиозисе предстает как сигнификат (знание о предмете), имеющий сложное неодноплановое строение – референтную и десигнативную области. Референт – это отражение на уровне представления, экстенционал (класс предмета); десигнат – отражение на уровне понятия, интенционал (характеристики предмета). В десигнате две стороны – конвенциональное и индивидуальное поля.

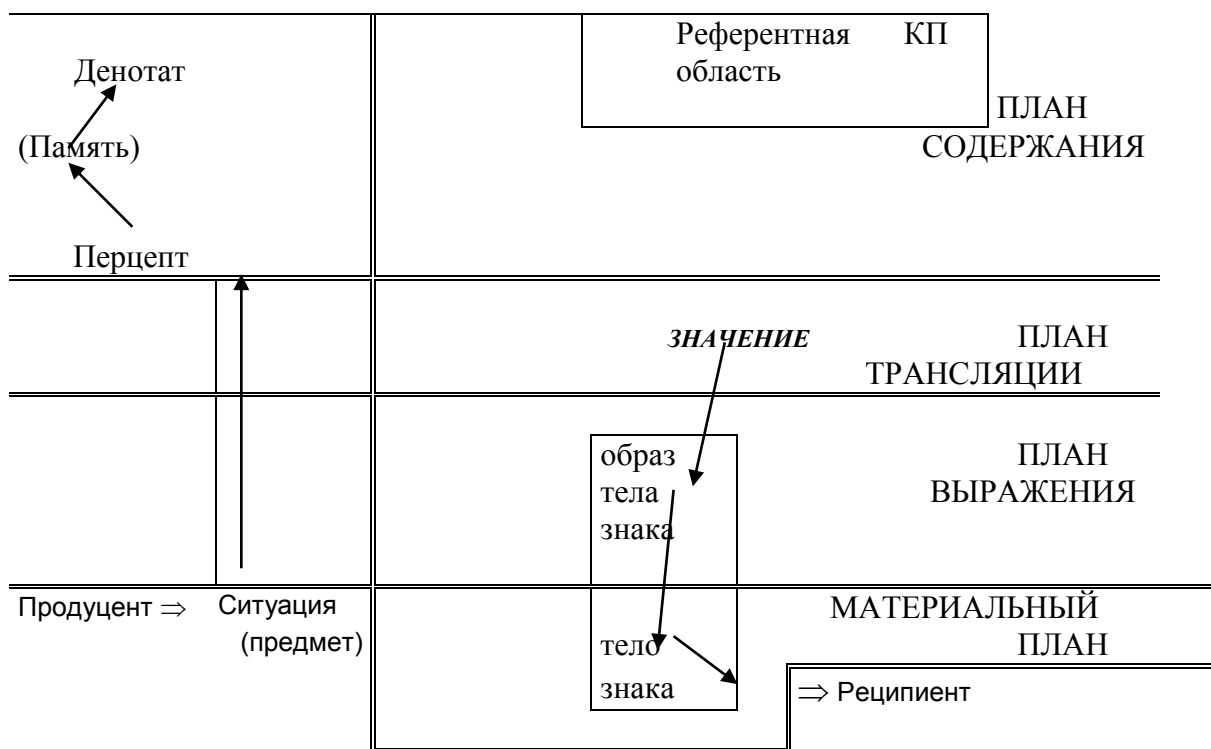

Рис. 1 Семиозис, по Л.Г. Васильеву

Интенции продуцента, которые распознаются реципиентом-анализатором и которые вербально не выражены, лежат, согласно Л.Г. Васильеву, в десигнативной области сигнификата. Их восстановление – особый семиотический процесс, который осуществляется на основе привлечения предшествующей и последующей за этим имплицитным знаком информации (вербальных знаков), энциклопедических знаний об окружающих (по локальной когерентности) референтах-ретушах и о фрейм-рецепте (по локальной и глобальной когерентности), а для скрипта – привлечения и процедурных знаний. Особенность семиозиса в случае интенций (которые понимаются не в смысле действий речевого плана, а в смысле скрытой информации и вех, на которые опирается продуцент при создании текста) в том, что семиотический процесс делает здесь своеобразную петлю – поскольку в плане выражения экспонента нет. Происходит обратное движение (во многом – на основе догадок) из плана содержания (когда реципиенту представляется распознанной интенция) в трансляционный план (какое словарное значение она получает – как в виде

слова, так и в виде словосочетания) и далее – в план выражения в образ экспонента с конкретной лексико-грамматической и графической структурой и далее – в материальный план (собственно графическую или фоновую последовательность).

Описанные три феномена *A*, *B*, *B* могут рассматриваться как топосы:

A – суперструктурные, образующие класс событий;

B – макроструктурные, дающие конкретные пропозиции в тексте;

B – интенциональные, задающие выбор из множества потенциальных пропозиций уровня *B*.

Количество текстов для принципиального выявления *A*, *B*, *B* малосущественно. Согласно методу научной индукции, если феномены одного ряда имеют существенные общие черты, то к ним применима одна и та же методика описания. Этими существенными чертами является структура рецепта. С семиотической точки зрения компоненты рецепта принадлежат конвенциональному, а компоненты ретуши – индивидуальному полю сигнификата языковой единицы.

Конкретные же тексты будут различаться прежде всего по параметру *B* – отсюда и получаются разные произведения. Но принцип анализа будет един для всего множества однотипных текстов. Тогда задача состоит в том, чтобы максимально показать, как именно можно использовать конкретную методику: в нашем случае – совокупность соотношений *A*, *B*, и *B*.

2.2. Монологический любовный дискурс в аналитическом освещении

2.2.1. Вербальный аспект коммуникативных стратегий и тактик в субжанрах любовного дискурса

Типология вербальных стратегий ЛД строится на основе учета типа общения – анализируя монолог, а не диалог², мы рассматриваем действия партнеров попеременно. Исследовательский акцент делается на инициативные действия участников: (преимущественно Актора, в некоторых случаях – Адресата).

Анализ материала дал следующие результаты: для Актора можно выделить основные стратегии Создания комфортности общения и Самораскрытия. Как можно предположить, частота употребления таких стратегий в ЛД неодинакова, поэтому неодинаково и количество примеров, имеющих и проанализированных. В основном такая неравномерность касается тактик, количество которых, как показывает анализ языкового материала, разнится от субжанра к субжанру и от дискурса к дискурсу: исчисление исчерпывающего количества тактик в связи с этим представляется малоперспективным. Поэтому ограничение демонстрирующего материала примерами (также выборочными) из художественных текстов, например, из J. Austen и Л.Н. Толстого не снижает общей адекватности анализа.

Стратегия Создания комфортности общения. В ней выделены тактики похвалы, комплимента³, придания обстановки положительной тональности.

Тактика похвалы.

Nature gave you understanding. Miss Taylor gave you principles. You must have done well. My interference was quite as likely to do harm as good. (Ухаживание в виде приведения рационального рассуждения)

You might not give Emma such a complete education as your powers would seem to promise; but you were receiving a very good education from her, on the very material matrimonial point of submitting your own will, and doing as you were bid, and if Weston had asked me to

² С той оговоркой, однако, что установление конкретного субжанра производится на основе контекста, определяемого в числе прочего взаимодействием коммуникантов.

³ Основное различие похвалы и комплимента: первая дается за сделанное, второй – за несделанное.

recommend him a wife, I should certainly have named Miss. Taylor'. (Ухаживание в виде рационального рассуждения и парафразирования вывода)

Тактика комплимента.

{Как она хороша! – сказала Наташа отцу, который вместе с другими встал и сквозь толпу подвигался к актрисе.}– Я не нахожу, глядя на вас, – сказал Анатолий, следуя за Наташей.{Он сказал это в такое время, когда она одна могла его слышать.}– Вы прелестны...; (Ухаживание)

Поезжайте, – сказал он, и, протянув руку к ее букету и понижая голос, сказал: – Vous serez la plus jolie. (Ухаживание)

– Сначала мне мало нравилось, потому что, что делает город приятным, se sont les jolies femmes, {хорошенькие женщины,} не правда ли? Ну а теперь очень нравится, – сказал он, значительно глядя на нее (Флирт)

'How much I am obliged to you,' said he, 'for telling me to come today! If it had not been for you, I should certainly have lost all the happiness of this party.I had quite determined to go away again.' (Ухаживание)

I left them there and came on to Hartfield, impatient for your opinion, and hoping you might be persuaded to join them and give your advice on the spot. <...> It would be the greatest pleasure to them if you could allow me to attend you there. They can do nothing satisfactorily without you. (Светское Ухаживание)

You are better placed here – very fit for a wife, but not at all for a governess. But you were preparing yourself to be an excellent wife all the time you were at Hartfield. (Ухаживание)

'Let me entreat you,' cried Mr Elton; 'it would indeed be a delight; let me entreat you, Miss Woodhouse, to exercise so charming a talent in favour of your friend. I know what your drawings are. (Ухаживание в виде проекции с предмета на человека)

I rather believe you are giving me more credit for acuteness than I deserve. I smile because you smile, and shall probably suspect whatever I find you suspect (Флирт)

'Charming Miss Woodhouse! Allow me to interpret this interesting silence. It confesses that you have long understood me.' (Ухаживание)

I have still the advantage of you by sixteen years' experience, and by not being a pretty young woman and a spoiled child. (Ухаживание с элементом шутки)

Тактика придания обстановке в положительной тональности.

«This is a pleasure,' said he, in rather a low voice, 'coming at least ten minutes earlier than I had calculated. You find me trying to be useful; tell me if you think I shall succeed»
(шутка при Ухаживании для создания атмосферы доверия)

'Whom are you going to dance with?' asked Mr Knightley. Will you?' said he, offering his hand.» (Флирт)

В стратегии Самораскрытия выделены тактика экспликации эмоционального состояния, тактика настойчивости и тактика признания в чувствах.

Тактика экспликации эмоционального состояния.

<if you have any wish to speak openly to me as a friend or to ask my opinion of anything that you may have in contemplation - as a friend, indeed> – 'As a friend!' repeated Mr Knightley. 'Emma, that, I fear, is word - no, I have no wish. Stay, yes, why should I hesitate? I have gone too far already for concealment. <...> Tell me, then, have I no chance of ever succeeding?»
(Ухаживание с косвенной интенцией отклика)

'If you are very kind,' said he, 'it will be one of the waltzes we danced last night; let me live them over again. You did not enjoy them as I did: you appeared tired the whole time. I believe you were glad we danced no longer; but I would have given worlds - all the worlds one ever has to give - for another half-hour. (Ухаживание)

'It comes to the same thing. I can have no self-command without a motive. You order me, whether you speak or not. And you can be always with me. You are always with me.'
(Ухаживание)

Тактика настойчивости.

...у нас устраивается карусель в костюмах; вам бы надо участвовать в нем: будет очень весело. Все собираются у Курагиных. Пожалуйста, приезжайте, право, а? Поезжайте, милая графиня, и в залог дайте мне этот цветок...; (Ухаживание)

Вы прелестны... с той минуты, как я увидел вас, я не переставал...; <он> сказал ей, что она ravissante {обворожительна} и что он любит ее...; Я говорю, что безумно, безумно влюблен в вас...; Я не могу к вам ездить, но неужели я никогда не увижу вас? Я безумно люблю вас. Неужели никогда? ... (Ухаживание)

- Un mot, un seul, au nom de Dieu, {Одно слово, только одно, ради Бога}», – говорил Анатолий; – Nathalie, un mot, un seul, – всё повторял он, видимо не зная, что сказать и повторял его до тех пор, пока к ним подошла Элен. (Приставание)

Тактика признания в чувствах.

Miss Woodhouse, who can think of Miss Smith when Miss Woodhouse is near? No, upon my honor, there is no unsteadiness of character. I have thought only of you. I protest against having paid the smallest attention to any one else. Everything that I have said or done, for many weeks past, has been with the sole view of marking my adoration of yourself. (Ухаживание)

I do not believe I did you any good. The good was all to myself, by making you an object of the tenderous affection to me. I could not think about you so much without doting on you, faults and all; and by dint of fancying so many errors, have been in love with you ever since you were thirteen at least. (Ухаживание)

2.2.2. Невербальные составляющие любовного общения: коммуникативно-прагматический аспект

Целью данной работы, как уже упоминалось, не является собственно системно-генристическое описание субжанров в рамках ЛД – эти субжанры выделяются для достижения большей научной объективности описания объекта. Нацелена работа на возможность показать потенциал применения в исследовании содержания дискурса ЛД различных исследовательских методик анализа; учитывая явные различия в субжанрах, логично предположить, что для описания разных субжанров разные исследовательские методики могут быть эффективны в разной степени. При этом мы ни в коей мере не выступаем за исключительность применения той или иной методики лишь к конкретному субжанру и за выведения ее из спектра исследовательских процедур для другого субжанра. Выбор методики определяется как свойствами конкретного субжанра, так, по-видимому, и предпочтениями исследователя. Например, демонстрация существа ЛД может быть достаточно выпукло представлена на основе фреймового метода, а семиотическое варьирование поведения участников ЛД удобно исследовать с применением тактико-стратегического подхода. При этом мы полагаем, что во всех представленных в настоящей диссертации методиках анализа можно усмотреть общую черту – их опору на топосный принцип.

Акциональные невербальные составляющие общения в целом и ЛД, в частности, составляют весомую часть в межличностной интеракции. Их роль может варьироваться от вспомогательной (сопровождающей вербальные действия – что, как показывает корпус просмотренных текстов, в большинстве случаев и наблюдается) до доминирующей. На наш взгляд, рассмотрение доминирования невербальности как особого семиотического варианта в рамках ЛД представляет отдельный исследовательский интерес – уже в силу его меньшей характеристики в лингвистической литературе. При этом само наличие невербальности, несомненно, опирается на общие совместные знания коммуникантов о принципах поведения в конкретных ситуациях. Иными словами, при интенциональном поведении Актор должен полагать, что Адресат правильно распознает его интенции.

Действия Актора

(А) Стратегия, направленная на расшифровку Адресатом.

К числу таких интенций можно отнести создание у Адресата впечатления о надежности Актора как личности в поведенческом отношении. Например, в русскоязычной культуре положительный образ мужчины связан с надежностью (защитник). Этот образ действенен в семейных отношениях – как в не-любовных (отец, брат), так и в любовных (муж). Так как выстраивание доминирующих отношений со стороны мужчины часто строится таким образом, чтобы создать у женщины впечатление об искренности создания им отношений, ведущих к браку, мужчина может выбрать названную акциональную стратегию. При этом компоненты данной стратегии будут получать демонстрационную характеристику.

В художественных текстах такая стратегия может эксплицироваться автором произведения или оставаться вербально невыраженной, имплицитной (в нижеследующих примерах ее тактики снабжены значком, соответственно, э и и). Это, несомненно, облегчает задачу исследователя в плане установления содержательных составляющих общения персонажей. В иных случаях исследователю это приходится делать самому.

В качестве примера возьмем коммуникативное поведение Анатоля Курагина, персонажа «Войны и мира» Л.Н. Толстого в эпизодах его встречи с княжной М. Болконской и графиней Н. Ростовой. При этом ЛД предстает в разных субжанрах – в виде Ухаживания, Флирта и даже Приставания (мы, как и выше, даем при разборе соответствующие пометы, если это представляется необходимым для уточнения существа явления). Реализации стратегии Надежности получают характеристики (тактики) самоуверенности (С-Ув), спокойствия (Спок), настойчивости (Наст), мужественности (Муж), коммуникабельности (Ком).

Мы сочли уместным дать соответствующие комментарии о невербальных знаках в квадратных скобках.

Тактика самоуверенности: *у него зато была драгоценная для света ... ничем не изменяемая уверенность ...*

(а) (С-Увэ): (Ухаживание)

*Она только почувствовала нежную руку, твердо взявшую ее...[гаптика];
когда после ужина стали расходиться, Анатолий поцеловал руку княжны ...
[гаптика];*

*такое самоуверенно-нежное выражение было в его ласковом взгляде и улыбке...
[кинесика (мимика)];*

(Эпизоды встречи Курагина с княжной Марьей и на балу у Безуховых).

(б) (С-Уви): (Флирт)

Анатолий молчал [силентивность], покачивал ногой [кинесика (жесты)], весело наблюдая прическу княжны ... [окулесика];

Тактика спокойствия: *...у него зато была драгоценная для света способность спокойствия ...*

(а) (Спокэ): (Флирт)

В одну из минут неловкого молчания [силентивность], во время которых Анатолий своими выпуклыми глазами спокойно и упорно смотрел на нее ...[окулесика];

(б) (Споки): (Флирт)

покачивая одной отставленной ногой и слегка склонив голову [кинесика (жесты)], молча [силентивность], весело глядел на княжну.... [окулесика]

Говоря это, он не спускал улыбающихся глаз с лица, с шеи, с оголенных рук Наташи... [окулесика];

Тактика настойчивости

(а) (Настэ): (Приставание)

Когда она отворачивалась [кинесика (жесты)], она боялась, как бы он сзади не взял ее за голую руку [гаптика], не поцеловал бы ее в шею... [гаптика];

Но только что она отвернулась [кинесика (жесты)], она подумала, что он тут сзади так близко от нее [проксемика] ...;

(б) (НастИ): (Приставание)

Анатоль подвинул Наташе стул и хотел сесть подле [проксемика], но граф, не спускавший глаз с Наташи [окулесика], сел подле нее [проксемика]. Анатоль сел сзади [проксемика] ...;

Анатоль пригласил Наташу на вальс и во время вальса он, пожимая ее стан и руку [гаптика] ...;

Анатоль ничего не говорил ей [силентивность] и только смотрел на нее [окулесика] ...; В конце первой фигуры он опять пожал ей руку [гаптика] ...;

Где бы она ни была, с кем бы ни говорила, она чувствовала на себе его взгляд [окулесика] ...;

в маленькой диванной ей опять встретился Анатоль [проксемика];

– и он, заслоня ей дорогу, приближал свое лицо к ее лицу [проксемика];

Блестящие, большие, мужские глаза его так близки были от ее глаз, что она не видела ничего кроме этих глаз [проксемика].

Тактика коммуникабельности (Ком).

Анатоль весьма охотно отвечал французженке и, улыбаясь, глядя на нее [окулесика], разговаривал с нею про ее отечество ...;

глаза его, смеясь и радуясь, смотрели на княжну Марью [окулесика] ...; (Флирт) когда после ужина стали расходиться, Анатоль поцеловал руку княжны [гаптика] ...;

Анатоль ... подсел к ней [проксемика] и сказал, что давно желал иметь это удовольствие, еще с Нарышкинского бала, на котором он имел удовольствие, которое не забыл, видеть ее ...;

у него была самая наивная, веселая и добродушная улыбка ...; сказал он, вдруг обращаясь к ней, как к старой давнишней знакомой...; рассказал ей про то, как в прошлый спектакль Семенова играя, упала ...; сказал он, вдруг обращаясь к ней, как к старой давнишней знакомой ...; Анатоль улыбнулся, как бы ободряя ее ...
(Ухаживание)

Тактика мужественности (МужИ):

Анатоль, заложив большой палец правой руки за застегнутую пуговицу мундира, с выгнутой вперед грудью, а назад – спиной... [кинесика (жесты)](Флирт)

В иных случаях Актер может полагать, что тянущаяся за ним слава соблазнителя не обязательно накладывает отрицательный отпечаток на его имидж.

(Б) Стратегия, амбивалентная для расшифровки Адресатом – здесь выделяется тактика Демонстрация безразличия (Дем-Безр) – хотя принципиально возможны и иные.

Тактика «Демонстрация безразличия» («чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей») (Дем-БезрЭ):

<Анатоль> молча, весело глядел на княжну[окулесика], видимо совершенно о ней не думая (БезрЭ) (Флирт)

(В) Скрытая стратегия ОБМАН.

*Взгляд же Анатоля, хотя и был устремлен на нее, относился не к ней, а к движениям ножки *à-la Vouigienne* [окулесика; кинесика], которую он в это время трогал своею ногою [гаптика] под фортепиано (ОбманИ) (Флирт)*

Действия Адресата.

Эти реактивные действия имеют иную направленность, чем у Актора. Однако Адресат-Жертва может не только сопротивляться и негодовать по поводу возможности манипуляций, но и догадываться о них и идти навстречу действиям Актора. При этом действия Адресата могут отвечать определению стратегии (при их осознанности), а могут быть просто реактивными. В эпизодах с А. Курагиным встретились лишь действия второй разновидности.

Реактивные действия. К ним можно отнести: Стеснительность (Стес) от поведения (а) партнера (б) своего собственного; Недоумевание (Нед); Реакция на коммуникабельность (Р-Ком); Тщеславие (Тщесл).

Повторим, что такие реакции сложнее описывать в терминах стратегий, поскольку: (а) стратегии предполагают в целом равноправное участие в диалоговом общении; (б) стратегии интенциональны, т.е. направлены на изменение поведения партнера. Этого не наблюдается при названных реактивных действиях.

Душевное беспокойство как реакция на дурную славу партнера

... Наташу странно и приятно поразило то, что не только не было ничего такого страшного в этом человеке, про которого так много рассказывали ...) она чувствовала, что в непонятных словах его был неприличный умысел ...; (Приставание)

Стеснительность от поведения партнера (в скобках, как и выше, указывается субжанр, а не действия Адресата)

... думала она <княжна Марья>, не смея взглянуть на его лицо[окулесика], чувствуя всё тот же взгляд, устремленный на себя[окулесика] (Стесэ)...; (Флирт)

Она сама не знала, как у ней достало смелости (Стесэ), но она прямо взглянула на приблизившееся к ее близоруким глазам прекрасное лицо[окулесика] ...; (Флирт)

Ей <Наташе> было это приятно, но почему-то ей тесно и тяжело становилось от его присутствия [проксемика] (ДурСл + Стесн)...; (Приставание)

Когда она не смотрела на него[окулесика], она чувствовала, что он смотрел на ее плечи[окулесика], и она невольно перехватывала его взгляд[окулесика], чтоб он уж лучше смотрел на ее глаза [окулесика] (Стесн)...; (Приставание)

Стеснительность от собственного поведения

она со страхом чувствовала, что между ним и ей совсем нет той преграды стыдливости, которую она всегда чувствовала между собой и другими мужчинами [субститут проксемики] (Стесэ)...;

И опять она с ужасом чувствовала, что между ним и ею нет никакой преграды [субститут проксемики] (Стесэ)...;

Наташа спросила и покраснела. Ей постоянно казалось, что что-то неприличное она делает, говоря с ним (Стесн)...;

чувство ... страха от отсутствия нравственных преград между ею и имм[субститут проксемики] (Стесэ), охватило ее...;

Тщеславие

чувство тщеславного удовольствия, что она нравится ему (Тщеслэ), охватило ее...;

Реакция на коммуникабельность партнера

Она, сама не зная, как, через пять минут чувствовала себя страшно-близкой [субститут проксемики] к этому человеку (Р-Коми) ...;

Недоумевание

Наташа оглядывалась на Элен и на отца, как будто спрашивая их, что такое это значило[окулесика] (Недэ)...;

Ей так нужно было, чтобы он сказал это слово, которое бы объяснило ей то, что случилось и на которое она бы ему ответила (Недн)

Реактивные действия Адресата-Жертвы соотносятся как с невербальными, так и с вербальными действиями Актора.

2.2.3. Хроносно-ориентированный анализ любовного дискурса

2.2.3.1. К построению хроносной обобщенной модели

Использование теории топосов как демонстрационной аналитической процедуры изучения дискурса является важным (но не единственным) ее аспектом. Далее в анализе текста мы продемонстрируем, как именно фреймовый (в нашем случае – скриптовый, т.е. деятельностный) подход сочетается с идеей топосов в общении. Рассмотрим некоторые теоретические моменты по поводу возможности такого сочетания.

С точки зрения С.А. Сухих [1998], эффективное изучение фреймов возможно на основе принятия идеи о рецептах и ретушах. Рецепты и ретуши суть *репрезентации* когнитивных структур, пропозиции; автор считает их декларативными знаниями [Сухих 1998: 206]. Декларативные знания полагаются связанными с фреймами, процедурные знания – со скриптами. Следует заметить, что в скрипте имеются как статические, так и

процедурные аспекты (например, *кто* устраивается на работу (это статика) и *как* устраивается (это динамика)): т.е. в пропозициях отражены элементарные действия; совокупность этих действий дает тактику; тактики составляют стратегию. Это один из возможных способов понимания текста (снизу-вверх, нестратегический, т.е. без догадок, их подтверждения и коррекций). Такое происходит, когда перед нами, например, научный текст, т.е. когда у нас отсутствует рецепт (при незнакомом виде деятельности).

Разделяя идею об общем топосном принципе организации человеческой деятельности, рецепты и ретуши можно осмысливать как топосные образования. Тогда рецепты можно представить, как частные топосы (константные и процедурные) «как должно быть», а ретуши – как конкретные топосы (константные и процедурные) «как есть».

Мы считаем, что это рецепты и ретуши по следующим причинам. Топосы – это виды действий и концептов. Если в концепте существует не только понятийная часть, но и языковая, то это ключ к тому, как может преимущественно (рецептно) топос вербализоваться; конкретная же вербализация – это ретушная вербализация.

Отличие нашего понимания схем от подхода С.А. Сухих будет состоять в том, что у него и рецепты, и ретуши представлены в виде одноплановых содержательных структур – пропозиций (которые семиотически соотносятся с референтной областью конвенционального поля сигнификата Л.Г. Васильева [1999; 2014]). У нас же ретуши представлены в виде образований из десигнативной сферы сигнификата: пропозиций + апеллятивов из индивидуального поля.

Общая модель ЛД (во многом по принципам конструирования соответствующая классификационному фрейму Е.А. Шингаревой ([Гончаренко, Шингарева 1984]) дается здесь исключительно по исследовательским соображениям: на ее основе удобно посмотреть на уровни фреймового построения, т.е. на то, как соотносятся идеализированные рецептные построения суперструктурного плана

(названная модель) (А) с семантизированными макропропозиционными образованиями (ретушами) для конкретного текста (Б) и с их конкретными же интенциональными фоновыми основаниями (десигнативными топосами, представляющими собой по сути ретуши второго порядка) (В) (см. стр. 133-138).

В основе обобщенной модели ЛД лежит хроно-деятельностный (развитие действия во времени) фактор – важными являются следующие аспекты: что, когда и как может происходить в ЛД. В сценарном отношении можно выделить различные проявления ЛД, из которых мы остановимся специально на хроносном аспекте – формировании, развитии и завершении отношений. Данное развитие можно рассмотреть двояко – (а) безотносительно к инициативе участников и (б) с ориентацией на нее.

По принципу (а) можно построить сценарий-рецепт с более или менее исчерпывающей характеристикой количества слотов и отношений между ними; здесь мы получим идеализированный гендерно-нейтральный объект, который, тем не менее, будет отвечать требованиям, предъявленным к скрипту-рецепту с дистинктивным признаком «отсутствие приоритетной инициативности».

По принципу (б) скрипт-рецепт будет иметь другой вид. Здесь важным будет то, что в таком сценарии чаще можно выделить участника с более активными (Актор) и участника с более пассивными (Адресат) действиями; в традиционных представлениях эти участники соотносятся с мужчиной и женщиной.

Разделение на типы (а) и (б) – не чисто теоретическое, это разделение соответствует реальным проявлениям любовных отношений: для (а) – обоюдных (не в действиях, а с точки зрения искренности отношений); для (б) – в ситуациях, где обоюдность характерна не для всех действий, например, при Ухаживании и Обольщении.

Возможен и третий вариант (в). Такой скрипт строится, в опоре на бинарный принцип с возможностью наличия или отсутствия инициативы в

некоторых слотах. Например, при формировании, развитии и завершении любовных отношений степень инициативности участников может быть разной на каждой стадии. Такой скрипт будет более универсальным по характеру и одновременно более общим.

Из-за большого объема схемы ЛД, нам приходится отказаться от ее комплексного построения. Вместо этого мы предлагаем ее синтагматический вид, а древовидную картину с синтагматическими демонстрациями приводим для каждого из хроносных узлов 1-го уровня – Начала, Развития и Завершения любовных отношений.

(0)0. Любовные отношения

(начальные цифры в скобках означают уровень во фрейме)

(1)1.Начало: Завязывание отношений.

(2)1.1. Между ранее знакомыми.

(2)1.2. Между ранее незнакомыми.

(3) 1.2.1. Знакомство.

(4) 1.2.1.1. Организация.

(5) 1.2.1.1.1.Случайное.

(5) 1.2.1.1.2. Запланированное.

(4) 1.2.1.2. Вид участия коммуникантов.

(5) 1.2.1.2.1. Личное.

(5) 1.2.1.2.2. Опосредованное.

(3) 1.2.2. Формирование взаимоотношений.

(4) 1.2.2.1. Скорость.

(5) 1.2.2.1.1. Бурное.

(5) 1.2.2.1.2. Постепенное.

(4) 1.2.2.2. Качество.

(5) 1.2.2.2.1. Симпатия.

(6) 1.2.2.2.1.1. Односторонняя.

(6) 1.2.2.2.1.2. Обоюдная.

(5) 1.2.2.2.2. Антипатия.

(6) 1.2.2.2.2.1. Односторонняя.

(6) 1.2.2.2.2.2. Обоюдная.

(1) 2. Срединная фаза: Развитие отношений.

(2) 2.1. Скорость.

(3) 2.1.1. Бурное.

(4) 2.1.1.1. Одностороннее (вторая сторона пассивна).

(4) 2.1.1.2. Обоюдное.

(3) 2.1.2. Постепенное.

(4) 2.1.2.1. Одностороннее (вторая сторона противится постепенности).

(4) 2.1.2.2. Обоюдное.

(2) 2.2. Вид.

(3) 2.2.1. Поступательное.

(4) 2.2.1.1. С выраженным достижением кульминации.

(4) 2.2.1.2. Без выраженного достижения кульминации.

(3) 2.2.2. Поступательно-возвратное.

(4) 2.2.2.1. С выраженным достижением кульминации.

(4) 2.2.2.2. Без выраженного достижения кульминации.

(2) 2.3. Реакции в процессе.

(3) 2.3.1. Положительные эмоции.

(4) 2.3.1.1. Обоюдные.

(4) 2.3.1.2. Односторонние.

(3) 2.3.2. Индифферентность.

(4) 2.3.2.1. Обоюдная.

(4) 2.3.2.2. Односторонняя.

(3) 2.3.3. Отрицательные эмоции.

(4) 2.3.3.1. Обоюдные.

(4) 2.3.3.2. Односторонние.

(1) 3. Окончание: Завершение отношений.

(2) 3.1. Скорость.

(3) 3.1.1. Быстрое.

- (4) 3.1.1.1. Обоюдное.
- (4) 3.1.1.2. Одностороннее (вторая сторона пассивна).
- (3) 3.1.2. Постепенное.
- (4) 3.1.2.1. Обоюдное.
- (4) 3.1.2.2. Одностороннее.
- (2) 3.2. Вид.
- (3) 3.2.1. Открытость.
- (4) 3.2.1.1. Обоюдная.
- (4) 3.2.1.2. Односторонняя (когда вторая сторона не подозревает).
- (3) 3.2.2. Закрытость.
- (4) 3.2.2.1. Обоюдная.
- (5) 3.2.2.2. Односторонняя.
- (2) 3.3. Волеизъявление коммуникантов.
- (3) 3.3.1. Добровольное.
- (4) 3.3.1.1. Обоюдное.
- (4) 3.3.1.2. Одностороннее (вторая сторона пассивна).
- (3) 3.3.2. Принудительное.
- (4) 3.3.2.1. Обоюдное.
- (4) 3.3.2.2. Одностороннее.
- (2) 3.4. Преднамеренность (заблаговременная спланированность) завершения отношений.
- (3) 3.4.1. Обоюдная.
- (3) 3.4.2. Односторонняя.
- (4) 3.5. Переживание последствий (пост-реакция).
- (3) 3.5.1. С раздражением.
- (4) 3.5.1.1. Обоюдным.
- (4) 3.5.1.2. Односторонним.
- (3) 3.5.2. Без раздражения.
- (4) 3.5.2.1. Обоюдного.
- (4) 3.5.2.2. Одностороннего.

- (3) 3.5.3. С тоской / болью.
- (4) 3.5.3.1. Обоюдной.
- (4) 3.5.3.2. Односторонней.
- (3) 3.5.4. Без тоски/боли.
- (4) 3.5.4.1. Обоюдной.
- (4) 3.5.4.2. Односторонней.
- (3) 3.5.5. Со светлым чувством.
- (4) 3.5.5.1. Обоюдным.
- (4) 3.5.5.1. Односторонним.

Структура левосторонней части скрипта «Развитие ЛД» представлена на Рис. 2. Этот супер-узел представляет собой 6-уровневую иерархию с неравномерным количеством узлов по уровням.

А. ВЕРТИКАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ФРЕЙМОВОМ БЛОКЕ 1 «НАЧАЛО: ЗАВЯЗЫВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ»

Для анализа вертикальных отношений во фрейме считаем необходимым объяснить понятия *род, вид, общее, частное, сущность, проявление* и взаимосвязь данных понятий.

Уровни (0) – (1).

0 – 1. Любовные отношения – Завязывание отношений: Сущность – Проявление (Темпоральность)

0 – 2. Любовные отношения – Развитие отношений: Сущность – Проявление (Темпоральность)

0 – 3. Любовные отношения – Завершение отношений: Сущность – Проявление (Темпоральность).

Уровни (1) – (2).

1 – 1.1. Завязывание отношений – Между ранее знакомыми: Общее – Частное

1 – 1.2. Завязывание отношений – Между ранее незнакомыми: Общее – Частное

Уровни (2) – (3).

1.2– 1.2.1. Между ранее незнакомыми – Знакомство: Причина – Следствие
1.2 – 1.2.2. Между ранее незнакомыми – Формирование взаимоотношений:
Причина – Следствие.

Уровни (3) – (4).

1.2.1 – 1.2.1.1. Знакомство – Организация: Общее – Частное.
1.2.1 – 1.2.1.2. Знакомство – Вид участия коммуникантов: Общее – Частное.
1.2.2 – 1.2.2.1. Формирование взаимоотношений – Скорость: Общее –
Частное.
1.2.2 – 1.2.2.2. Формирование взаимоотношений – Качество: Общее –
Частное.

Уровни (4) – (5).

1.2.1.1 – 1.2.1.1.1. Организация (знакомства) – Случайное: Общее – Частное.
1.2.1.1 – 1.2.1.1.2. Организация (знакомства) – Запланированное: Общее –
Частное.
1.2.1.2 – 1.2.1.2.1. Вид участия коммуникантов – Личное: Общее – Частное.
1.2.1.2 – 1.2.1.2.2. Вид участия коммуникантов – Опосредованное: Общее –
Частное.
1.2.2.1 – 1.2.2.1.1. Скорость – Бурное: Общее – Частное.
1.2.2.1 – 1.2.2.1.2. Скорость – Постепенное: Общее – Частное.

Уровни (5) – (6).

1.2.2.2.1 – 1.2.2.2.1.1. Симпатия – Односторонняя: Сущность – Проявление.
1.2.2.2.1 – 1.2.2.2.1.2. Симпатия – Обоюдная: Сущность – Проявление.
1.2.2.2.2 – 1.2.2.2.2.1. Антипатия – Односторонняя: Сущность – Проявление.
1.2.2.2.2 – 1.2.2.2.2.2. Антипатия – Обоюдная: Сущность – Проявление.

Б. ГОРИЗОНТАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ФРЕЙМОВОМ БЛОКЕ 1
«НАЧАЛО: ЗАВЯЗЫВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ»

Для описания горизонтальных (между уровнями одного порядка) отношений необходимо дать теоретическое объяснение понятий перекрещивания, противоположности и внеположности.

Говоря о перекрещивании, мы подразумеваем ситуацию, когда объем одного понятия частично охватывает объем другого, и наоборот. Так, в суждениях *Некоторые мужчины – лингвисты* и *Некоторые лингвисты – мужчины* мы можем наблюдать отношение перекрещивания понятий.

Противоположность имеет следующие разновидности.

Двучленные.

Д-1. Привативная (без положительного противочлена): это отношение по типу (\pm), или *наличие признака – значимое отсутствие признака* (традиционное *утверждение – отрицание*), например, *большой – не большой*.

Д-2. Эквиполентная, антонимичность (с положительным противочленом): *большой – маленький*.

Многочленные.

Встречаются в ситуациях при делении понятия на три (или более) компонентов с выделением срединного (с нулевым качеством, по типу (+) – (0) – (-)), например:

М-1. С привативными членами: *злой – нейтральный – не злой*;

М-2. С эквиполентными членами: *злой – нейтральный – добрый*.

В такой противоположности имеющиеся взаимоотношения между двумя любыми членами ряда подчиняются общим принципам двучленной противоположности.

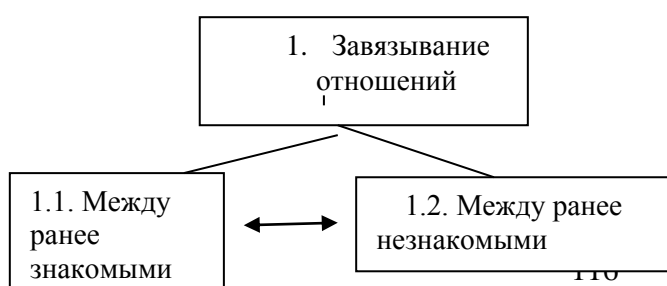
Так, в примере с (М-1) находим:

(М-1 :: Д-1) злой – индифферентный;

(М-1 :: Д-1) индифферентный – не-злой (отношение синонимии);

(М-1 :: Д-1) злой – не-злой.

1. Супер-узел «Начало отношений»

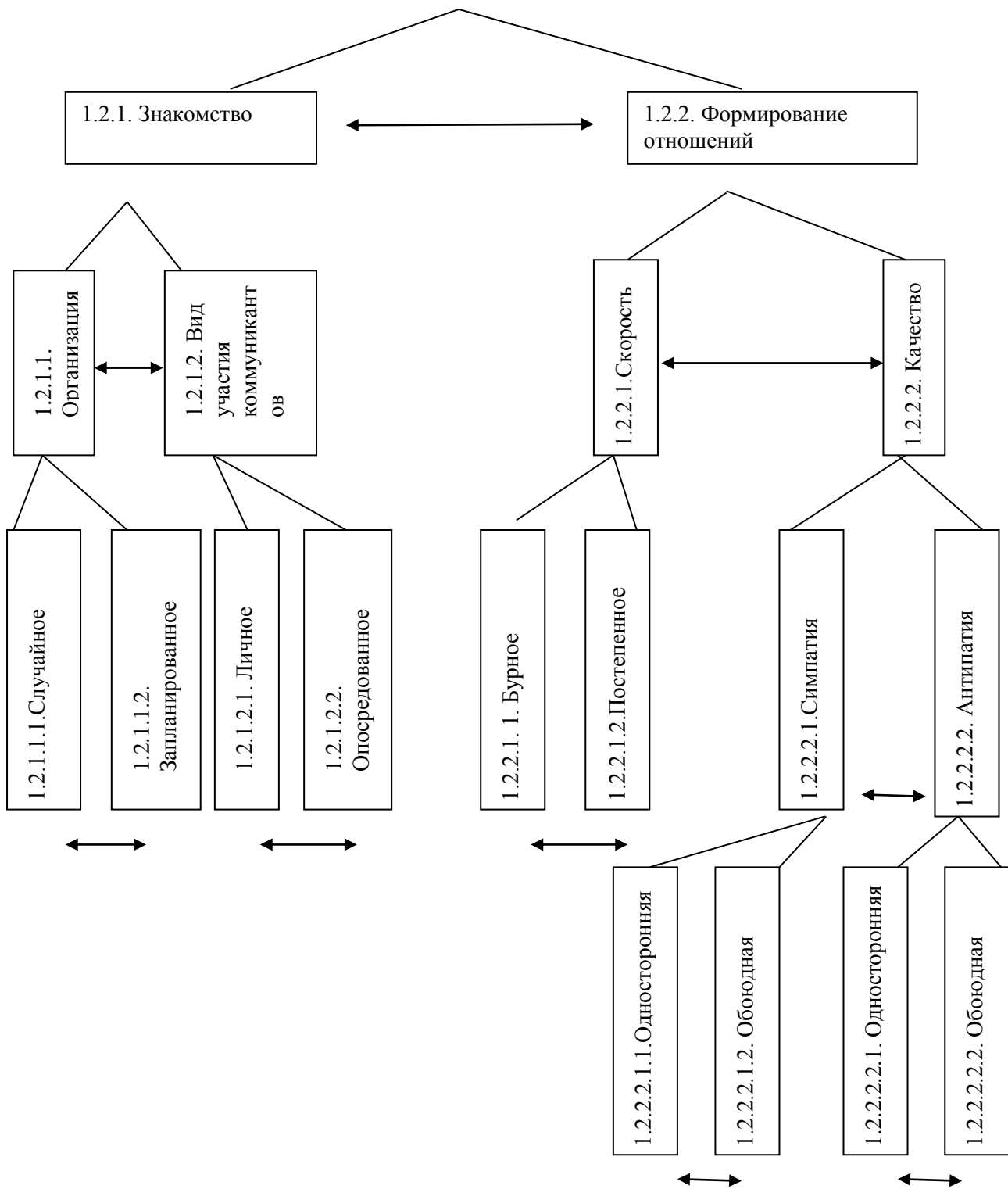

Рис. 2. Структура узла «Завязывание отношений».

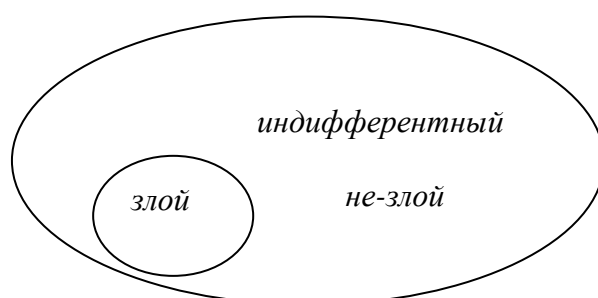
В примере с (М-2) находим:

- (М-2 :: Д-1) злой – индифферентный;
- (М-2 :: Д-1) индифферентный – добрый;
- (М-2 :: Д-2) злой – добрый.

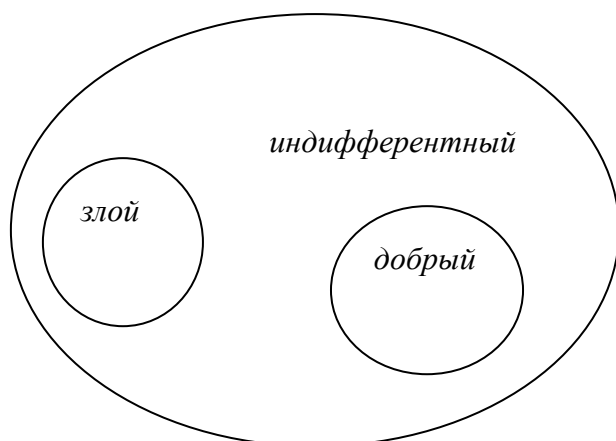
Следует обратить внимание на то, что случай (М-1) – скорее, логическая возможность, чем реально встречающееся отношение, но при теоретическом описании мы обязаны его охарактеризовать.

М-1 и М-2 различаются по объему компонентов. Если использовать круги Эйлера, то:

М-1: зона *злой* противопоставляется остальному пространству в круге, куда входят *индифферентный* и *не-злой*.

М-2: зона *злой* противопоставлена зоне *добрый*, которая в свою очередь выделена из зоны неопределенности *индифферентный*.

Отличие противоположности от внеположности.

Противоположность описывает возможности одного и того же признака в плане его наличия, отсутствия, градации, крайних точек шкалы. Внеположность затрагивает разные признаки, которые связаны лишь тем, что принадлежат к вышеуровневому подчиняющему понятию (гиперониму), например, *красный* и *зеленый* в словарном (языковом) отношении – внеположные понятия, подчиненные гиперониму *цвет*. Но в дискурсном отношении они могут быть противоположными (цвета светофора, тип М-2). То же – *красный* и *синий* (цвета ж/д семафоров, тип Д-1).

Итак, горизонтальные отношения в анализируемой части схемы могут быть представлены в следующем виде.

Уровень 1.

1. Завязывание отношений – Развитие отношений – Завершение отношений. Между этими узлами имеется логическая связанность «фазы процесса», тип отношений – темпоральная последовательность (логическое следование).

Уровень 2.

1.1 – 1.2. Между ранее знакомыми – незнакомыми: Противоположность.

Уровень 3.

1.2.1 – 1.2.2. Знакомство – Формирование взаимоотношений: Темпоральная последовательность (логическое следование).

Уровень 4.

1.2.1.1 – 1.2.1.2. Организация – Вид участия коммуникантов: Перекрещивание.

1.2.2.1 – 1.2.2.2. Скорость – Качество: Перекрещивание.

Уровень 5.

1.2.1.1.1 – 1.2.1.1.2. Случайное – Запланированное: Противоположность.

1.2.1.2.1 – 1.2.1.2.2. Личное – Опосредованное: Противоположность.

1.2.2.1.1 – 1.2.2.1.2. Бурное – Постепенное: Противоположность.

1.2.2.2.1 – 1.2.2.2.2. Симпатия – Антипатия: Противоположность.

Уровень 6.

1.2.2.2.1.1 – 1.2.2.2.1.2. Односторонняя – Обоюдная: Противоположность.

– 1.2.2.2.2.2. Односторонняя – Обоюдная: Противоположность.

2. Супер-узел «Развитие отношений»

Структура срединной части скрипта «Развитие ЛД» представлена на Рис. 3. Этот супер-узел представляет собой 4-уровневую иерархию с неравномерным количеством узлов по уровням.

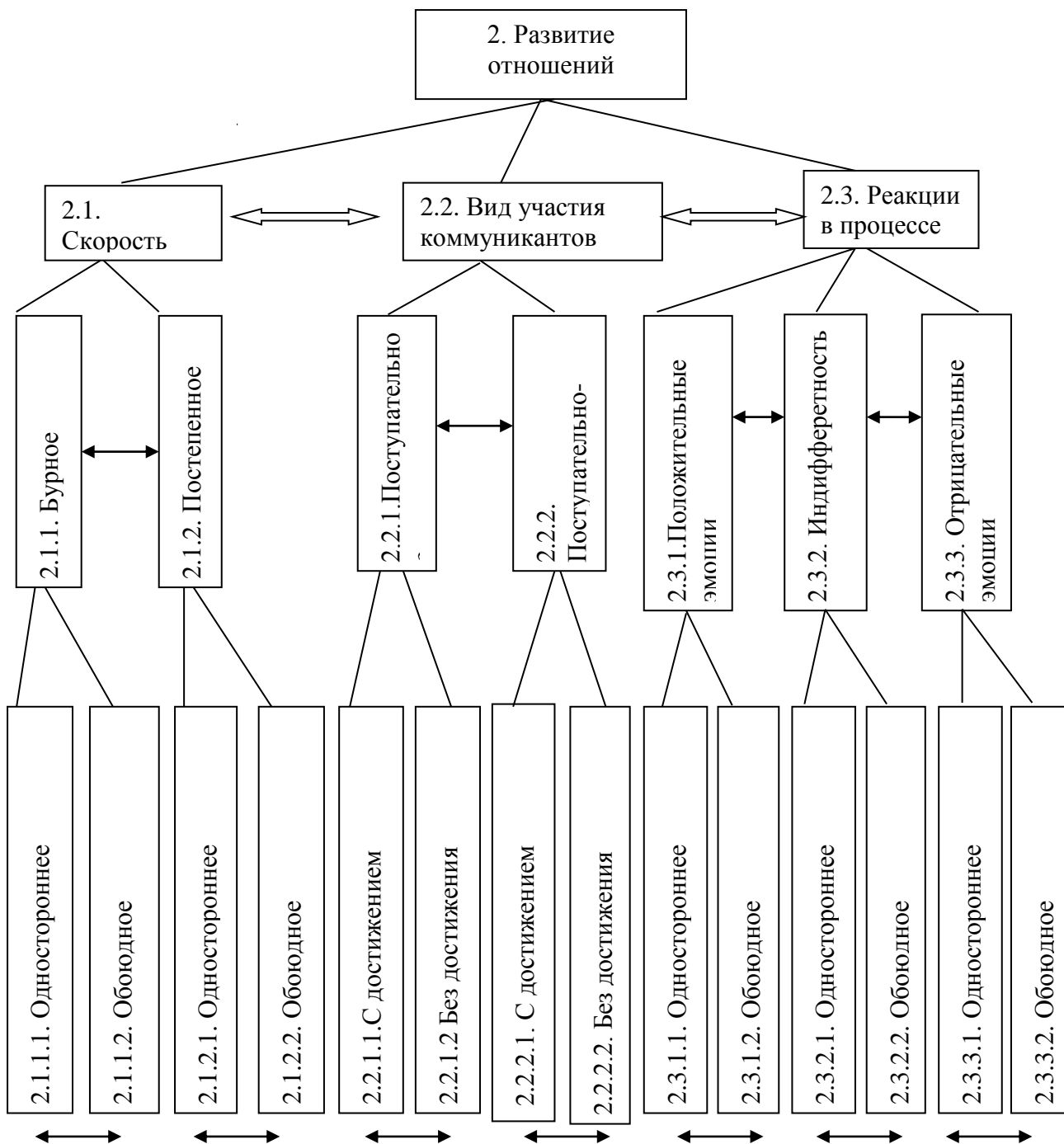

Рис. 3. Структура узла «Развитие отношений».

А. ВЕРТИКАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ФРЕЙМОВОМ БЛОКЕ 2
«СРЕДИННАЯ ФАЗА: РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ»

Уровни (0) – (1).

0 – 1. Любовные отношения – Развитие отношений: Сущность – Проявление

Уровни (1) – (2).

2 – 2.1. Развитие отношений – Скорость: Сущность – Проявление (Темпоральность).

2 – 2.2. Развитие отношений – Вид участия коммуникантов: Сущность (Процесс) – Условие реализации.

2. – 2.3. Развитие отношений – Реакции в процессе: Способ реализации.

Уровни (2) – (3).

2.1.– 2.1.1. Скорость – Бурное: Сущность – Проявление.

2.1. – 2.1.2 . Скорость – Постепенное: Сущность – Проявление.

2.2. – 2.2.1. Вид участия коммуникантов – Поступательное: Общее – Частное.

2.2. – 2.2.2. Вид участия коммуникантов – Поступательно-возвратное: Общее – Частное.

2.3. – 2.3.1. Реакции в процессе – Положительные эмоции: Сущность – Проявление.

2.3. – 2.3.2. Реакции в процессе – Индифферентность: Сущность – Проявление.

2.3. – 2.3.3. Реакции в процессе – Отрицательные эмоции: Сущность – Проявление.

Уровни (3) – (4).

2.1.1– 2.1.1.1. Бурное – Одностороннее: Сущность – Проявление.

2.1.1. – 2.1.1.2. Бурное – Обоюдное: Сущность – Проявление.

2.1.2 – 2.1.2.1. Постепенное – Одностороннее: Сущность – Проявление.

2.1.2. – 2.1.2. 2. Постепенное – Обоюдное: Сущность – Проявление.

2.2.1. – 2.2.1.1. Поступательное – С достижением кульминации: Общее – Частное.

2.2.1. – 2.2.1.2. Поступательное – Без достижения кульминации: Общее – Частное.

2.2.2. – 2.2.2.1. Поступательно-возвратное – С достижением кульминации: Общее – Частное.

- 2.2.2. – 2.2.2.2. Поступательно-возвратное – Без достижения кульминации:
Общее – Частное.
- 2.3.1. – 2.3.1.1. Положительные эмоции – Односторонние: Общее – Частное.
- 2.3.1. – 2.3.1.2. Положительные эмоции – Обоюдные: Общее – Частное.
- 2.3.2. – 2.3.2.1. Индифферентность – Односторонняя: Общее – Частное.
- 2.3.2. – 2.3.2.2. Индифферентность – Обоюдная: Общее – Частное.
- 2.3.3. – 2.3.3.1. Отрицательные эмоции – Односторонние: Общее – Частное.
- 2.3.3. – 2.3.3.2. Отрицательные эмоции – Обоюдные: Общее – Частное.

Б. ГОРИЗОНТАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ФРЕЙМОВОМ БЛОКЕ 2
«СРЕДИННАЯ ФАЗА: РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ»

Уровень 1.

1. Завязывание отношений — Развитие отношений — Завершение отношений.

Между этими узлами имеется ЛДкальная когерентность «фазы процесса», тип отношений – темпоральная последовательность (логическое следование).

Уровень 2.

- 2.1. – 2.2. Скорость – Вид участия коммуникантов: Внеположность.
- 2.1. – 2.3. Скорость – Реакции в процессе: Внеположность
- 2.2. – 2.3. Вид участия коммуникантов – Реакции в процессе: Внеположность.

Взаимоотношения между компонентами данного уровня изображены на схеме скрипта символом \longleftrightarrow

Уровень 3.

- 2.1.1. – 2.1.2. Бурное – Постепенное: Противоположность.
- 2.2.1 – 2.2.2. Поступательное – Поступательно-возвратное: Противоположность.
- 2.3.1. – 2.3.2. Положительные – Индифферентные: Противоположность.
- 2.3.1. – 2.3.3. Положительные – Отрицательные: Противоположность.
- 2.3.2. – 2.3.3. Индифферентные – Отрицательные: Противоположность.

Взаимоотношения между компонентами данного уровня изображены на схеме скрипта символом \longleftrightarrow

Уровень 4.

2.1.1.1. – 2.1.1.2. Одностороннее – Обоюдное: Противоположность.

2.1.2.1. – 2.1.2.2. Одностороннее – Обоюдное: Противоположность.

2.2.1.1. – 2.2.1.2. С достижением кульминации – Без достижения кульминации: Противоположность.

2.2.2.1. – 2.2.2.2. С достижением кульминации – Без достижения кульминации: Противоположность.

2.3.1.1. – 2.3.1.2. Одностороннее – Обоюдное: Противоположность.

2.3.2.1. – 2.3.2.2. Одностороннее – Обоюдное: Противоположность.

2.3.3.1. – 2.3.3.2. Одностороннее – Обоюдное: Противоположность.

Взаимоотношения между компонентами данного уровня изображены на схеме скрипта расположенными под соответствующими терминалами (только по соображениям места) символом \longleftrightarrow

Предполагалось, что горизонтальные (одноуровневые) отношения между подузлами узлов 2 уровня (находящихся в отношениях внеположности) – это уровень 3 (например, между парой [2.1.1. – 2.1.2.] и парой [2.2.1. – 2.2.2.]) – будут точно такими же, как между их матричными узлами (главными), т.е. тоже внеположными. Причиной здесь мог выступать принцип транзитивности (наследования), так как вертикальные отношения обычно означают отношения подчинения, которое предполагает включение/наследование свойств вышестоящего уровня в свойства нижестоящего. То же относится к горизонтальным отношениям уровня 4, где прогнозировалось наследование свойства противоположности.

Но скрипт дает другую картину: как на 3-м, так и на 4-м уровнях благополучно соседствуют одноименные дочерние узлы. Так как они одноименны, мы не можем утверждать об их противоположности или внеположности.

Как можно заметить, принцип наследования не действует однозначно в таких (теоретических) построениях. Ссылаясь на логику, можно подчеркнуть, что подчиненные понятия принимают все свойства подчиняющего, но не наоборот: в подчиненном понятии могут существовать свойства, не характерные для подчиняющего (ср. *гусеничный трактор* и *трактор* [Кондаков 1971: 388]). Более того, хотим отметить, что вертикальное построение скрипта не представляется неверным, оно могло быть выполнено в обратном направлении. Здесь говорится о том, что, например, узел *Обоюдное* мог быть не дочерним, а матричным для, например, узла *Бурное* и *Постепенное*.

Данная проблема известна еще в теоретических построениях американской интерпретативной семантики, где использовалась методика компонентного анализа. В ней компоненты *Human* и *Animal* можно было располагать как выше компонентов *Male – Female*, так и ниже них, так что ход порождения значения предложения, где использовалась вполне алгоритмическая последовательность правил проецирования, приобретал альтернативный характер! При этом названные построения Дж. Катца и П. Постала заняли вполне определенное (и неоспоримо важное!) место в теории синтаксической семантики (см.: [Васильев 1983: Гл.1]). Поэтому кажущаяся абсурдность рассматриваемого теоретического казуса методики компонентного анализа не должна, как представляется, принижать сам этот принцип.

3. Супер-узел «Завершение отношений»

Структура правосторонней части скрипта – «Завершение ЛД» представлена на Рис. 4. Этот супер-узел представляет собой 3-уровневую иерархию так же с неравномерным количеством узлов по уровням.

«ОКОНЧАНИЕ: ЗАВЕРШЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ»

Уровни (0) – (1).

0 – 1. Любовные отношения – Завершение отношений: Сущность – Проявление.

Уровни (1) – (2).

3 – 3.1. Завершение отношений – Скорость: Сущность – Проявление (Темпоральность).

3 – 3.2. Завершение отношений – Вид (участия коммуникантов): Сущность (Процесс) – Условие реализации.

3 – 3.3. Завершение отношений – Волеизъявление сторон: Сущность – Проявление (Способ реализации).

3 – 3.4. Завершение отношений – Преднамеренность: Сущность (Процесс) – Условие реализации.

3 – 3.5. Завершение отношений – Пост-реакция: Сущность (Процесс) – Результат

Уровни (2) – (3).

3.1. – 3.1.1. Скорость – Быстрая: Сущность – Проявление.

3.1. – 3.1.2. Скорость – Постепенная: Сущность – Проявление.

3.2. – 3.2.1. Вид участия коммуникантов – Открытость: Общее – Частное.

3.2. – 3.2.2. Вид участия коммуникантов – Закрытость: Общее – Частное.

3.3. – 3.3.1. Волеизъявление – Добровольное: Сущность – Проявление.

3.3. – 3.3.2. . Волеизъявление – Принудительное: Сущность – Проявление.

3.4. – 3.4.1. Преднамеренность – Обоюдная: Сущность – Проявление.

3.4. – 3.4.1. Преднамеренность – Односторонняя: Сущность – Проявление.

3.5. – 3.5.1. Пост-реакция – С раздражением: Сущность – Проявление.

3.5. – 3.5.2. Пост-реакция – Без раздражения: Сущность – Проявление.

3.5. – 3.5.3. Пост-реакция – С тоской/болью: Сущность – Проявление.

3.5. – 3.5.4. Пост-реакция – Без тоски/боли: Сущность – Проявление.

3.5. – 3.5.5. Пост-реакция – Со светлым чувством: Сущность – Проявление.

Уровни (3) – (4).

- 3.1.1– 3.1.1.1. Быстрое – Обоюдное: Сущность – Проявление.
- 3.1.1. – 3.1.1.2. Быстрое – Одностороннее: Сущность – Проявление.
- 3.1.2 – 3.1.2.1. Постепенное – Обоюдное: Сущность – Проявление.
- 3.1.2. – 3.1.2.2. Постепенное – Одностороннее: Сущность – Проявление.
- 3.2.1. – 3.2.1.1. Открытость – Обоюдная: Общее – Частное.
- 3.2.1. – 3.2.1.2. Открытость – Односторонняя: Общее – Частное.
- 3.2.2. – 3.2.2.1. Закрытость – Обоюдная: Общее – Частное.
- 3.2.2. – 3.2.2.2. Открытость – Односторонняя: Общее – Частное.
- 3.3.1. – 3.3.1.1. Добровольное – Обоюдное: Общее – Частное.
- 3.3.1. – 3.3.1.2. Добровольное – Одностороннее: Общее – Частное.
- 3.3.2. – 3.3.2.1. Принудительное – Обоюдное: Общее – Частное.
- 3.3.2. – 3.3.2.2. Принудительное – Одностороннее: Общее – Частное.
- 3.5.1. – 3.5.1.1. С раздражением – Обоюдным: Общее – Частное.
- 3.5.1. – 3.5.1.2. С раздражением – Односторонним: Общее – Частное.
- 3.5.2. – 3.5.2.1. Без раздражения (равнодушно) – Обоюдно: Общее – Частное.
- 3.5.2. – 3.5.2.1. Без раздражения (равнодушно) – Односторонне: Общее – Частное.
- 3.5.3. – 3.5.3.1. С тоскою/болью – Обоюдно: Сущность – Проявление.
- 3.5.3. – 3.5.3.2. С тоскою/болью – Односторонне: Сущность – Проявление.
- 3.5.4. – 3.5.4.1. Без тоски/боли – Обоюдно: Сущность – Проявление.
- 3.5.4. – 3.5.4.1. Без тоски/боли – Обоюдно: Сущность – Проявление.
- 3.5.5. – 3.5.5.1. Со светлым чувством – Обоюдно: Сущность – Проявление.
- 3.5.5. – 3.5.5.1. Со светлым чувством – Обоюдно: Сущность – Проявление.

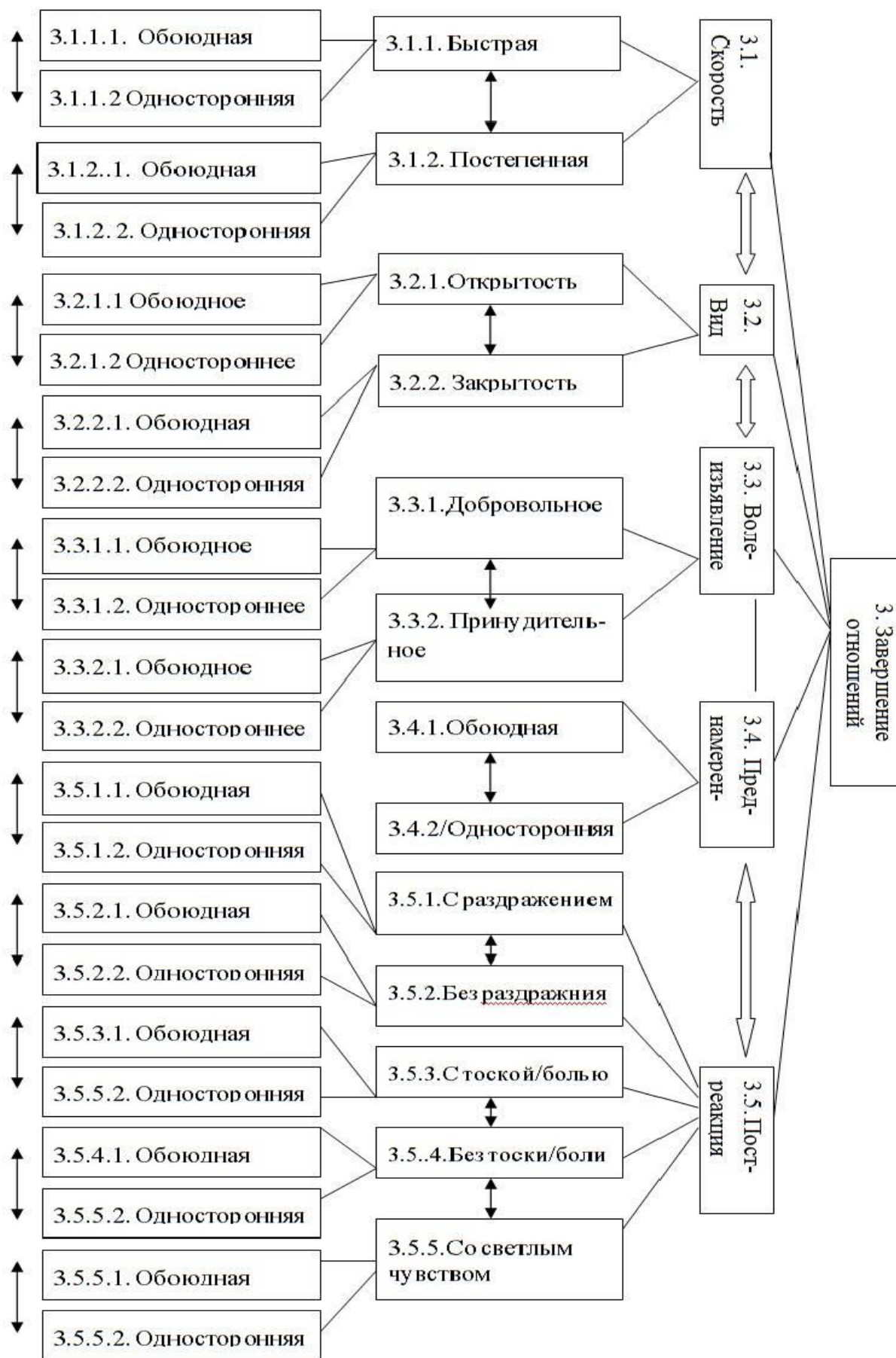

Рис. 4. Структура узла «Завершение отношений»

Б. ГОРИЗОНТАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ФРЕЙМОВОМ БЛОКЕ 3
«ОКОНЧАНИЕ: ЗАВЕРШЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ»

Уровень 1.

1. Завязывание отношений – Развитие отношений – Завершение отношений.
Между этими узлами имеется локальная когерентность «фазы процесса», тип отношений – темпоральная последовательность (логическое следование).

Уровень 2.

- 3.1. – 3.2. Скорость – Вид (участия коммуникантов): Внеположность.
- 3.1. – 3.3. Скорость – Волеизъявление: Внеположность.
- 3.1. – 3.4. Скорость – Преднамеренность: Внеположность.
- 3.1. – 2.3. Скорость – Пост-реакция: Внеположность.
- 3.2. – 3.3. Вид – Волеизъявление: Внеположность.
- 3.2. – 3.4. Вид – Преднамеренность: Перекрещивание.
- 3.2. – 3.5. Вид – Пост-реакция: Перекрещивание.
- 3.3. – 3.4. Волеизъявление – Преднамеренность: Перекрещивание.
- 3.3. – 3.5. Волеизъявление – Пост-реакция: Внеположность.
- 3.4. – 3.5. Преднамеренность – Пост-реакция: Внеположность.

Уровень 3.

- 3.1.1. – 3.1.2. Быстрая – Постепенная: Противоположность.
- 3.2.1 – 3.2.2. Открытость – Закрытость: Противоположность.
- 3.3.1. – 3.3.2. Добровольное – Принудительное: Противоположность.
- 3.4.1. – 3.4.2. Обоюдная – Односторонняя: Противоположность.
- 3.5.1. – 3.5.2. С раздражением – Без раздражения: Противоположность.
- 3.5.3. – 3.5.4. С тоскою/болью – Без тоски/боли (индифферентно):
Противоположность.
- 3.5.4. – 3.5.5. Без тоски/боли – Со светлым чувством: Внеположность.
- 3.5.1. – 3.5.3. С раздражением – С тоскою/болью: Перекрещивание.
- 3.5.1. – 3.5.4. С раздражением – Без тоски/боли: Перекрещивание.
- 3.5.1. – 3.5.5. С раздражением – Со светлым чувством: Внеположность.
- 3.5.2. – 3.5.3. Без раздражения – С тоскою/болью: Перекрещивание.

3.5.2. – 3.5.4. Без раздражения – Без тоски/боли: Перекрешивание.

3.5.3. – 3.5.5. С тоскою/болью – Со светлым чувством: Внеположность.

Уровень 4.

Взаимоотношения между компонентами (попарными) данного уровня одинаковы – противоположность.

Такой является фреймовая рецептная картина модели ЛД. Конкретные реализации модели будут отличаться друг от друга в зависимости от текста: так как автор создает текст, не рассчитывая подогнать его под модель (пусть даже рецептного характера), а неосознанно ориентируясь на отдельные ее компоненты и используя ретуши. Поэтому анализ языкового материала, который изложен ниже, учитывает этот момент.

2.2.3.2. Хроносно-ориентированный топосный анализ текста-Описания

Содержание ЛД может исследоваться не только с помощью фреймовой модели, но и основываясь на макропропозициональном подходе, который может использоваться отдельно, в ориентации на синтагматику текста (линейное, или горизонтальное отношение языковых единиц в тексте). Так как важной задачей данного исследования является демонстрация возможности применения различных методик анализа к текстам ЛД, попытаемся показать, каким образом развертывание текста во времени можно представить с использованием идеи о рецептах и ретушах.

Рассматриваемый ниже текст из цикла «Одиночество в сети» (из-за своего значительного объема текст помещен в Приложение) является разновидностью ЛД. Текст, выбранный для анализа, представляет собой письмо-исповедь женщины, расставшейся с любимым; важной характеристикой письма считается то, что оно адресовано этому человеку, хотя эта адресность проходит на уровне догадки (выраженной в перестановке букв имени мужчины): Адресат как бы соединяет в себе черты незнакомого человека (именуемого *J.L.*) и бывшего возлюбленного (которого женщина

называет *Элджот*). Этот фактор позволяет говорить об искренности Автора и одновременно задает специфику повествования – в тексте Автор говорит о возлюбленном в третьем лице.

По содержанию текста можно судить, что любовные отношения между Актором и Адресатом были честными. По жанру его нельзя отнести к Флирту, Соблазнению, Обольщению или Приставанию. В качестве термина используем для обозначения жанра Описание (в конкретном случае – потерянной любви). Особенностью текста является его вторичность – преломленность через воспоминания Адресата (женщины-Объекта). Следовательно, при установлении топосов надо учитывать, что их специфика в том, что они не могут соответствовать идеальной модели любовного общения.

Тематические блоки.

Текст состоит из 77 абзацев (мы не включили в это число абзацы, обусловленные традициями письменного изложения, начало прямой речи или подпись с новой строки). Для содержательного анализа текста требуется посмотреть на его ретушные (логосные) составляющие и на частные (предметные) топосы, которые представляют своеобразный (имплицитный) набор макропропозиций, именуемых тематические блоки и семиотически представляющих собой конвенциональную десигнативную надстройку над референтной ретушной семантикой абзацев.

Определим темы абзацев / групп абзацев. На основе этого можно установить ретушный скрипт текста (рецептом при этом будем считать изложенную выше модель ЛД). Этот скрипт мы представим в виде не дерева, а цепочки.

Макропропозиция Воспоминание о любимом

- (1) – (6) описание процедуры написания письма. (6) – мостик к следующей теме;
- (6) – (8) просьба о передаче содержания письма целевому адресату;
- (8) – (10) описание образа антракта;

- (10) – (12.1) сравнение антракта с Элджотом;
- (12.2) – разрыв с любовником;
- (13) – (25) супертема: что дал Элджот;
- (14) – оптимизм;
- (15) – (16) целостность эротизма; [(16) – главный узел фрейма]
- (16) – (17) забота о здоровье;
- (18) эротическое любопытство;
- (19) – (20) эротическое разнообразие;
- (21) – (22) утренние поцелуи;
- (23) краткие свидания;
- (24) цветы в подарок;
- (25) доброта, верность и любовь;
- (26) – (27) длительность общения;
- (28) – (29) расставание;
- (30) благополучное прибытие;
- (31) расставание (повтор);
- (32) реакция на расставание;
- (33) описание Острова;
- (34) получение письма;
- (35) – (36) причина расставания;
- (37) – (38) просьба забыть;
- (39) пребывание в Железовой Воле;
- (40) [рефлексивизация ситуации] устранение неопределенности;
- (41) учеба в Дублине + пребывание на Острове; (нужны были разные абзацы)
- (42) деятельность в Лондоне + ситуация *в опере*; (контраст: нужны были разные абзацы)
- (43) – (44) не-эротичный секс + эротичный секс; (контраст: нужны были разные абзацы)
- (44) не-эротичный секс;
- (45) – (46) поведение геев;

- (47) смерть матери;
- (48) депрессия;
- (49) последствия лечения от депрессии;
- (50) совет врача;
- (51) – (53) пребывание в памятных местах;
- (53) нарушение запланированного;
- (54) информация о месте жительства Эджота;
- (55) воспоминания о нацистах;
- (56) завершение пребывания в Польше;
- (57) бытовые невзгоды социализма;
- (58) – (59) обида на Эджота;
- (60) смена политического строя;
- (61) трудности пребывания с другими + воспоминания о родине;

Макропропозиция Сравнение любовников (выделено курсивом как отступление от основной темы)

- (62) *знакомство с директором банка (приглашение + комплимент + приятное поведение);*
- (63) *начало любовной связи + трудоустройство + развлечение в баре;*
- (64) *музыкальные подарки + светское времяпрепровождение с новым любовником;*
- (65) *реакция на поведение любовника во время концерта;*
- (66) *мнение о любовнике (ненавязчивость + любовь к семье + знаки внимания);*
- (67) *личные предпочтения в цветах;*
- (68) *предпочтения в работе;*

Макропропозиция Воспоминание о любимом

- (69) свободное время (музыка + путешествия + встречи с друзьями);
- (70) поездки в Дублин (встречи с однокурсниками + посещение мест, где работал Эджот);
- (71) лекционная аудитория;

- (72) мечты о ребенке;
- (73) оформление искусственного зачатия + характеристики доноров;
- (74) выбор донора, похожего на Эджота;
- (75) – (76) празднование дня рождения Эджота (в его отсутствие);
- (77) имя ребенка.

Посмотрим, как поабзацно распределены десигнативные топосы, которые надстраиваются над выделенными ретушами. Если в абзаце не приводится топосного наименования, это означает, что автор дает тематическое отступление от любовных топосов. Если в абзаце выделено более одного топоса это означает, что автор и в самом деле дает их. Если такие топосы одинаковые, они эксплицируются в разных референтах. Терминологически мы выбрали аллативное наименование десигнативных топосов.

Размер абзацев может варьироваться. Это, по-видимому, свидетельствует о значимости выраженности, которую придает конкретному топосу персонаж (ср. № 17).

Макропропозиция Воспоминание о любимом

- №1. (Вступление): К общению (с любимым) + К памяти.
- №2, №3.
- №4. К общению.
- №5. К общению (с любимым).
- №6.
- №7. К общению.
- №8. К памяти.
- №9. К идеальному времяпрепровождению + К памяти.
- №10. К идеальному времяпрепровождению.
- №11. К памяти.
- №12. К памяти + К общению. К идеальному времяпрепровождению.
- №13.
- №14. К оптимизму/хорошему настроению. К оптимизму.

- №15. К эротизму. К целостному восприятию тела. К целостному восприятию личности.
- №16. К идеальному времяпрепровождению.
- №17. К заботе.
- №18. К любознательности.
- №19. К борьбе с комплексами + К шоку.
- №20. К борьбе с комплексами.
- №21. К идеальному образу дамы + К заботе.
- №22. К заботе.
- №23. К заботе + К верности мужчины.
- №24. К заботе.
- №25. К общению. К заботе. К верности мужчины.
- №26. К тоске.
- №27. К памяти.
- №28. К тоске. К заботе + К верности мужчины.
- №29.
- №30. К тоске.
- №31. К верности мужчины.
- №32. К тоске.
- №33. К успокоению.
- №34. К памяти о заботе мужчины.
- №35. К заботе.
- №36.
- №37. К заботе.
- №38.
- №39. К верности мужчины. + К тоске.
- №40. К верности женщины. + К памяти. + К непостоянству мужчины.
- №41.
- №42. К памяти.
- №43. К эротике + К идеальному времяпрепровождению.

№44. №45. №46. №47.

№48.

№49.

№50. К памяти.

№51. К памяти.

№53. К тоске.

№54, №55, №56.

№57. К смирению.

№58. К шоку.

№59. К верности женщины.

№60.

№61. К памяти + К силе воли.

Макропропозиция Сравнение любовников.

№62. К заботе + К галантности.

№63. К заботе. К заботе. К заботе.

№64. К заботе.

№65. К терпению женщины.

№66. К эротике. К заботе.

№67. К памяти.

№68. К личной свободе.

Макропропозиция Воспоминание о любимом.

№69. К памяти.

№70. К памяти.

№71. К эротике.

№72. К памяти.

№73. К памяти.

№74. К памяти.

№75. К памяти.

№76. К верности женщины.

№77. К памяти / К верности.

Представление топосной картины показывает, что макротема «Воспоминание» базируется в основном на памяти об эпизодах, т.е. ситуациях

акционального характера: упоминаний о действиях проявления заботы со стороны любимого-Актора в тексте 15, упоминаний о ситуациях общения (совместных действиях) – 15. Когерентность текста обеспечивается 16 десигнативными топосами. Варьирование тематики, связываемой топосами, достаточно высокое, что свидетельствует о разделенности способов описания; при этом целостность описания задается высокочастотными основными топосами: наиболее частотными оказались топы *к памяти* и *к заботе*. Имеются случаи со-встречаемости близких по семантике топосов (*К памяти* + *К общению*; *К заботе* + *К верности мужчины*; *К верности мужчины* + *К тоске*); впрочем, это может быть следствием дробности классификации.

В тексте существуют скрепы, которые вводят в разные топосы – это (а) «шампанское» (7 упоминаний), «антракт» (4 упоминания) и (б) «розы» (4 упоминания) и «плач/плакать» (3 упоминания); однако они употребляются не повсеместно. Первые две скрепы сами являются косвенными топами с функцией стартера воспоминаний. Можно поэтому считать, что на уровне межтопосных отношений они *функционально* представляют собой разновидность общих топосов со значением рода, а вводимые топосы являются видовыми.

В Табл. 2 показано соотношение синтагматических топосных десигнативных компонентов с ретушными топосами и скриптовым блоком, представленным, соответственно, во 2-м и в 1-м столбцах. Из таблицы видно, что скрипт-рецепт представлен в тексте не во всех своих сторонах; целый ряд терминалов не эксплицирован; это можно считать обычным для художественного текста, где феномен рассматривается не в совокупности сторон (как этого требовало бы научное описание), а лишь в одной или в некоторых.

Рецепты (с выбором альтернативы из дихотомии)	Референтные топосы-ретуши	Десигнативные топосы
--	----------------------------------	-----------------------------

Заметим, что десигнативные топосы чаще всего отличаются от референтных; иначе говоря, будучи связанными с последними в текстовых фрагментах, они как бы надстраиваются над референтными или, являясь когнитивной основой для употребления референтов-ретушей, интерпретируют их.

3. Завершение отношений: 3.5 Постреакция. 3.5.3 С тоской/болью 3.5.3.2 Одностороня	(1) – (6) описание процедуры написания письма. (6) – мостик к следующей теме.	№1. <u>Exordium</u> : К общению (с любимым) + К памяти №2 №3 №4. К общению №5. К общению (с любимым) №6
3. Завершение отношений: 3.5 Постреакция. 3.5.3 С тоской/болью 3.5.3.2 Одностороня	(6) – (8) просьба о передаче содержания письма целевому адресату.	№6 №7. К общению
3. Завершение отношений: 3.5 Постреакция. 3.5.3 С тоской/болью 3.5.3.2 Одностороня	(8) – (10) описание образа антракта.	№8. К памяти №9. К идеальному времяпрепровождению + К памяти №10. К идеальному времяпрепровождению
2.3. Реакции в процессе. 2.3.1. Положительные эмоции. 2.3.1.1. Обоюдные. 3.5. Переживание последствий (постреакция). 3.5.2. С тоской. 3.5.2.2. Односторонней. 3.5.4. Со светлым чувством. 3.5.4.1. Односторонне	[(10) – (12.1) сравнение антракта с Эдджотом	№10. К идеальному времяпрепровождению №11. К памяти №12. К памяти + К общению.
	(12.2) – разрыв с любовником.	№12.
	<i>(13) – (25) супертема: что дал Эдджот</i>	№13.
2.3. Реакции в процессе. 2.3.1. Положительные эмоции. 2.3.1.1. Обоюдные.	(14) – оптимизм.	№14. К душевному равновесию
2.3. Реакции в процессе. 2.3.1. Положительные эмоции. 2.3.1.1. Обоюдные.	(15) – (16) целостность эротизма.	№15. К целостному восприятию тела. К целостному восприятию личности. №16. К идеальному времяпрепровождению
2.3. Реакции в процессе. 2.3.1. Положительные эмоции. 2.3.1.1. Обоюдные.	(16) – (17) забота о здоровье.	№16. К идеальному времяпрепровождению №17. К положительному отношению к партнеру
2.3. Реакции в процессе. 2.3.1. Положительные эмоции. 2.3.1.1. Обоюдные.	(18) эротическое любопытство.	№18. К вниманию к партнеру

2.3. Реакции в процессе. 2.3.1. Положительные эмоции. 2.3.1.1. Обоюдные.	(19) – (20) эротическое разнообразие	№19. К борьбе с комплексами + К шоку №20. К борьбе с комплексами
2.3. Реакции в процессе. 2.3.1. Положительные эмоции. 2.3.1.1. Обоюдные.	(21) – (22) утренние поцелуи.	№21. К идеальному образу дамы + К заботе №22. К заботе
2.3. Реакции в процессе. 2.3.1. Положительные эмоции. 2.3.1.1. Обоюдные.	(23) краткие свидания.	№23. К заботе + К верности мужчины-Актера
2.3. Реакции в процессе. 2.3.1. Положительные эмоции. 2.3.1.1. Обоюдные.	(24) цветы в подарок.	№24. К заботе
2.3. Реакции в процессе. 2.3.1. Положительные эмоции. 2.3.1.1. Обоюдные.	(25) доброта, верность и любовь благополучное прибытие	№25. К общению. К заботе. К верности мужчины-Актера.
3.1. Скорость. 3.1.1. Быстрое. 3.1.1.1. Одностороннее (вторая сторона пассивна).	(26) – (27) длительность общения.	№26. К тоске №27. К памяти.
3.2. Вид. 3.2.1. Открытость. 3.2.1.1. Обоюдная. 3.3. Волеизъявление коммуникантов. 3.3.1. Добровольное. (4) 3.3.1.2. Добровольное одностороннее (вторая сторона пассивна).	(28) – (29) расставание.	№28. К тоске. К заботе + К верности мужчины-Актера. №29.
3.5. Переживание последствий (пост-реакция). 3.5.2. С тоской. 3.5.2.1. Обоюдной. 3.5.2.2. Односторонней.	(30) благополучное прибытие	№30. К тоске-Объекта.
3.1. Скорость. 3.1.1. Быстрое. 3.1.1.1. Одностороннее (вторая сторона пассивна). 3.2. Вид. 3.2.1. Открытость 3.3. Волеизъявление коммуникантов. 3.3.1. Добровольное. 3.3.1.1. Добровольное обоюдное. 3.3.1.2. Добровольное	(31) расставание (повтор).	№31. К верности мужчины.

одностороннее (вторая сторона пассивна). 3.2.1.1. Обоюдная.		
3.5. Переживание последствий (пост-реакция). 3.5.1. С раздражением 3.5.1.2. С односторонним раздражением. 3.5.2. С тоской. 3.5.2.2. Односторонней. 3.5.3. С болью. 3.5.3.1. Односторонней.	(32) реакция на расставание	№32. К тоске.
3.5. Переживание последствий (пост-реакция). Индифферентно. 3.5.4.1. Односторонне.	(33) описание Острова	№33. К успокоению.
3.2. Вид. 3.2.1. Открытость 3.2.1.1. Обоюдная. 3.2.1.2. Односторонняя	(34) получение письма	№34. К памяти о заботе мужчины-Актора
3.3. Волеизъявление коммуникантов. 3.3.2. Принудительное. 3.3.2.1. Принудительное одностороннее.	(35) – (36) причина расставания	№35, №36. К заботе
3.3. Волеизъявление коммуникантов. 3.3.2. Принудительное. 3.3.2.1. Принудительное одностороннее.	(37) – (38) просьба забыть	№37. К заботе.
3.5. Переживание последствий (пост-реакция). 3.5.2. С тоской. 3.5.2.1. Обоюдной.	(39) пребывание в Железовой Воле	№39. К верности мужчины-Актора. + К тоске.
3.5. Переживание последствий (пост-реакция). 3.5.2. С тоской. 3.5.2.1. Обоюдной.	(40) [рефлексивизация ситуации] устранение неопределенности	№40. К верности женщины-Объекта. + К памяти. + К непостоянству мужчины-Актора
	(41) учеба в Дублине + пребывание на Острове (нужны были разные абзацы)	№41.
3.5. Переживание последствий (пост-реакция). 3.5.2. С тоской. 3.5.2.2. Односторонней.	(42) деятельность в ЛДндоне + ситуация <i>в опере</i> (контраст: нужны были разные абзацы)	№42. К памяти.

2.3. Реакции в процессе. 2.3.1. Положительные эмоции. 2.3.1.1. Обоюдные.	(43) не-эротичный секс + эротичный секс (контраст: нужны были разные абзацы)	№43. К эротике. К идеальному времяпрепровождению.
	(44) не-эротичный секс	№44. К верности женщины-Объекта
	(45) – (46) поведение гев	№№ 45-46
	(47) смерть матери	№47
	(48) депрессия	№48
	(49) последствия лечения от депрессии	№49
3.5. Переживание последствий (пост-реакция). 3.5.2. С тоской. 3.5.2.2. Односторонней. 3.5.3. С болью. 3.5.3.1. Односторонней.	(50) совет врача	№50. К памяти.
3.5. Переживание последствий (пост-реакция). 3.5.2. С тоской. 3.5.2.2. Односторонней.	(51) – (52) пребывание в Железовой Воле	№51. К памяти.
3.5. Переживание последствий (пост-реакция). 3.5.2. С тоской. 3.5.2.2. Односторонней.	(53) пребывание во Вроцлаве	№52.- №53 К памяти.
	(54) информация о месте жительства Элджота	№54
	(55) воспоминания о нацистах	№55
	(56) завершение пребывания в Польше	№56
2.3. Реакции в процессе.(воображаемые) 2.3.1. Положительные эмоции. 2.3.1.2. Односторонние.	(57) бытовые невзгоды социализма	№57. К смирению.
2.3. Реакции в процессе.(воображаемые) 2.3.2. Отрицательные эмоции. 2.3.2.2. Односторонние.	(58) – (59) обида на Элджота	№58. К шоку №59. К верности женщины-Объекта
	(60) смена политического строя	№60
	(61) трудности пребывания с другими + воспоминания о родине	№61. К памяти + К силе воли

	(62) знакомство с директором банка (приглашение + комплимент + приятное поведение)	№62. К заботе + К галантности.
1.2. Завязывание отношений между ранее незнакомыми 1.2.1. Знакомство 1.2.1.1. Организация 1.2.1.2. Вид участия коммуникантов. 1.2.1.2.1. Личное 1.2.2. Формирование взаимоотношений 1.2.2.1. Скорость 1.2.2.1.1. Бурное 1.2.2.2. Качество 1.2.2.2.1. Симпатия 1.2.2.2.1.2. Обоюдная	(63) начало любовной связи + трудоустройство + развлечение в баре	№63. К заботе.
2.1. Скорость. 2.1.2. Постепенное. 2.1.2.2. Обоюдное 2.2. Вид. 2.2.1. Поступательное. 2.2.1.2. Без выраженного достижения кульминации.	(64) музыкальные подарки + светское времяпрепровождение с любовником	№64. К заботе.
2.3. Реакции в процессе. 2.3.1. Положительные эмоции. 2.3.1.1. Обоюдные. 2.3.3. Отрицательные эмоции. 2.3.2.2. Односторонние.	(65) реакция на поведение любовника во время концерта	№65. К терпению женщины.
2.3. Реакции в процессе. 2.3.1. Положительные эмоции. 2.3.1.1. Обоюдные	(66) мнение о любовнике (ненавязчивость + любовь к семье + знаки внимания)	№66. К эротике. К заботе.
3.5. Переживание последствий (пост-реакция). 3.5.4. Со светлым чувством. 3.5.4.1. Односторонне	(67) личные предпочтения в цветах	№67. К памяти.
	(68) предпочтения в работе	№68. К личной свободе.
	(69) свободное время (музыка + путешествия + встречи с друзьями)	№69. К памяти.
3.5. Переживание	(70) поездки в Дублин	№70. К памяти.

последствий (пост-реакция). 3.5.4. Со светлым чувством. 3.5.4.1. Односторонне	(встречи с однокурсниками + посещение мест, где работал Элджот)	
2.3. Реакции в процессе. 2.3.1. Положительные эмоции. 2.3.1.1. Обоюдные.	(71) лекционная аудитория	№71. К эротике
3.5.4. Со светлым чувством. 3.5.4.1. Односторонне	(72) мечты о ребенке	№72. К памяти
3.5.4. Со светлым чувством. 3.5.4.1. Односторонне	(73) оформление искусственного зачатия + характеристики доноров	№73. К памяти
3.5.4. Со светлым чувством. 3.5.4.1. Односторонне	(74) выбор донора, похожего на Элджота	№74. К памяти
3.5.4. Со светлым чувством. 3.5.4.1. Односторонне	(75) – (76) празднование дня рождения Элджота (в отсутствие его)	№75. К памяти №76. К верности женщины-Объекта
3.5.4. Со светлым чувством. 3.5.4.1. Односторонне	(77) имя ребенка	№77. К памяти / К верности

Таблица 2. Соотношение рецептных, ретушных и десигнативных топов в тексте-Описании

2.2.4. Лингво-персонологический комплексный подход к анализу речевоздействующего любовного общения

Дискурсные характеристики текста включают свойства коммуникантов. Работа с параметрами ЯЛ объясняется тем, что речевоздействующая сторона дискурса во многом зависит от личностных характеристик коммуникантов (см. об этом: [Караулов 1987; Сухих 1998]). Также следует еще раз упомянуть, что в условиях отсутствия эксплицитного вербального взаимодействия (в монологе) второстепенную роль играют черты ЯЛ непосредственного участника (Адресата), опосредованных и косвенных участников, а основная роль отводится ЯЛ Актора.

Для рассмотрения дискурсивных характеристик Актора воспользуемся предложенной С.А. Сухих [1998:109–110] системой, в которой ЯЛ человека

проявляется через так называемые языковые черты; они представляются в особенностях вербального поведения человека на разных уровнях дискурса⁴. С.А. Сухих выделяет экспонентный, субстанциональный и интенциональный уровни дискурса [1998: 111-112].

2.2.4.1. Дискурсивные характеристики монолога-Соблазнения

2.2.4.1.1. Экспонентный и субстанциональный уровни

Для анализа выбран текст «Метафора на быстрый секс» [Богачев 2012: 166–167] (авторское разбиение на абзацы сохранено).

Текст для анализа

Ты знаешь, у меня некоторое время назад, в одном из городов, где я был по работе, был замечательный разговор с одной девушкой, которая чем-то похожа на тебя. В разговоре с ней всплыла такая интересная мысль: девушка должна долго держать парня в конфетно-цветочном периоде, чтобы в его глазах ценность отношений была выше.

Буквально на днях до этого я разговаривал с человеком, который хорошо разбирается в этологии – науке о поведении животных в естественной среде обитания. Так вот, в этой науке есть понятие альфа и бета самцов, то есть лидеров и ведомых. Ты знаешь, что у обезьян около семидесяти процентов детенышей в стаде – это дети альфа-самцов, которых воспитывают самцы-бета? А знаешь, почему они это делают? Потому что самки их за это поощряют спариванием, которого иногда надо ждать неделями или месяцами.

Альфа никогда не стоит в очереди на секс, у него есть целая стая самок - потому что он лидер и лучший мужчина в этом окружении, у него столько секса, сколько он хочет (можно маркировать при этих словах на себя).

Так вот с этой девочкой у нас состоялся длительный разговор на эту тему. И знаешь, какое самое серьезное открытие она для себя сделала? Ну, кроме того, что мужчины недалеко ушли от обезьян (говорим с улыбкой)?

⁴ Система С.А. Сухих ориентирована в основном на исследование диалога, поэтому она будет подвергаться в нашем исследовании определенным преобразованиям, связанным как с исследуемым монологическим материалом, так и с некоторыми моментами теоретического порядка; необходимость таких преобразований обосновывается далее по мере развертывания наших рассуждений.

Она поняла, что у успешных, состоявшихся по жизни мужчин всегда есть выбор» с кем общаться – они окружены большим количеством людей, у которых все хорошо по жизни, в их кругу общения много красивых и успешных женщин, которые ценят мужчин за их достижения.

Общение между мужчинами и женщинами – это как сельский рынок. Если по нему долго ходить и остаться до самого вечера, то останутся лишь фрукты и овощи, которые никто себе не взял – то есть не самые лучшие. Или могут даже вообще не остаться. Если долго ждать – будет мужчина класса «третий сорт не брак», стерпится-слюбится.

Нормальный мужчина привык к тому, что женщины в нем заинтересованы, в том числе сексуально – ведь размножения достойны в первую очередь альфы. И если он увидит женщину, которая ведет себя не так, то он просто решает, что с ней что-то не в порядке, и идет дальше.

Привязать к себе отказом в сексе можно только слабого самца. Только у бет есть понятие любви и привязанности. Потому как это чувство специально воспитанно у них, чтобы выкармливать потомство.

Кстати, подумай над следующей мыслью: когда ты хочешь мужчину и не занимаешься с ним сексом, ты подавляешь в себе сексуальные инстинкты, ты оскорбляешь женщину в себе, потому как женщина живет для того, чтобы чувствовать эмоции и дарить эмоции другим. Точно так же ты оскорбляешь мужчину, потому как вытягиваешь из него ресурсы, предоставляя в ответ только иллюзии. Ты оскорбляешь саму идею чувств, если им могут помешать догмы.

Экспонентный уровень (здесь и ниже приводятся словоформы из текста), согласно С.А. Сухих, задает следующие факторы при построении дискурса:

- 1) активность (предпочтение конструкций со значением динамичности) / созерцательность (конструкции пассивности) (далее – параметры 1 – 3);
- 2) при констатации фактов – персуативность (убедительность), голословность (при неуверенности, но с высоким уровнем убеждения), хэзитивность (неуверенность) (параметры 4 – 5).

1. Типы предикатов. Здесь выделяются предикаты аудиальности, визуальности, кинестетичности и рациональности⁵. Частое использование тех или иных из них позволяет говорить о преобладающем типе ЯЛ.

Предикаты аудиальности: *разговаривал, разговор, говорим* (3 случая).

Предикаты визуальности: *похожа, увидит* (2 случая).

Предикаты кинестетичности: *держат, маркировать, привязать, выкармливать, заниматься сексом* (5 случаев).

Предикаты рациональности: *знаешь* (4 экземпляра), *разбираться, поощряют, поняла, заинтересовать, достойны, решает, подумай, подавляешь, оскорбляешь* (13 случаев).

Неклассифицированные остатки: предикаты *всплыла, стоит, воспитание, ждать, привык, хочешь окружены, ходить, остаться* (3 экземпляра), *взял, чувствовать, дарить, вытягиваешь, предоставляет, идет, помешать*.

Преимущественный тип ЯЛ Актора – рационал (термин заимствован у С.А. Сухих).

2. Соотношение субъектов и предикатов. У С.А. Сухих [1998] данное соотношение характеризует черту [активность/созерцательность] и выражается в залоговости конструкций. Такого же мнения придерживается и Е.В. Беседина [2011].

Применительно к нашему материалу целесообразно не ограничивать реализацию данной черты только лишь залогом, так как в тексте встретились конструкции экзистенциального типа (с глаголами *быть* и *иметься*). Встречаемость активного залога выражается в анализируемом тексте 32 конструкциями, пассивного залога – 7 конструкциями; экзистенциальных конструкций – 17.

⁵ Параметр рациональности был введен С.А. Сухих дополнительно к трем уже существующим в литературе.

По этому параметру соотношение активности и созерцательности составило 32 случая к 24 (экзистенциальность мы отнесли к параметру созерцательности).

3. Предпочтение предикатов со значением действия/статальности. Для рабочей классификации на основе проанализированного текста мы выделили два типа предикатов – не-статальные и статальные. К не-статальным отнесли Действие и Действие-Процесс (в терминологии У. Чейфа [1975]); в группу статальных входят предикаты Экзистенциальности, Экспериенциальности и Свойства.

Предикаты Действия: *всплыла, разговаривал, ходить, остаться, заинтересованы, идет* (6 случаев).

Предикаты Действия-Процесса: *держат, воспитывают, делают, поощряют, сделала, взял, привязать, выкармливать, дарить, вытягиваешь, предоставляя, помешать* (12 случаев).

Предикаты Экзистенциальности: *был* (2 экземпляра), *(есть) наука, есть понятие, (суть) дети, (есть) красивые и успешные женщины, живет* (7 случаев).

Предикаты Экспериенциальности: *ждать_п* (2 экземпляра), *стоит в очереди_п, хочет_п* (3 экземпляра в разных морфологических вариантах), *поняла_д, ценят_д, останутся/не останутся_д, привык_п, заинтересованы_п, увидит_д, решает_д, чувствовать_п, подавляешь_д, оскорбляешь_д* (3 экземпляра) (19 случаев)

Предикаты Свойства: *похожа, была выше, разбирается, у него есть* (2 экземпляра), *он (есть) лидер, ушли от обезьян, состоялся, есть выбор, окружен большим количеством людей, все хорошо, достойны, воспитанно, есть понятие любви и привязанности* (14 случаев).

По этому признаку предикатов не-статальности (Действия, Действия-Процесса, Экспериенциальности как не-физического действия – маркированы символом д) встретилось 25, предикатов статальности (включая Экспериенциальность как не-физический процесс – маркер п) – 28.

4. Распространенность предложений, с точки зрения С.А. Сухих, характеризует черту [персуазивность/голословность]. Употребленное в таком виде определение С.А. Сухих нуждается в уточнении, и не только для разбираемого текста. Это уточнение – методологического порядка.

Большинство структур в тексте – распространенные сложноподчиненные предложения. Относительно понятия ‘нераспространенные предложения’ следует отметить следующее.

Традиционное понимание нераспространенных предложений как исключительно субъектно-предикатных, является формально-структурным и затрагивает семантику лишь одноактантных предложений. В эту категорию заведомо не попадают предложения с поливалентными предикатами, что снижает объяснительную силу понятия *нераспространенное предложение*. Более продуктивной представляется трактовка \pm распространенности на основе (а) пропозициональной семантики и (б) аргументативной семантики.

С точки зрения пропозициональной семантики нераспространенными предлагается считать структуры, имеющие заполненность актантных мест, но без добавлений сирконстантов (если это именно сирконстанты, а не актанты как в предикатах движения) и атрибутов как свернутых предикатов. Структуры, имеющие сирконстантные и атрибутивные добавления будут считаться распространенными.

С точки зрения аргументативной семантики нераспространенными условимся считать простые аргументы, состоящие только из аргументативного минимума [Тезис + Довод] (в трактовке Л.Г. Васильева таким Доводом являются Данные). К распространенным отнесем номинальные аргументы, более полные по составу – [Тезис + Доводы] (где к Доводам относятся Данные и Основание). Заметим, что при такой трактовке распространенности/нераспространенности речь идет о базовом аргументе (Аргументативном Шаге). Также к распространенным будут относиться Супер-Шаги – случаи, когда в аргументе при одном Тезисе имеется несколько Доводов на уровне Шага. Такое явление трактуется как

Супер-Шаг [Касьянова 2008]. Становится понятным, что многоуровневые аргументы при таком подходе понимаются как распространенные.

Далее, возвращаясь к трактовке понятия распространенности/нераспространенности, предложенной С.А. Сухих, и к выявляемой посредством этого феномена языковой черты [персуативность/голословность], становится ясным, что названная языковая черта выявляется путем обращения ко второму, аргументативному толкованию \pm распространенности. При этом термин *персуативность* можно заменить на *обоснованность*, потому что аргументирование, или обоснование, может строиться как конвинсивным (рациональным, логичным), так и персуазивным (не-рациональным, логически ошибочным) способом (см. подробнее: [Сухарева 2010; Васильев, Мищук 2015]). Акцент на разведение двух сторон убеждения при анализе текста специально нами не делается, но при наличии ошибок в аргументации на это указывается.

Надо отметить, что языковая черта [обоснованность/голословность] относится не к экспонентному предложенческому, а к когнитивному текстовому уровню, так как касается структуры не предложения, а структуры аргумента, которые напрямую не соотносятся. Аргумент состоит из ряда подструктур, некоторые из которых обычно являются предложениями (например, Тезис), а некоторые могут быть словосочетаниями (например, Доводы). Поэтому данная языковая черта относится не к экспонентному, а к субстанциональному уровню, где как раз и рассматривается аргументация. Этот фактор можно далее (для субстанционального уровня) именовать *полнота аргументирования*.

Для экспонентного уровня предложения можно оставить понятие распространенности/нераспространенности в первом, пропозициональном понимании. В этом случае представляется более целесообразным говорить о выявлении не черты [персуативность/голословность], а черты, которую можно назвать [открытость/закрытость].

Итак, проанализируем фактор распространенность предложений с точки зрения установления языковой черты [открытость/закрытость].

Для ее характеристики нужно использовать семантические признаки предикатов Действие, Действие-Процесс, Экзистенциальность, Экспериенциальность и Свойство. Обязательные падежные рамки⁶ для этих предикатов следующие.

Действие (Д) – (а) одновалентный предикат с актантом Агенс; (б) двухвалентный предикат движения с актантами Агенс и Локатив.

Действие-Процесс (Д-Пр) – (а) двухвалентный предикат с актантами Агенс и Пациенс; (б) трехвалентный предикат с актантами Агенс, Пациенс, Инструмент.

Экзистенциальность⁷ (Экз) – (а) одновалентный предикат с актантом Объект; (б) двухвалентный предикат с актантами Объект и Локатив.

Экспериенциальность (Эксп) – двухвалентный предикат с актантами Экспериенцер и Объект.

Свойство (Св) – (а) одновалентный предикат с актантом Дескриптив; (б) двухвалентный предикат с актантами Дескриптив и Объект.

1 абзац.

Нераспространенные предложения.

Ты знаешь: Эксп (Экспериенцер + Объект в виде последующей полипредложенческой структуры).

Распространенные предложения (здесь и далее распространители подчеркнуты).

У меня некоторое время назад, в одном из городов... был замечательный разговор с одной девушкой: Д-Пр(а) (Агенс + Пациенс);

где я был по работе: Экз(б) (Объект + Локатив);

девушка чем-то похожа на тебя: Св(б) (Дескриптив + Объект);

⁶ В падежных ролях мы не разграничиваем объекты по признаку одушевленности/неодушевленности и предметности/признаковости семантики.

⁷ Экзистенциальность охватывает статические (наличие, существование) и динамические (возникновение, исчезновение) признаки.

В разговоре с ней всплыла такая интересная мысль: Экз (Объект);
девушка должна долго держать парня в конфетно-цветочном
периоде: Д-Пр(а) (Агенс + Пациенс);

в его глазах ценность отношений была выше: Св(а) (Дескриптив).

2 абзац.

Нераспространенные предложения.

Ты знаешь: Эксп (Экспериментер + Объект в виде последующей
полипредложенческой структуры);

которых <детей альфа-самцов> воспитывают самцы-бета: Д-Пр(а)
(Агенс + Пациенс)

а знаешь: Эксп (имплицитный Экспериментер + Объект в виде
последующей полипредложенческой структуры);

Распространенные предложения.

Буквально на днях до этого я разговаривал с человеком: Д-Пр(а) (Агенс
+ Пациенс);

(Человек) хорошо разбирается в этологии: Эксп. (Экспериментер +
Объект);

(Этология есть) наука о поведении животных в естественной среде
обитания: Св(б) (Дескриптив + Объект);

Так вот, в этой науке есть понятие альфа и бета самцов, то есть
лидеров и ведомых: Экз(б) (Объект + Локатив);

У обезьян около семидесяти процентов детенышей в стаде — это
дети альфа-самцов Св(б) (Дескриптив + Объект);

почему они это делают: Д-Пр(а) (Агенс + Пациенс);

самки их за это поощряют спариванием, которого иногда надо ждать
неделями или месяцами. Д-Пр(б) (Агенс + Пациенс + Инструмент).

3 абзац.

Распространенные предложения.

Альфа никогда не стоит в очереди на секс: Д (Агенс);

у него есть целая стая самок: Св(б) (Дескриптив + Объект);

он лидер и лучший мужчина в этом окружении: Св(а) (Дескриптив);

у него столько секса, сколько он хочет: Св(а) (Дескриптив);

4 абзац.

Нераспространенные предложения.

И знаешь: Эксп (имплицитный Экспериенцер + Объект в виде последующей полипредложенческой структуры).

Распространенные предложения.

Так вот, с этой девочкой у нас состоялся длительный разговор на эту тему: Д-Пр(а) (Агенс + Пациенс);

какое самое серьезное открытие она для себя сделала: Д-Пр(а) (Агенс + Пациенс);

(Ну, кроме того, что) мужчины недалеко ушли от обезьян: Св(б) (Дескриптив + Объект).

5 абзац.

Нераспространенные предложения.

Она поняла: Эксп. (Экспериенцер + Объект в виде последующей полипредложенческой структуры).

Распространенные предложения.

...у успешных, состоявшихся по жизни мужчин всегда есть выбор с кем общаться: Св(б) (Дескриптив + Объект);

успешные мужчины состоялись по жизни: Св(б) (Дескриптив + Объект);

они окружены большим количеством людей: Св(б) (Дескриптив + Объект);

у которых все хорошо по жизни: Св(б) (Дескриптив + Объект);

в их кругу общения много красивых и успешных женщин, которые ценят мужчин за их достижения: Эксп. (Экспериенцер + Объект);

6 абзац.

Распространенные предложения.

Общение между мужчинами и женщинами – это как сельский рынок:

Св(б) (Дескриптор + Объект).

по нему долго ходить и остаться до самого вечера: Д
(морфологически обусловленный имплицитный Агенс);

останутся лишь фрукты и овощи: Экз(а) (Объект);

фрукты и овощи, которые никто себе не взял: Д-Пр(а) (Агенс + Пациенс);

фрукты и овощи ... не самые лучшие: Св(а) (Дескриптив);

могут даже вообще не остаться: Экз(а) (имплицитный Объект);

Если долго ждать – будет мужчина класса «третий сорт не брак»,
стерпится-слюбится: Св(а) (Дескриптив).

7 абзац.

Нераспространенные предложения.

(он) идет дальше: Д(б) (Агенс + Локатив)

Распространенные предложения.

Нормальный мужчина привык к тому, что женщины в нем
заинтересованы, в том числе сексуально: Эксп (Экспериенцер + Объект в
виде последующей предложенческой структуры);

женщины в нем заинтересованы, в том числе сексуально: Эксп
(Экспериенцер + Объект);

ведь размножения достойны в первую очередь альфы: Св(б)
(Дескриптор + Объект);

И если он увидит женщину, которая ведет себя не так: Эксп
(Экспериенцер + Объект);

то он просто решает, что с ней что-то не в порядке: Эксп
(Экспериенцер + Объект в виде последующей предложенческой структуры).

8 абзац.

Нераспространенные предложения.

(они) выкармливают потомство: Д-Пр(а) (Агенс + Пациенс).

Распространенные предложения.

Привязать к себе отказом в сексе можно только слабого самца: Д-Пр(б) (Агенс имплицитный + Пациенс + Инструмент);

Только у бет есть понятие любви и привязанности: Св(б) (Дескриптор + Объект);

Потому как это чувство специально воспитанно у них, чтобы выкармливать потомство: Св(б) (Дескриптор + Объект).

9 абзац.

Нераспространенные предложения.

ты хочешь мужчину: Эксп. (Экспериенцер + Объект);

ты занимаешься с ним сексом: Д-Пр (Агенс + Пациенс);

ты оскорбляешь женщину в себе (=себя): Эксп. (Экспериенцер + Объект);

ты оскорбляешь мужчину⁸: Эксп. (Экспериенцер + Объект);

Распространенные предложения.

подумай над следующей мыслью: Эксп. (имплицитный Экспериенцер + Объект);

ты подавляешь в себе сексуальные инстинкты: Эксп. (Экспериенцер + Объект);

женщина живет для того, чтобы чувствовать эмоции и дарить эмоции другим.: Эксп. (Экспериенцер + Объект);

(ты) вытягиваешь из него ресурсы: Д-Пр(а) (Агенс + Пациенс);

предоставляя в ответ только иллюзии: Д-Пр(а) (имплицитный Агенс + Пациенс);

Ты оскорбляешь саму идею чувств: Эксп. (Экспериенцер + Объект);

им могут помешать догмы: Д-Пр(а) (Агенс + Пациенс).

⁸ Это и предыдущее предложения являются нераспространенными лишь на предложенческом уровне: на текстовом распространение их реализуется в присоединении к ним придаточных изъяснительных предложений

5. Маркеры со значением вероятности, характеризующие наличие хезитивности, в тексте отсутствует, что свидетельствует о модальности уверенности Актора.

Субстанциональный уровень позволяет выделить: по выбору сферы референции языковых единиц – языковые черты [конкретность / абстрактность]; по способу описания ситуации – языковые черты [аналитичность / синтетичность].

С.А. Сухих выделяет пять основных параметров анализа субстанционального уровня: объем референции языковых единиц; детализация / обобщенность в описании ситуации; количество точек зрения на проблему; способ обоснования точек зрения; нахождение когерирующего понятия текста. Мы добавляем к ним еще два: рецептно-ретушный анализ фрейма и аргументативный анализ текста.

1. Объем референции языковых единиц

К конкретной лексике текста отнесены: *конфетно-цветочный период, этология, альфа, бета, спаривание, никогда, лидер, сельский рынок, третий сорт* (10 случаев).

Абстрактная (точнее, референциально нечеткая/неопределенная) лексика: *некоторое (время назад), один город, одна девушка, чем-то похожая на тебя, держать парня, на днях, животных, обезьян (неизвестно, каких), лучший мужчина, иногда, стая, столько секса, сколько хочет, успешных (2 экземпляра), состоявшихся по жизни, все хорошо по жизни, не самые лучшие, нормальный мужчина, хочешь мужчину, оскорбляешь женщину, оскорбляешь идею чувств, догмы* (22 случая).

2. Детализация / обобщенность в описании ситуации

Детализация проявляется в описании следующих эпизодов: *разговор с этологом; сравнение с сельским рынком; недостойность общения с бета-самцами в мужском обличи.*

Обобщенность описания: «длительный» разговор с девушкой (не эксплицированы временные параметры и детали разговора, а именно, как она пришла к выводам, о которых повествует Актер – т.е. правду ли он говорит).

3. Количество точек зрения на проблему

Во всех абзацах текста, кроме последнего, имеет место однотопиковость. В последнем абзаце – многотопиковость (приводится опровержение Актером возможного вербального возражения Адресата). Текст в аргументативном отношении преимущественно синтетический.

4. Способ обоснования точки зрения

Этот способ – коммуникация (в трактовке Л.Г. Васильева [1994: 52]). Поскольку текст монологичен и симультанен, интеракция и трансакция в нем не представлены.

5. Нахождение когерирующего понятия текста

Такое нахождение предполагает построение фрейма.

Тематическая структура текста.

Текст состоит из следующей последовательности маропропозиций.

ВВЕДЕНИЕ.

1 абзац. Похожесть компонентов общения. Основная опровергаемая идея.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ.

2 абзац. Обращение к эксперту по общению животных. Самцы-лидеры и самцы-ведомые. Причины наличия ведомых самцов.

3 абзац. Преимущества самцов-лидеров.

4 абзац. Подведение к выводу Адресата в результате размышлений.

5 абзац. Экспликация вывода: наличие больших возможностей общения у успешных мужчин.

6 абзац. Эпитет «сельский рынок».

7 абзац. Нормальность успеха у женщин нормального мужчины.

8 абзац. Неприменимость отказа в сексе для сильных самцов. Несущественность для них любви и привязанности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

9 абзац. Оскорбление чувств и их носителей отказом от секса.

Так как воздействие в анализируемом тексте речевое, в нем содержится аргументация. Манипулятивность речевого воздействия будет заключаться в том, что правильная демонстрация (общий процедурный топос) осуществляется неправильными (нечестными) аргументами. Тогда мы можем говорить о наличии Супер-фрейма-рецепта, по которому строится демонстрация. Это разделительный силлогизм:

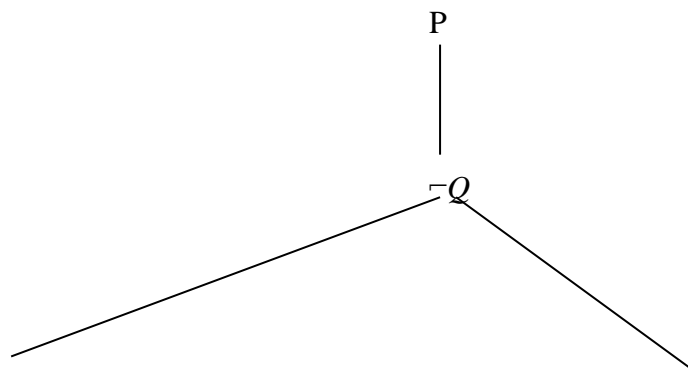
Либо p , либо q .
 q не имеет места.
Следовательно, p .

При доказательстве необходимо обосновать вторую посылку « q не имеет места (= q неверно)». Это делается с помощью доводов r и s : (1) если следовать r , то $\neg q$; (2) если не следовать s , то $\neg q$. Тогда полная структура супер-фрейма-рецепта будет следующей:

$p \vee q$;
 $s \cap r$;
 $r \rightarrow \neg q$;
 $\neg s \rightarrow \neg q$;
 r ;
 $\neg s$;
 $\neg q$;

p

В древовидной форме текстовый фрейм (скрипт) предложения «Быстрый секс – это хорошо» можно представить так:

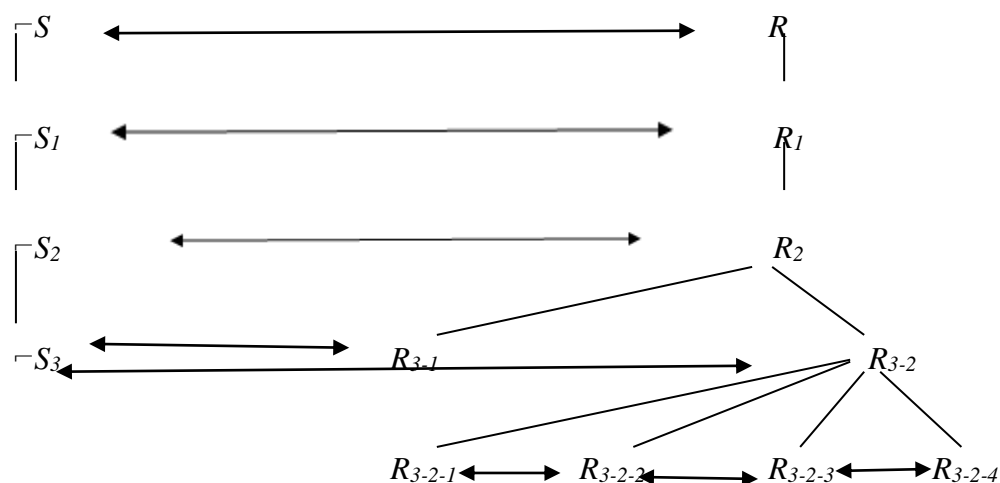

Рис. 6. Фреймовая структура текста-Соблазнения

6. Рецептно-ретушные характеристики фрейма

Фреймовые рецепты и ретуши трактуются нами как топосы. Их соотношение для анализируемого текста удобно представить в виде следующей таблицы.

Фреймовые рецепты	Фреймовые ретуши
R «доказанное мнение R верно»	Быстрый секс – хорошо
$\neg Q$ «мнение Q («можно долго испытывать терпение человека»), которое опровергает R – неверно»	Долго держать парня в конфетно-цветочном периоде – плохо.
$\neg S$ «S («можно следовать отрицательному поведению») неверно»	Нельзя следовать поведению самок-обезьян
$\neg S_1$ «недостойное поведение в целом неприемлемо»	Поведение самок-обезьян – недостойно.
$\neg S_2$ «достойное поведение в отношении определенной группы отрицательных субъектов – неприемлемо»	Нельзя поощрять бета-самцов
$\neg S_3$ «существуют социально непрестижные субъекты»	Бета-самцы – это неудачники
R «мнение R («преследование достойной цели – приемлемо») верно»	Надо становиться успешными женщинами
R ₁ «следование поведению достойных – правильно»	Надо следовать поведению успешных женщин
R ₂ «общение с достойными – правильно»	Нужно стремиться к общению с успешными мужчинами
R ₃₋₁ «участие в ситуациях, где люди ведут себя недостойно – неприемлемо»	Поведение как на сельском рынке бесперспективно
R ₃₋₂ «поведение, наносящее ущерб достойным – неприемлемо»	Нельзя отказывать в сексе успешным мужчинам

Фреймовые рецепты	Фреймовые ретуши
R ₃₋₂₋₁ «достойное поведение по отношению к недостойным – неприемлемо»	Отказ в сексе – только для неудачников
R ₃₋₂₋₂ «нанесение морального ущерба достойным-М – неприемлемо»	Отказ в сексе – оскорбление для мужчины
R ₃₋₂₋₃ «нанесение морального ущерба достойным-Ж – неприемлемо»	Отказ в сексе – оскорбление для женщины
R ₃₋₂₋₄ «нанесение ущерба ценностям и морали – неприемлемо»	Отказ в сексе – оскорбление идеи чувств

Таблица 3. Соотношение рецептов и ретушей для текста-Соблазнения

Вертикальные взаимоотношения между рецептными узлами фрейма

Для дальнейшего изложения будет использоваться нумерация фреймовых уровней «сверху вниз», где верхний, исходный, уровень принимается за нулевой.

Уровни (0) – (1) [P – ¬Q]: *Доказанное мнение P верное – Мнение Q («можно долго испытывать терпение человека»), которое опровергает P – неверное. Следствие – Причина.*

Уровни (1) – (2) [¬Q – ¬S]: *Мнение Q («можно долго испытывать терпение человека») неверное – S («можно следовать отрицательному поведению») неверно. Явление – Сущность.*

Уровни (2) – (3) [¬S – ¬S₁]: *S («нельзя следовать отрицательному поведению») – недостойное поведение в целом неприемлемо. Следствие – Причина.*

Уровни (3) – (4) [¬S₁ – ¬S₂]: *Недостойное поведение в целом неприемлемо – Достойное поведение в отношении определенной группы отрицательных субъектов неприемлемо. Общее – Частное.*

Уровни (4) – (5) [$\neg S_2$ – $\neg S_3$]: *Достойное поведение в отношении определенной группы отрицательных субъектов неприемлемо – Существуют социально непрестижные субъекты. Следствие – Причина.*

Уровни (1) – (2) [$\neg Q$ – R]: *Мнение Q («можно долго испытывать терпение человека»), которое опровергает P – неверно. – Мнение R («следование престижному идеалу – приемлемо») верно. Следствие – Причина.*

Уровни (2) – (3) [R – R₁]: *Мнение R («преследование достойной цели – приемлемо») верно – Следование поведению достойных – правильно. Явление – Сущность.*

Уровни (3) – (4) [R₁ – R₂]: *Следование поведению достойных – правильно – Общение с достойными – правильно. Явление – Сущность.*

Уровни (4) – (5-1) [R₂ – R₃₋₁]: *Общение с достойными – правильно. – Участие в ситуациях, где люди ведут себя недостойно – неприемлемо (правильно (с достойными) – потому что приемлемо (с достойными)). Частное – Общее.*

Уровни (4) – (5-2) [R₂ – R₃₋₂]: *Общение с достойными – правильно – Поведение, наносящее ущерб достойным – неприемлемо (общение (с достойными) – потому что приемлемо поведение (с достойными)). Частное – Общее.*

Уровни (5-2) – (6-1) [R₃₋₂ – R₃₋₂₋₁]: *Поведение, наносящее ущерб достойным – неприемлемо.– Достойное поведение по отношению к недостойным – неприемлемо. Следствие – Причина.*

Уровни (5-2) – (6-2) [R₃₋₂ – R₃₋₂₋₂]: *Поведение, наносящее ущерб достойным – неприемлемо. – Нанесение морального ущерба достойным-М – неприемлемо. Частное – Общее.*

Уровни (5-2) – (6-3) [R₃₋₂ – R₃₋₂₋₃]: *Поведение, наносящее ущерб достойным – неприемлемо.– Нанесение морального ущерба достойным-Ж – неприемлемо. Частное – Общее.*

Уровни (5-2) – (6-4) [$R_{3-2} - R_{3-2-4}$]: *Поведение, наносящее ущерб достойным – неприемлемо. – Нанесение ущерба ценностям и морали – неприемлемо* (носители морали – мораль). Явление – Сущность.

Вертикальные взаимоотношения между ретушными узлами фрейма

Уровни (0) – (1) [$P - \neg Q$]: *Быстрый секс – хорошо – Долго держать парня в конфетно-цветочном периоде – плохо*: Следствие – Причина.

Уровни (1) – (2) [$\neg Q - \neg S$]: *Долго держать парня в конфетно-цветочном периоде – плохо. – Нельзя следовать поведению самок-обезьян*. Явление – Сущность.

Уровни (2) – (3) [$\neg S - \neg S_1$]: *Нельзя следовать поведению самок-обезьян. – Поведение самок-обезьян недостойно*. Следствие – Причина.

Уровни (3) – (4) [$\neg S_1 - \neg S_2$]: *Поведение самок-обезьян недостойно. – Нельзя поощрять поведение бета-самцов*. Частное – Общее.

Уровни (4) – (5) [$\neg S_2 - \neg S_3$]: *Нельзя поощрять поведение бета-самцов. – Бета-самцы – это неудачники*. Следствие – Причина.

Уровни (1) – (2) [$\neg Q - R$]: *Долго держать парня в конфетно-цветочном периоде – плохо. – Надо становиться успешными женщинами*. Следствие – Причина (женщина не станет держать парня в конфетно-цветочном периоде, если она успешна).

Уровни (2) – (3) [$R - R_1$]: *Надо становиться успешными женщинами. – Надо следовать поведению успешных женщин*. Следствие – Причина.

Уровни (3) – (4) [$R_1 - R_2$]: *Надо следовать поведению успешных женщин. – Нужно стремиться к общению с успешными мужчинами*. Явление – Сущность.

Уровни (4) – (5-1) [$R_2 - R_{3-1}$]: *Нужно стремиться к общению с успешными мужчинами. – Поведение женщин как на сельском рынке бесперспективно* (если женщина ведет себя как на сельском рынке, то общение с успешными мужчинами невозможно, поэтому надо стремиться к общению с успешными) Явление – Сущность.

Уровни (4) – (5-2) [$R_2 - R_{3-2}$]: *Нужно стремиться к общению с успешными мужчинами. – Нельзя отказывать в сексе успешным мужчинам.*
Следствие – Причина.

Уровни (5-2) – (6-1) [$R_{3-2} - R_{3-2-1}$]: *Нельзя отказывать в сексе успешным мужчинам. – Отказ в сексе – только для неудачников.* Следствие – Причина.

Уровни (5-2) – (6-2) [$R_{3-2} - R_{3-2-2}$]: *Нельзя отказывать в сексе успешным мужчинам. – Отказ в сексе – оскорбление для мужчины.*
Следствие – Причина.

Уровни (5-2) – (6-3) [$R_{3-2} - R_{3-2-3}$]: *Нельзя отказывать в сексе успешным мужчинам. – Отказ в сексе – оскорбление для женщины.*
Следствие – Причина.

Уровни (5-2) – (6-4) [$R_{3-2} - R_{3-2-4}$]: *Нельзя отказывать в сексе успешным мужчинам. – Отказ в сексе – оскорбление идеи чувств.* Следствие – Причина.

Анализ вертикальных рецептных и ретушных реализаций во фрейме показал, что отношения компонентов в них в целом совпадают. Несовпадение проявилось на уровнях:

(5-2) – (6-2): Частное – Общее VS Следствие – Причина;

(5-2) – (6-3): Частное – Общее VS Следствие – Причина;

(5-2) – (6-4): Явление – Сущность VS Следствие – Причина.

Данное несовпадение можно объяснить возможностью свести названные отношения к общему принципу гипонимии.

Горизонтальные взаимоотношения между рецептными узлами фрейма

Уровень 2. [$\neg S - R$]: *S («можно следовать отрицательному поведению») неверно – Мнение R («преследование достойной цели – приемлемо») верно.* Эквивалентность.

Уровень 3. [$\neg S_1 - R_1$]: *Недостойное поведение в целом неприемлемо – Следование поведению достойных – правильно.* Эквивалентность.

Уровень 4. [$\neg S_2 - R_2$]: *Достойное поведение в отношении определенной группы отрицательных субъектов неприемлемо. – Общение с достойными – правильно. Противоположность.*

Уровень 5. [$\neg S_3 - R_{3-1}$]: *Существуют социально непрестижные субъекты. – Участие в ситуациях, где люди ведут себя недостойно – неприемлемо. Внеположность.*

Уровень 5. [$\neg S_3 - R_{3-2}$]: *Существуют социально непрестижные субъекты. – Поведение, наносящее ущерб достойным – неприемлемо. Противоположность.*

Уровень 5. [$R_{3-1} - R_{3-2}$]: *Участие в ситуациях, где люди ведут себя недостойно – неприемлемо. – Поведение, наносящее ущерб достойным – неприемлемо. Эквивалентность.*

Уровень 6. [$R_{3-2-1} - R_{3-2-2}$]: *Достойное поведение по отношению к недостойным – неприемлемо. – Нанесение морального ущерба иным достойным-М – неприемлемо. Перекрещивание.*

Уровень 6. [$R_{3-2-1} - R_{3-2-3}$]: *Достойное поведение по отношению к недостойным – неприемлемо. – Нанесение морального ущерба достойным – неприемлемо. Внеположность.*

Уровень 6. [$R_{3-2-1} - R_{3-2-4}$]: *Достойное поведение по отношению к недостойным – неприемлемо. – Нанесение ущерба ценностям и морали – неприемлемо. Внеположность.*

Уровень 6. [$R_{3-2-2} - R_{3-2-3}$]: *Нанесение морального ущерба иным достойным лицам – неприемлемо. – Нанесение морального ущерба достойным-Ж – неприемлемо. Внеположность.*

Уровень 6. [$R_{3-2-2} - R_{3-2-4}$]: *Нанесение морального ущерба достойным-М – неприемлемо. – Нанесение ущерба ценностям и морали – неприемлемо. Внеположность.*

Уровень 6. [$R_{3-2-3} - R_{3-2-4}$]: *Нанесение морального ущерба достойным-Ж – неприемлемо. – Нанесение ущерба ценностям и морали – неприемлемо. Внеположность.*

Горизонтальные взаимоотношения между ретушными узлами фрейма

Уровень 2. [$\neg S - R$]: *Нельзя следовать поведению самок-обезьян. – Надо становиться успешными женщинами*. Внеположность + Корреляция по полу.

Уровень 3. [$\neg S_1 - R_1$]: *Поведение самок-обезьян недостойно. – Надо следовать поведению успешных женщин*. Внеположность + Корреляция по полу.

Уровень 4. [$\neg S_2 - R_2$]: *Нельзя поощрять поведение бета-самцов. – Нужно стремиться к общению с успешными мужчинами*. Внеположность + Корреляция по полу.

Уровень 5. [$\neg S_3 - R_{3-1}$]: *Бета-самцы – это неудачники.– Поведение женщин как на сельском рынке бесперспективно*. Внеположность.

Уровень 5. [$\neg S_3 - R_{3-2}$]: *Бета-самцы – это неудачники.– Нельзя отказывать в сексе успешным мужчинам*. Противоположность по признаку (Свойству).

Уровень 5. [$R_{3-1} - R_{3-2}$]: *Поведение женщин как на сельском рынке [отказ] бесперспективно.– Нельзя отказывать в сексе успешным мужчинам*. Эквивалентность + Корреляция по признаку (Действия).

Уровень 6. [$R_{3-2-1} - R_{3-2-2}$]: *Отказ в сексе – только для неудачников.– Отказ в сексе – оскорбление для мужчины*. Переkreщивание + Корреляция по полу (Пациенса).

Уровень 6. [$R_{3-2-1} - R_{3-2-3}$]: *Отказ в сексе – только для неудачников.– Отказ в сексе – оскорбление для женщины*. Внеположность.

Уровень 6. [$R_{3-2-1} - R_{3-2-4}$]: *Отказ в сексе – только для неудачников.– Отказ в сексе – оскорбление идеи чувств*. Внеположность.

Уровень 6. [$R_{3-2-2} - R_{3-2-3}$]: *Отказ в сексе – оскорбление для мужчины.– Отказ в сексе – оскорбление для женщины*. Внеположность.

Уровень 6. [$R_{3-2-2} - R_{3-2-4}$]: *Отказ в сексе – оскорбление для мужчины.– Отказ в сексе – оскорбление идеи чувств*. Внеположность.

Уровень 6. [$R_{3-2-3} - R_{3-2-4}$]: *Отказ в сексе – оскорбление для женщины.* – *Отказ в сексе – оскорбление идеи чувств.* Внеположность.

Анализ горизонтальных отношений в рецептах и ретушах показывает, что совпадение имеет место на Уровне (5) [$R_{3-1} - R_{3-2}$] и на Уровне 6.

На Уровнях (2), (3) в рецептах Эквивалентность, в ретушах – Внеположность с корреляцией по полу.

Объяснение этому феномену мы связываем с тем, что в рецептах при названных несовпадениях присутствует признак «унисекс», а в ретушах — «маскулинность – фемининность» (Уровни (2), (3)). Это явление восходит к более общему принципу гипонимичности, где рецепты обеспечивают гипероним, а ретуши – гипонимы.

Заметим, что рассмотрение взаимоотношений во фрейме-аргументе между узлами одного уровня, но принадлежащими к разным ветвлениям (например, [$\neg S_3 - R_{3-1}$], [$\neg S_3 - R_{3-2}$]) обычно в аргументологической литературе не производится, поскольку они не считаются когерентными.

7. Полнота аргументирования

Анализируемый текст в аргументативном отношении представляет собой распространенную конструкцию – сложную структуру, отражаемую во фрейме. В ней присутствует как простая аргументация (с минимальным составом Тезис + Довод), так и сложная – с несколькими Тезисами или несколькими Доводами.

Стандартная картина построения структуры сложного аргумента достаточно полно описана в специальной литературе. Наиболее часто различают дивергентные и конвергентные аргументы. Первый тип предполагает наличие одного Довода + нескольких защищаемых Тезисов, второй – нескольких Доводов + одного защищаемого Тезиса.

Чаще всего встречаются второй тип структур. Причины нечастого применения дивергентной аргументации в литературе не описаны, но две из них мы попытаемся предложить здесь.

Первая причина – собственно аргументативная. Аргументация считается состоятельной, если Тезис защищается «объективно», т.е. в обыденном представлении – с разных позиций. Это предполагает наличие нескольких линий рассуждения, проще говоря – нескольких Доводов, чему дивергентная аргументация не отвечает по определению.

Вторая причина – логическая⁹. В логике высказываний считается, что из ложного высказывания может следовать все что угодно; иными словами, если Довод в дивергентном аргументе окажется ложным (или будет опровергнут), все Тезисы, которые он доказывает, также окажутся ложными (или опровергнутыми). Поэтому дивергентная структура – достаточно рискованный с точки зрения доказательности тип аргументации.

В конвергентном типе сложный аргумент (с несколькими Доводами), можно разделить по структурному признаку на множественную (где Доводы семантически не связаны друг с другом) и составную (координативную) аргументации. Составная аргументация, в свою очередь, делится на сочинительную и подчинительную (например, цепочечная – последовательное подчинение, когда Тезис одного аргумента становится Доводом для последующего) [Eemeren, Grootendorst 1992; Henkemans 1997; Сушенцова 2013].

Аргументацию текста можно представить в виде Аргументативного Макро-Хода, состоящего из ряда Аргументативных Ходов, которые, содержат Аргументативные Шаги. Шаг обычно имеет структуру простой (единичной) аргументации: один Довод в поддержку Тезиса. Но, как указывалось выше, при анализе аргументативных структур в естественно-языковых текстах встречаются случаи, когда в аргументе при одном Тезисе имеется несколько Доводов на уровне Шага – это Супер-Шаг [Касьянова 2008].

⁹ Специальные исследования демонстрируют то, что современная теория аргументации зародилась в недрах логики – см. [Васильев 1994; Eemeren et al. 1996].

Так как мы уже установили текстовый фрейм, который, как уже ясно, является аргументативным, считаем возможным провести анализ аргументации в нем. При этом отличительной чертой, определяющей новизну такого анализа по сравнению с подходом, обычно используемым в калужской школе лингвистической аргументологии, будет принятие на вооружение принципа отказа от обязательной синтагматичности анализа. Т.е. анализ, который в названной школе традиционно проводится методом восхождения от минимальных аргументов к макроаргументам, заменяется (или сочетается с) анализом обратного плана, сверху вниз. Объяснить это можно тем, что, как отмечалось, в условиях наличия уже готового фрейма нет необходимости составлять аргументативный фрейм-макроход на основе каждого из имеющихся в тексте аргументов (при анализе «снизу вверх» недопустимо потерять какие-либо аргументативные структуры с нижестоящих уровней, так как учитывается вклад каждого аргумента в общую семантику макрохода; при обратном движении незначительные потери, конечно, возможны, но они не влияют на общую картину аргументативного фрейма).

Оба вида анализа вполне предполагают не только структурное представление аргументов с выявлением в них Доводов и Тезисов, но и их функционально-семантическое наполнение, что полностью отвечает идее субстанционального уровня. Семантические функции Тезисов представлены, вслед за [Васильев, Назарчук 2013] в виде декларативных, классификационных, оценочных, акциональных.

Семантические функции Данных даны в двух разновидностях – факта и мнения. Основания¹⁰ по семантике разделяются на Основания Каузации (собственно каузация как физическая причина, ЛДгическая каузация,

¹⁰ Предлагаемая классификация Оснований отличается от изложенной в [Васильев, Назарчук 2013] – здесь дается более подробный ее вариант, со спецификацией семантических функций (приведены в скобках).

признак, корреляция), Группировки (обобщение, экзemplификация), Сопоставления (аналогия, пример), Авторитета, Мотивации.

Уровень (0 – 1).

Рецепт. Аргумент: «доказанное мнение Р верно, потому что его опровержение Q (*можно долго испытывать терпение человека*) неверно». Тезис – Оценочный; Данные – Мнение, имплицитное Основание – (логическая) Каузация.

Ретушь. Аргумент: «Быстрый секс – это хорошо, потому что долго держать парня в конфетно-цветочном периоде – плохо». Тезис – Оценочный; Данные – Мнения; имплицитное Основание – Мотивация.

Аргумент нераспространенный, минимальный.

Далее будем рассматривать аргументы отдельно по линиям (ветвлениям) S и R.

Уровень (1 – 2). S.

Рецепт. Аргумент: «Неверно, что Q (*можно долго испытывать терпение человека*), потому что нельзя следовать отрицательному поведению». Тезис – Оценочный; Данные – Мнения; имплицитное Основание – Мотивации.

Ретушь. Аргумент: «Долго держать парня в конфетно-цветочном периоде – плохо, потому что нельзя следовать поведению обезьян-самок». Тезис – Оценочный; Данные – Мнения; имплицитное Основание – Мотивации.

Уровень (2 – 3) S.

Рецепт. Аргумент: «Преследование недостойной цели – неприемлемо, потому что недостойное поведение в целом неприемлемо». Тезис – Оценочный; Данные – Мнение; имплицитное Основание – Группировки.

Ретушь. Аргумент: «Нельзя следовать поведению самок-обезьян, потому что поведение самок-обезьян недостойно». Тезис – Оценочный; Данные – Мнения; имплицитное Основание – Группировка.

Уровень (3 – 4) S.

Рецепт. Аргумент: «Недостойное поведение в целом неприемлемо, потому что достойное поведение в отношении определенной группы отрицательных субъектов – неприемлемо». Тезис – Оценочный; Данные – Мнение, имплицитное Основание – Мотивация.

Ретушь. Аргумент: «Поведение самок-обезьян недостойно, потому что нельзя поощрять бета-самцов». Тезис – Оценочный; Данные – Мнение; имплицитное Основание – Мотивация.

Уровень (4 – 5) S.

Рецепт. Аргумент: «Достойное поведение в отношении определенной группы отрицательных субъектов – неприемлемо, поскольку существуют социально непрестижные субъекты». Тезис – Оценочный; Данные – Факт, имплицитное Основание – Каузация.

Ретушь. Аргумент: «Нельзя поощрять бета-самцов, потому что бета-самцы – неудачники». Тезис – Оценочный; Данные – Факт, имплицитное Основание – Каузация.

Все аргументы этого ветвления текстового аргумента – нераспространенные, поскольку второй Довод (Основание) в них имплицитный.

Уровень (1 – 2). R.

Рецепт. Аргумент: «Неверно, что Q (*можно долго испытывать терпение человека*), потому что преследование достойной цели – приемлемо». Тезис – Декларативный; Данные – Мнения; имплицитное Основание – Мотивация.

Ретушь. Аргумент: «Долго держать парня в конфетно-цветочном периоде – плохо, потому что надо становиться успешными женщинами». Тезис – Оценочный; Данные – Мнения; имплицитное Основание – Авторитета («успешные женщины никогда так не поступают»).

Уровень (2 – 3). R.

Рецепт. Аргумент: «Преследование достойной цели – приемлемо, потому что следование поведению достойных – правильно». Тезис – Оценочный; Данные – Мнения; имплицитное Основание – Мотивация.

Ретушь. Аргумент: «Надо становиться успешными женщинами, поскольку надо следовать поведению успешных женщин». Тезис – Акциональный; Данные – Мнения; имплицитное Основание – Мотивация.

Уровень (3 – 4). R.

Рецепт. Аргумент: «Следование поведению достойных – правильно, поскольку общение с достойными – правильно». Тезис – Оценочный; Данные – Мнения; имплицитное Основание – Мотивации+Группировки (речь идет об общении достойных с достойными).

Ретушь. Аргумент: «Надо следовать поведению успешных женщин, поскольку нужно стремиться к общению с успешными мужчинами». Тезис – Акциональный; Данные – Мнения; имплицитное Основание – Мотивации+Группировки («такие женщины общаются с такими мужчинами»).

Уровень (4 – 5). R.

Рецепт. Аргумент: «Общение с достойными – правильно, поскольку участие в ситуациях, где люди ведут себя недостойно – неприемлемо». Тезис – Оценочный; Данные – Мнения; имплицитное Основание – Мотивации.

Ретушь. Аргумент: «Нужно стремиться к общению с успешными мужчинами, потому что поведение как на сельском рынке бесперспективно». Тезис – Оценочный, Данные – Мнения, имплицитное Основание – Мотивация.

Уровень (4 – 5). R.

Рецепт. Аргумент: «Общение с достойными – правильно, поскольку поведение, наносящее ущерб достойным – неприемлемо». Тезис – Оценочный, Данные – Мнения, имплицитное Основание – Мотивация.

Ретушь. Аргумент: «Нужно стремиться к общению с успешными мужчинами, потому что нельзя отказывать в сексе успешным мужчинам».

Тезис – Акциональный; Данные – Мнения; имплицитное Основание – Каузация (признак: «отказ в сексе означает разрыв общения»).

Уровень (5 – 6) R₃₋₂₋₃₋₂₋₁.

Рецепт. Аргумент: «Поведение, наносящее ущерб достойным – неприемлемо, поскольку достойное поведение по отношению к недостойным – неприемлемо». Тезис – Оценочный, Данные – Мнения, имплицитное Основание – (логическая) Каузация.

Ретушь: Аргумент: «Нельзя отказывать в сексе успешным мужчинам, потому что отказ в сексе – только для неудачников». Тезис – Оценочный, Данные – Мнения, имплицитное Основание – Группировка (экземплификация).

Уровень (5 – 6) R₃₋₂₋₃₋₂₋₂.

Рецепт. Аргумент: «Поведение, наносящее ущерб достойным – неприемлемо, поскольку нанесение морального ущерба достойным лицам – неприемлемо». Тезис – Оценочный, Данные – Мнения, имплицитное Основание – Группировка (экземплификация).

Ретушь: Аргумент: «Нельзя отказывать в сексе успешным мужчинам, потому что отказ в сексе – оскорбление для мужчины». Тезис – Оценочный, Данные – Мнения, имплицитное Основание – Группировка (экземплификация).

Уровень (5 – 6) R₃₋₂₋₃₋₂₋₃.

Рецепт. Аргумент: «Поведение, наносящее ущерб достойным – неприемлемо, поскольку нанесение морального ущерба достойным – неприемлемо». Тезис – Оценочный, Данные – Мнения, имплицитное Основание – Сопоставление.

Ретушь: Аргумент: «Нельзя отказывать в сексе успешным мужчинам, потому что отказ в сексе – оскорбление для женщины». Тезис – Оценочный, Данные – Мнения, имплицитное Основание – Сопоставление.

Уровень (5 – 6) R₃₋₂₋₃₋₂₋₄.

Рецепт. Аргумент: «Поведение, наносящее ущерб достойным – неприемлемо, поскольку нанесение ущерба ценностям и морали неприемлемо». Тезис – Оценочный, Данные – Мнения, имплицитное Основание – Авторитета.

Ретушь: Аргумент: «Нельзя отказывать в сексе успешным мужчинам, потому что отказ в сексе – оскорбление идеи чувств». Тезис – Оценочный, Данные – Мнения, имплицитное Основание – Авторитета.

Все аргументы этого ветвления текстового аргумента – так же нераспространенные, поскольку Основания в них имплицитные.

В ходе анализа было выявлено, что планы содержания рецептных топосов и их ретушных интерпретаций могут различаться. Это различие касается аргументативных элементов Основание и Тезис. Это удобнее изобразить в табличной форме.

Уровень аргумента	Аргументативный элемент	Семантическая функция	
		Рецепт	Ретушь
(1 – 2) R	Тезис	Декларативный	Оценочный
(2 – 3) R	Тезис	Оценочный	Акциональный
(3 – 4) R	Тезис	Оценочный	Акциональный
(4 – 5) R	Основание	Мотивации	Каузация (признак)
(5 – 6) R	Основание	Каузация (логическая)	Группировка (экземплификация)
(5 – 6) R	Основание	Группировка (экземплификация)	Мотивация

Таблица 4. Различия в аргументативной семантике рецептов и ретушей

Несовпадения рецептов и ретушей в Тезисах теоретически объясняется тем, что оценка и действие часто находятся в отношениях обусловливания: если мы производим оценку феномена, мы предлагаем шаги по его коррекции в нужную сторону (например, акциональную синтагматическую триаду в современной западной риторике «факт – оценка – действие»).

В расхождении функциональной семантики в Основаниях также можно усмотреть отношения ЛДгического следования: если сопоставляются феномены, то это может послужить мотивом для оценки в Тезисе.

2.2.4.1.2. Иные дискурсные характеристики

Дискурсные характеристики текста включают помимо черт ЯЛ набор топосных признаков, используемых при речевом воздействии коммуникативных установок Актора.

В анализируемом тексте предлагается манипулятивная (по представлениям его автора) последовательность высказываний, предположительно ведущая к успеху соблазнения. Проанализируем текст и установим в нем топосы.

Общим текстовым процедурным (макро-структурным) топосом является разделительный силлогизм. Вторым по значимости демонстрационным топосом следует признать аналогию.

Основной аналогией является параллель «поведение обезьян – поведение людей».

Манипулятивным механизмом является вывод с петлеобразным движением рассуждения от Общего к Частному. Манипулятивность заключается в том, что рассказывается о девушке «чем-то похожей» на Адресата с подтекстом «вы принадлежите к одной общности». В действительности делается логически неправомерное умозаключение от Частного (упомянутой девушки) к Общему (сходству девушки и ей подобных с Адресатом – «мы с тобой одной крови»), а затем от сформированного таким способом Общего – к Частному (Адресату). Вторая черта манипулятивности состоит в подмене источника, представляемого в качестве авторитета: Актер рассуждает как бы от имени упомянутой девушки, а на самом деле приводит свои личные доводы.

Основная интенция текста – склонить Адресата к быстрому сексу.

Важная макроуровневая идея – «поведение самок-обезьян недостойно» с выводом «девушкам нельзя следовать поведению обезьян-самок». Данный вывод (при всей очевидной его обыденной правильности) не следует из рассуждения. Примером ущербности этого рассуждения служит вполне

достойная уважения забота о детях/детенышах, гармоническая иерархия в семье/стае, обеспечивающая ее комфортное существования. Тем не менее, именно такое ЛДжное ЛДгическое умозаключение кладется в основу речевоздействия-соблазнения.¹¹

Во-вторых, Актор непоследователен: с одной стороны, он говорит о нецелесообразности копирования поведения самок и бета-самцов, а с другой симпатизирует поведению альфа-самцов, поэтому возникает амбивалентный топос «поведению обезьян *и* не следует, *и* следует подражать».

Стратегии РВ.

Они даны в четкой последовательности, так как текст построен рационально, не хаотично. Обратим внимание, что стратегии не модифицируются, так как общение является монологическим и продуманным, не предполагающим какую-либо активную обратную связь. Коммуникативное преимущество говорящего превращается в тотальное использование сильной позиции; сильная позиция определяется двумя факторами.

Первый – это базисные (исходные) факторы; сюда можно отнести статусные характеристики Актора, задаваемые его ролевой позицией, определяющей инициативность и набор и последовательность используемых тактик и топосов.

Второй – это производные (возникающие) факторы. К ним относятся опоры на уже выданную информацию и произведенное РВ – использование этоса, ЛДгоса (исходных и сформированных в процессе общения оценок и мнений, взаимоотношений, знаний), пафоса (исходных и сформированных эмоций).

Необходимо обратить внимание на выдвинутое Е.Л. Доценко [1997:153-155] положение о том, что эффективность манипулятивного

¹¹ В случае данного текста сложно говорить о манипулировании. В чистом понимании термина, манипулирование здесь отсутствует, потому что при манипулировании Адресат не должен догадываться о цели Отправителя, а в тексте цель не скрывается и называется косвенно – на основе речевоздействующего топоса «поступай как нормальные люди».

воздействия возможна лишь при наличии «внутренней разрешающей санкции», которая дается потому, что в качестве мишеней задействуются определенные мотивирующие структуры. Из выделяемых автором трех способов управления мотивационными предпочтениями человека остановимся на том, которое применимо к анализируемому тексту – на мотивационном опосредствовании (разновидности эмоционального переключения). Представляется, что такое переключение создает параллельные глобальные топосы десигнативного плана.

По отношению к нашему материалу можно выделить три разновидности названного переключения с соответствующим формированием десигнативных топосов, не эксплицированных в тексте.

Во-первых, это сдвиг побудительной силы мотива на цель действия: «быстрый секс с Актором (элитным мужчиной) укрепит твою самооценку, так как Актор предпочитает лучших девушек».

Во-вторых, это (а) изменение побудительной силы – путем изменения ценности мотива: «не будь маленькой/ханжой/неискренней с собой»; (б) изменение цены его достижения: «затягивание с сексом может привести к потере элитного мужчины, так как он востребован у других».

В-третьих, это изменение побудительной силы мотива в результате когнитивной обработки информации – (а) путем оценки вероятности достижения желаемого результата: «если другие это делают и очень довольны, то и тебе понравится»; (б) путем приведения к умозаключению: «если согласишься, то будем продолжать отношения, так как ты умная и современная».

Итак, можно выделить следующие **стратегии**, используемые в тексте.

А. Создание благоприятной обстановки для принятия сообщения (1 абз.).

Б. Стратегия обоснования основной идеи (2 – 3 абз.).

В. Стратегия эффективного изложения вывода (4 – 8 абз.).

Г. Стратегия подчеркивания преимуществ вывода (9 абз.).

Стратегия А может быть соотнесена со стратегией манипулирования. Параметры такого манипулирования создаются использованием не-языковых коммуникативных тактик.

Тактика использования физических и культурно-социальных условий: это ночной клуб, и условия здесь не создаются, а используются, так как люди приходят сюда с целью познакомиться для дальнейшего развития отношений, включая интимные.

Тактика использования социального контекста: это стандартная ситуация «съема» в ночном клубе: коммуникативные роли Актора и Адресата между участниками распределены, статусные не существенны; стиль поведения определяется социально-ролевыми предписаниями соблазняющего и соблазняемой; правила и нормы общения в целом отвечают принципу подстраивания друг под друга.

Актор, выполняя манипулятивные функции, осуществляет подготовку воздействия – повысить вызов нужных реакций у Адресата; для этого он использует отсутствие помех в беседе и полноту воздействия на Адресата (см.: [Доценко 1997:121]).

Коммуникативные установки, тактики РВ и топосы.

Топосы отличаются от тактик тем, что они более подробно описывают содержание высказывания: если тактика может реализовываться на протяжении нескольких предложений (например, в развернутом комплименте), то (локальный) топос обычно связан с пропозициональным и интенциональным содержанием предложений / высказываний, входящих в тактику. При этом для каждого топоса можно выделить свои установки, которые подчиняются общей установке эпизода общения.

Можно выделить следующие коммуникативные установки Актора с использованием частных топосов:

- 1) на описываемую реальную и мнимую действительность/ситуацию/контекст/ мнение;
- 2) на компоненты текущей коммуникативной ситуации:

- (2а) на языковые особенности сообщения;
- (2б) на особенности текущей ситуации/контекста;
- (2в) на участников общения в целом: на непосредственных, опосредованных и косвенных участников, а также на характеризуемых косвенных участников (Актора и Адресатов);

3) на содержательные аспекты участников общения:

(3а) этосные (положение в обществе; авторитет; нравственность);

(3б) ЛДгосные:

(3б-1) статальный аспект участника: на энциклопедические знания, на языковые знания, на профессиональные знания;

(3б-2) процедурный аспект участника: на формирование и на реализацию знаний (know how);

(3в) пафосные:

(3в-1) статальный аспект участника: на исходные эмоции (и эмоциональный фон) и ценности; на результирующие эмоции;

(3в-2) процедурный аспект участника: на возникающие эмоции.

Макроустановкой текста является установка на Адресата; ее содержательный аспект определяется намерением «склонить Адресата к быстрому сексу».

Специфика текстовых коммуникативных установок связана со следующими частными топосами.

(1) Описываемыми ситуациями: (1а) поведение обезьян-самок в стае; (1б) поиск лучших продуктов на сельском рынке как аналог поиска лучшего мужчины.

(2) Характеристиками Актора и Адресата. Актор проявляет себя как соблазнитель, стремящийся к установлению быстрых и одноразовых сексуальных отношений с Адресатом. Адресат – девушка достаточно свободных нравственных ориентиров, которая не прочь завязать подобную интрижку, но стремящаяся для сохранения собственного лица придать этому необходимый антураж в плане соблюдения временных приличий. Хронотоп

– ночной клуб (ни кафе, ни тусовка для данного текста автором не маркированы).

Рассмотрим тактики и топосы, используемые в монологе Актора, а также установки на (3) Содержательные аспекты участников общения.

А. Стратегия создания благоприятной обстановки для принятия сообщения

А-1. Тактика Оптимизации общения при тематизации.

Топос А-1-1. Личностная активация и интимизация (*ты знаешь, у меня; похожа на тебя*). В [Доценко 1997: 125–128] это описывается как установление контакта в форме присоединения. Присоединение выполняет важнейшую функцию тресспассинга в межличностном пространстве коммуникантов: взамен психологических индивидуально-личностных появляются некие общие поля с образованием в них «ничейных» зон (но при сохранении индивидуальных). Поэтому «полного объединения практически никогда не бывает, поэтому дистанция существует всегда» [Доценко 1997: 130]. Установки: на сообщение (привлечение внимания); на непосредственных участников общения: содержательно – на Актора (этосная); в целом – на Адресата (фатика – привлечение внимания).

Топос А-1-2. Стандартизация эпизода – отвлечение от текущей ситуации: неопределенность хронотопа (*некоторое время назад; в одном из городов*). Установки: на ситуацию (прошлое событие).

Топос А-1-3. Высвечивание идеи для обсуждения (интересная [языковой сигнал высвечивания/привлечения внимания] *мысль: девушка должна долго держать парня в конфетно-цветочном периоде, чтобы ее ценность в его глазах была выше*). Установки: на описываемую действительность; на языковые особенности сообщения; на Адресата (этосная – нравственность; пафосная – на эмоциональный фон).

Б. Стратегия обоснования основной идеи

Б-1. Тактика Информирования о показательной ситуации (ситуация 1а).

Топос Б-1-1. Обращение к авторитету (*разговор с человеком, который хорошо разбирается в этологии*). Установки: на ситуацию (контекст, в котором проходило общение); на косвенного актора и его этос (авторитет), ЛДгос (его профессиональные знания).

Топос Б-1-2. Приведение примера (*у обезьян около 70% детенышей в стаде – это дети альфа-самцов, которых воспитывают бета-самцы (...) потому что самки их за это поощряют спариванием...*). Установка: на описываемую действительность. Ошибка «непоказательность примера» для РВ: (1) в качестве примера берутся низшие приматы, а не более близкородственные человеку высшие; (2) высшие приматы (за исключением горилл), а тем более люди не живут стаями.

Топос Б-1-3. Изложение настоятельности физиологической потребности (*спариванием, которого иногда надо ждать неделями или месяцами*). Установки: на описываемую действительность; косвенно – на пафос Адресата (его эмоциональный фон – к жалости (*ad misericordiam*)).

Топос Б-1-4. Интимизация общения (*ты знаешь; а знаешь, почему они это делают?*). Установка на Адресата как участника общения в целом (фатическая структура – поддержание контакта).

Топос Б-1-5. Изложение выгоды (*Альфа никогда не стоит в очереди на секс, у него есть целая стая самок ... у него столько секса, сколько он хочет*). Установки: на описываемую действительность; на Адресата (пафос – возникающие эмоции). Ошибка «игнорирование ценностей»: для женщин полигамность не обязательно является выгодой.

Топос Б-1-6. Обоснование выгоды: лучший заслуживает лучшего (*потому что он лидер и лучший мужчина в этом окружении*). Установки: на описываемую действительность; косвенно – на участников общения: на себя, Актора (этосная – положение в обществе). Ошибка «недостаточность основания»: говорится лишь об одном преимуществе лучшего животного, которое не обязательно столь же значимо для человека.

В. Стратегия эффективного изложения вывода

В-1. Тактика Изложения положительного результата общения.

Топос В-1-1. Доказывание обоснованности будущего вывода (*у нас состоялся длительный разговор на эту тему*). Установки: на описываемую действительность; на ЛДгосные аспекты косвенных характеризуемых участников (описываемой ситуации) – на энциклопедические знания. Ошибка «подмены понятий»: *длительный* не означает *обдуманный и компетентный*.

Топос В-1-2. Лесть в адрес Адресата (*серьезное открытие*) – с механизмом аналогии («сделала открытие похожая на тебя девушка, значит открытие сделаешь и ты»). Установки: на характеризуемого актора; на Адресата (логосная – формирование энциклопедических знаний).

Топос В-1-3. Разрядка атмосферы (*мужчины недалеко ушли от обезьян (говорим с улыбкой)*). Установки: на непосредственных участников общения на Актора (этосная – нравственность) и Адресата (пафосная – эмоциональный фон).

Топос В-1-4. Изложение выгоды (*успешные, состоявшиеся по жизни мужчины окружены большим количеством людей, у которых все хорошо по жизни*) (скрытая – *Стремись к успешным – это тоже успех*). Установки: на описываемую действительность; на Адресата (логосная – формирование энциклопедических знаний).

Топос В-1-5 . Общее – Частное (*в кругу людей, у которых все хорошо по жизни, много красивых и успешных женщин*). Установки: на описываемую действительность; на Адресата (логосная – формирование энциклопедических знаний).

Топос В-1-6. Пресуппонирующее ингерентной черты (*те женщины, которые общаются с успешными людьми, сами успешны; успешные женщины ценят мужчин за их достижения*). Скрытая – от Общего к Частному (*если ценят за достижения, то и за достижения в сексе*).

Установки: на описываемое собственное мнение; на Адресата (логосная – энциклопедические знания).

В-2. Тактика Наглядности (ситуация 1б).

Топос В-2-1. Сравнение (*общение между мужчинами и женщинами – это как сельский рынок*). Установки: на описываемое собственное мнение; на Адресата: ЛДгосные – формирование энциклопедических знаний; пафосные – возникающие эмоции. Ошибка: подмена Общего (общение любое) Частным (общение интимное).

Топос В-2-2. Эксплицирование последствий дефицита (*если по рынку долго ходить и остаться до самого вечера, то останутся не самые лучшие продукты или их не останется вовсе*). Установка: на Адресата (логосная – формирование энциклопедических знаний)

Топос В-2-3. Пагубность промедления – на основе сравнения Б-1.4 (*если долго ждать, то будет мужчина класса «третий сорт не брак»*). Установка на Адресата («никто не хочет бракованного товара») – ЛДгосная (энциклопедические знания «третий сорт – это некачественный товар»), пафосная – на возникающие эмоции «третий сорт – это непрестижно и унижительно»). Ошибка: неправомерность сравнения – сравниваются не существенные признаки, а, в основном, внешние.

В-3. Тактика Экспликации преимуществ хорошего.

Топос В-3-1. Рациональная самооценка мужчины (*нормальный мужчина привык к тому, что женщины в нем заинтересованы, в том числе сексуально*). Установки: на себя-Актора (логосная – описываемое собственное мнение; на Адресата (логосная – формирование энциклопедических знаний). Ошибка: подмена понятий – выше шла речь об успешных мужчинах, здесь – о нормальных (неопределенность понятия).

Топос В-3-2. Подчеркивание элитарности (*ведь размножения достойны в первую очередь альфы; и если он увидит женщину, которая ведет себя не так, то он просто решает, что с ней что-то не в порядке, и идет дальше*). Установки: на себя, Актора (этосная – положение в обществе);

на Адресата (пафосная – создание эмоционального фона). Ошибка: подмена понятий: (а) *с ней что-то не в порядке* вводится не-фактивным предикатом мнения *решает*, а имплицитруется фактитивность; (б) сексуальная заинтересованность – норма поведения: *если ... женщина ... ведет себя не так, ... с ней что-то не в порядке*.

Топос В-3-3. Целенаправленное преобразование информации – умолчание и избирательная подача материала: (а) сокрытие системности / баланса отношений в стае, позволяющей ей благополучно существовать; (б) сведение информации о жизни обезьян только к сексуальным отношениям. Установки: на Адресата (логосная – формирование энциклопедических знаний).

Топос В-3-4. Косвенный рациональный вывод: «выбирай сильного ← сильный уверен в себе и не стеснителен ← сильный сам себя предлагает». Установки: на себя-Актора (этосная – положение в обществе); на Адресата (логосная – формирование энциклопедических знаний путем ЛДгического вывода). Ошибка: ограниченность воздействия – касается только Адресата, ориентированного на сексуальные отношения: иные не эксплицируются.

В-4. Тактика Экспликации недостатков плохого.

Топос В-4-1. Принижение целомудренности путем возвышения элитарности (*привязать к себе отказом в сексе можно только слабого самца*): для престижных мужчин не должно быть отказов. Установки: на себя-Актора (этосная – положение в обществе); на Адресата (логосная – формирование энциклопедических знаний). Ошибка: подмена понятий – от животных к человеку.

Топос В-4-2. Отрицание ценности любви (*только у бет [читай: слабых, недостойных] есть понятие любви и привязанности*). Установка: на описываемую действительность. Ошибка: подмена понятий – смешение любви и привязанности со слабостью.

Топос В-4-3. Отрицание ценности семьи (*потому как это чувство специально воспитано у них, чтобы выкармливать потомство*). Установка

на Адресата (этическая: нравственность). Ошибочность этой тактики (подмены ценностей) для русской культуры очевидна: для последней ценность семьи находится на верхних ярусах иерархии.

Топос В-4-4. Целенаправленное преобразование информации – изменение семантического полюса: «если секс с лучшими – это хорошо, то секс с худшими – это плохо». Установки: на себя-Актера (этическая – положение в обществе); на Адресата (этическая – ценности («хорошее – это хорошо, плохое – плохо»)).

Г. Стратегия подчеркивания преимуществ вывода

Г-1. Тактика Апеллирования к разумным эмоциям (подумай над следующей мыслью).

Топос Г-1-1. Экспликации недостойности поведения, идущего вразрез с чувствами (*когда ты хочешь мужчину и не занимаешься с ним сексом, ... ты оскорбляешь женщину в себе; ты оскорбляешь мужчину, потому как вытягиваешь из него ресурсы, предоставляя в ответ только иллюзии; ты оскорбляешь саму идею чувств, если им могут помешать догмы*). Установки: на языковые особенности сообщения (использован риторический прием тройного повтора); на Адресата (логосная – формирование энциклопедических знаний; пафосная – на исходные эмоции). Ошибки: (а) подмены понятий «убеждения» – «догмы»; (б) абсолютизация разведения рационального (убеждений) и эмоционального (чувств).

Топос Г-1-2. Возвеличивание призвания женщины (*женщина живет для того, чтобы чувствовать эмоции и дарить эмоции другим*). Установка на Адресата (пафосная – на ценности). Ошибка: Частное вместо Общего (призвание женщины существенно сужено).

2.2.4.2. Дискурсивные характеристики монолога субжанра Обольщение

2.2.4.2.1. Экспонентный и субстанциональный уровни

Текст для анализа

Да, ты уже общаешься со мной некоторое время. и чем больше мы общаемся, тем больше ты понимаешь, что я не очень похож на других парней. Это тебя и притягивает, и немного пугает, я понимаю. Но чем больше это противоречие живет в тебе, тем больше ты про меня думаешь, а чем больше ты про меня думаешь, тем больше хочешь быть со мною рядом, придумывая совершенно бредовые поводы, чтобы увидеть меня хотя бы на минутку. Но я предостерегаю тебя: все отношения с девушками складываются так, что они в меня безумно влюбляются, и происходит это потому, что начинают сравнивать меня с другими и понимать невероятную разницу.

Интересно, как это, жить с мыслью, что лучший мужчина в твоей жизни никогда не будет твоим, потому что ты не решаешься сделать тот самый шаг, который влечет тебя к вершинам тех эмоций, которые ты не испытывала никогда и нигде, когда ты понимаешь, что чем больше опасаясь, тем с большей скоростью упадешь в зов упругого пьянящего экстаза, уносящего нас ввысь.

И тебе надо сделать только первый шаг, который не только простой, но даже проще, чем все на свете: в тот момент, когда ты будешь готова, просто закрыть глаза, прижаться ко мне, и сказать: я вся твоя, без остатка, навсегда ... И может быть, тот самый знак, который запустит все это, происходит прямо сейчас, здесь, надо просто посмотреть и увидеть его внутри себя? Сейчас и здесь начать свое самое замечательное приключение в жизни, лучше которого у тебя не было и, может быть, никогда не будет?

Данный текст выбран для анализа по причине его компактности и соответствия основным характеристикам Обольщения; в этом суб-жанре, в отличие от Соблазнения, отсутствует выраженная сексуальная ориентация; можно усмотреть лишь ее косвенное присутствие, но оно непосредственно связано с холистичным представлением о любовных отношениях (ср. *я вся твоя, без остатка, навсегда* в последнем абзаце текста).

Как и в предыдущем разделе, рассмотрение начнем с анализа экспонентного и субстанционального уровней ЯЛ автора текста.

Экспонентный уровень.

1. Типы предикатов.

Предикаты аудиальности: *общаешься; предостерегаю; сказать* (2 экземпляра в разных морфологических вариантах) (4 случая).

Предикаты визуальности: *похож; увидеть; посмотреть* (2 экземпляра), (4 случая).

Предикаты кинестетичности: *прижаться; закрыть (глаза)* (2 случая).

Предикаты рациональности: *понимаешь* (3 экземпляра в разных морфологических вариантах); *притягивает; думаешь* (3 экземпляра в разных лексико-морфологических вариантах) *пугает; опасаясь; влечет* (10 случаев)

Неклассифицированные остатки: *складываются; происходит* (2 экземпляра); *жить; быть; сделать; упадешь; уносящего; сделать; испытывала; запустит; готова; начать* (2 экземпляра в разных морфологических вариантах)

Судя по результатам анализа, перед нами преимущественно рациональная ЯЛ.

2. Соотношение субъектов и предикатов

Активные конструкции: *понимаешь; притягивает; пугает; понимаю; хочешь; придумывая; увидеть; предостерегаю; сравнивать; понимать; сделать* (2 экземпляра в разных морфологических вариантах); *влечет; испытывала; понимаешь; уносящего; закрыть; сказать; запустит; посмотреть; увидеть; начать* (2 экземпляра в разных морфологических вариантах) (23 случая).

Пассивные конструкции: в тексте не обнаружены.

Экзистенциальные конструкции: *складываются; происходит* (2 экземпляра в разных морфологических вариантах); *начинают; жить; быть* (4 экземпляра в разных морфологических вариантах) (9 случаев).

Неклассифицированные остатки: *общаешься, похож; думаешь; влюбляются; решаешься; опасаясь; упадешь; прижаться* (8 случаев).

По этому признаку (с причислением экзистенциальности к созерцательности) соотношение активности и созерцательности составило 23 случая к 9.

3. Предпочтение предикатов со значением действия/статальности.

Действие: *общаемся; упадешь; прижаться* (2 случая).

Действие-Процесс: *общаешься; предохраняю; сравнивать; сделать* (2 экземпляра в разных морфологических вариантах); *уносящего; закрыть; сказать; запустит* (10 случаев).

Экзистенциальность: *живет; складываются; происходит* (2 экземпляра в разных морфологических вариантах); *начинают* (2 экземпляра в разных морфологических вариантах); *жить; быть* (4 экземпляра в разных морфологических вариантах) (11 случаев).

Экспериментальность: *думаешь* (3 экземпляра в разных лексико-морфологических вариантах); *притягивает_п; влечет_п; пугает_п; понимаю* (2 экземпляра в разных морфологических вариантах); *хочешь_п; посмотреть; испытывала_п; решаешься; опасаясь_п; увидеть* (13 случаев).

Свойство: *похож* (1 случай).

По этому признаку предикатов акциональности (сюда мы отнесли предикаты экспериментального действия – они в примерах не маркированы) употреблено 20, предикатов статальности (с экспериментальными предикатами процесса – маркер ‘п’) – 16.

4. Распространенность предложений (пропозициональная) с установлением языковой черты [открытость/закрытость]

1 абзац.

Нераспространенные предложения.

Это тебя (и) притягивает: Эксп (Экспериментер + Объект);

Я <это> понимаю: Эксп (Экспериментер + Объект);

(Но) я предохраняю тебя: Д-Пр(а) (Агенс + Пациенс);

Распространенные предложения (распространители подчеркнуты).

Ты уже общаешься со мной некоторое время: Д-Пр(а) (Агенс + Пациенс);

(И) чем больше мы общаемся...: Д(а) (Агенс);

тем больше ты понимаешь (+ Объект в виде последующей сентенциональной структуры): Эксп (Экспериментер + Объект);

... я не очень похож на других парней: Св(б) (Дескриптив + Объект);
(это) тебя (и) немного пугает: Эксп (Экспериенцер + Объект);
(Но) чем больше это противоречие живет в тебе: Экз(б) (Объект +
Локатив);

тем больше ты про меня думаешь: Эксп (Экспериенцер + Объект);
(а) чем больше ты про меня думаешь: Эксп (Экспериенцер + Объект);
тем больше (ты) хочешь быть со мною рядом: Эксп¹² (Экспериенцер +
Объект);

(ты) придумывая совершенно бредовые поводы: Эксп (Экспериенцер +
Объект);

(ты) увидеть меня хотя бы на минутку: Эксп (Экспериенцер +
Объект);

Все отношения с девушками складываются так: Экз(а) (Объект);
они в меня безумно влюбляются: Эксп (Экспериенцер + Объект);
происходит это потому: Экз(а) (Объект);
<они> начинают сравнивать меня с другими: Д-Пр(а)¹³ (Агенс +
Пациенс);

<они> начинают понимать невероятную разницу: Эксп (Экспериенцер
+ Объект);

2 абзац.

Нераспространенные предложения.

ты понимаешь: (Экспериенцер + Объект в виде последующей
полисентенциональной структуры).

Распространенные предложения.

<мне> Интересно как это, жить с мыслью: Эксп (<Экспериенцер> +
Объект в виде сентенциональной структуры);

¹² Если подходить более точно, это матричная предикатная структура с дочерним экзистенциальным предикатом: (ты) хочешь быть со мною рядом: Эксп + Предикат_{Эксп} (Предикат_{Экз} + Объект + ЛДк)

¹³ Уточнение: эта и следующая структуры – полипредикатные выражения с фазисным предикатом: (а) начинать (пропозиция (Д-Пр (Агенс + Пациенс))); (б) начинать (пропозиция) Эксп (Экспериенцер + Объект)

лучший мужчина в твоей жизни никогда не будет твоим: Св(б)
(Дескриптив + Объект);

ты не решаешься сделать тот самый шаг: Эксп (Эксп + Объект (Д
(Агенс + Пациенс));

<шаг> влечет тебя к вершинам тех эмоций: Эксп (Экспериенцер +
Объект);

<эмоции> ты не испытывала никогда и нигде: Эксп (Экспериенцер +
Объект);

чем больше <ты> опасаясь <шага>: Эксп (Экспериенцер +
Объект);

тем с большей скоростью <ты> упадешь в зов упругого пьянящего
экстаза: Д(б) (Агенс + Локатив);

<экстаза, > уносящего нас ввысь: Д-Пр(а) (Агенс + Пациенс);

3 абзац.

Нераспространенные предложения.

<тебе надо> прижаться ко мне: Д(б) (Агенс + Локатив);

<тебе надо> сказать (+ Объект в виде последующей
сентенциональной структуры): Д-Пр(а) (Агенс + Пациенс);

Распространенные предложения.

Тебе надо¹⁴ сделать только первый шаг: Д-Пр(а) (Агенс + Пациенс);

<шаг> не только простой: Св(а) (Дескриптив);

<шаг> проще, чем все на свете: Св(б) (Дескриптив + Объект);

в тот момент, когда ты будешь готова: Св(а) (Дескриптив);

<тебе надо> просто закрыть глаза: Д-Пр(а) (Агенс + Пациенс);

я вся твоя, без остатка, навсегда: Св(а) (Дескриптив);

тот самый знак... запустит все это: Д-Пр(а) (Агенс + Пациенс);

тот самый знак...происходит прямо сейчас, здесь: Экз(б) (Объект +
Локатив);

¹⁴ *Надо* – это модальный матричный предикат, задающий сложную пропозицию

<тебе> надо просто посмотреть: Эксп (<Экспериментер> + <Объект>);

<тебе> надо увидеть его внутри себя Эксп (<Экспериментер> + Объект);

<тебе надо> сейчас и здесь начать самое замечательное приключение в жизни: Д-Пр(а) (Агент + Пациент);

<приключение> лучше у тебя не было: Экз(б) (Объект + Локатив);

<приключение> лучше у тебя, может быть, никогда не будет: Экз(б) (Объект + Локатив).

5. Маркеры со значением вероятности, характеризующие наличие хезитивности в тексте

Установлено две манифестации одного и того же маркера: (а) *может быть (прямо сейчас)*; (б) *может быть (, никогда не будет)*. Этот маркер связан не с категоричностью собственно пропозиционального содержания высказываний, а с их хроносным аспектом. Доля хезитивности в тексте мала, что объясняется общей речевоздействующей интенцией последнего.

Субстанциональный уровень.

1. Объем референции языковых единиц

К конкретной лексике в тексте относятся: *ты; мы; я; это противоречие; лучший мужчина (=я); никогда; нигде; первый шаг; без остатка; навсегда; прямо сейчас; сейчас и здесь; свое самое замечательное приключение в жизни, лучше которого у тебя не было* (13случаев).

Абстрактная и референциально-нечеткая лексика: *некоторое время; чем больше ... тем больше; не очень похож; других парней; невероятную разницу; все отношения с девушками; безумно влюбляются; совершенно бредовые поводы; тот самый шаг (двусмысленность – признание в любви или готовность вступить в сексуальные отношения направленность на короткие или длительные отношения); в тот момент, когда ты будешь готова; эмоций, которые ты не испытывала; упругого пьянящего экстаза;*

проще, чем все на свете; тот самый знак, который запустит все это (14 случаев).

2. Детализация в описании ситуации

Она проявляется в описании следующих эпизодов: *общение Адресата с Актором* – показ существования и причин неудовлетворенности Адресата нынешней ситуацией; *отношения Актора с девушками* – демонстрация исключительности Актора и, соответственно, перспективности развития с ним отношений (2 случая).

Обобщенность описания: *сущность шага, который предстоит сделать Адресату и одновременно отказ называть его прямо* (вступление в любовные (предпочтительные для Адресата) или просто в малообязывающие краткосрочные сексуальные отношения (предпочтительные для Актора); *описание предполагаемых эмоций* (намек на секс или, напротив, на любовные отношения – без конкретных семантических опор для распознавания замысла) (2 случая).

По-видимому, высокая обобщенность соотносится как с высоким процентом использования референтно-нечеткой лексики в тексте, так и с общей интенцией, характерной для Обольщения – создание атмосферы завуалированности и таинственности, призванной заставить Адресата теряться в догадках относительно реальных параметров дальнейшего общения и перспектив длительности отношений.

3. Количество точек зрения на проблему

Из трех абзацев текста в первом имеется элемент би-топиковости (изложение противоречивости отношения Адресата к Актору и отношениям с ним) – остальной текст характеризуется моно-топиковостью.

4. Способ обоснования точки зрения – коммуникация (текст монологичен).

5. Нахождение когерирующего понятия текста (с построением фрейма).

Тематическая структура текста. Текст построен по модели Проблема – Решение.

ВВЕДЕНИЕ.

В. Импульс.

Упоминание об общем знакомстве. Это импульс-exordium, когерирующий дальнейшее изложение; по сути дела, этим Введение и заканчивается – поскольку текст явно представляет собой продолжение начатого разговора.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ.

О-1. Экспликация проблемы – 1 абзац.

О-1-1. Существо проблемной ситуации: *Противоречивость стремлений и действий Адресата.*

О-1-2. Существующий вред Адресату, который причиняет проблема: *Психологический дискомфорт.*

О-1-3. Причины возникновения существующего вреда: *Осмотрительность, мешающая развитию отношений с Актором.*

О-1-4. Вероятный последующий вред: *Безоглядная (и мучительная) любовь адресатов к Актору.*

О-1-5. Причины возникновения последующего вреда: *Кардинальное превосходство Актора над другими.*

О-2. Экспликация деталей проблемы и предлагаемое решение – 2 абзац.

О-2-1. Вред от возможного бездействия: *Безвозвратная потеря наилучшей возможности.*

О-2-2. Причина возможного нерешения проблемы: *Нерешительность Адресата.*

О-2-3. Преимущества предлагаемого решения: *Эмоциональный оптимум.*

О-3. Экспликация деталей предлагаемого решения. – 3 абзац.

О-3-1. Существование решения: *Осознанное признание и подчинение Актору.*

О-3-2. Своевременность реализации решения: *Не упустить нужный момент.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

3. Последствия принятия решения: *Обретение психологического комфорта.*

Анализируемый текст построен по речевоздействующему аргументативному принципу. Общий ход рассуждения Проблема – Решение: *Если/поскольку есть проблема, ее необходимо решить.* Рассуждение построено по схеме Modus Ponens:

$$\begin{array}{l} p \rightarrow q \text{ (Если } P, \text{ то } Q) \\ p \quad \text{(Имеет место } P) \\ \hline q \quad \text{(Следовательно, } Q) \end{array}$$

При этом компоненты p , q представляют собой сложные образования: для p используются тематический блок О-1 и подблоки О-2-1, О-2-2, а для q – подблок О-2-3 и блок О-3. Тем самым подблок О-2-3 представляет собой связующее звено между элементами аргумента, задающее его когерентность. Одновременно можно видеть, что авторское разбиение текста на абзацы не соответствует правильному его аргументационному разбиению.

Поскольку Обольщение – это явно речевоздействующий тип текста, речь идет об опровержении основной ценности – осмотрительности в любовных отношениях; эта ценность и имплицитруется как Проблема. Тем самым, строится обоснование ее отрицательных черт, а отсюда – имплицитное суждение $r \rightarrow s$ «S осмотрительность нежелательна, поскольку ведет к R (= О-1-2) психологическому дискомфорту». Обоснование этого суждения производится с помощью Доводов.

Фрейм всего текста представляет собой шестиуровневую структуру:

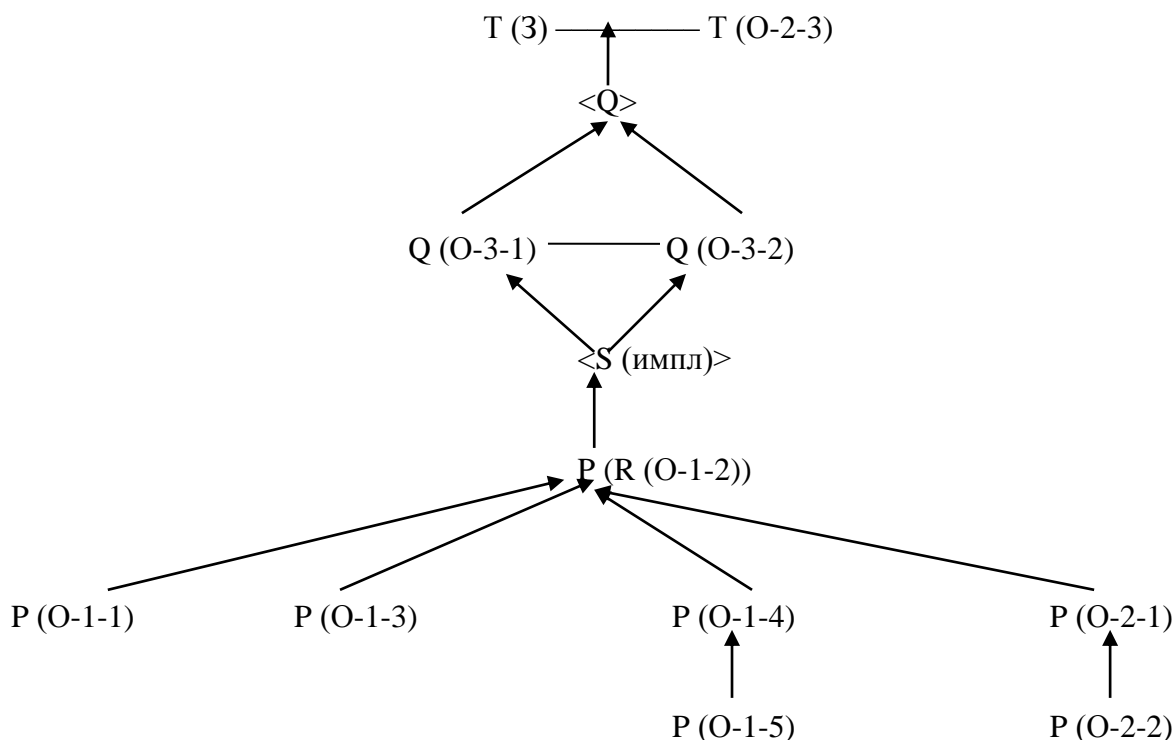

Рис. 7. Фрейм текста-Обольщения

6. Рецептно-ретушные топосные характеристики фрейма

Как и в случае с разбором Соблазнения фреймовые ретуши мы представляем не в буквальном, а в топосном варианте, как известные абстракции от их языковой манифестации. Этим подход, принимаемый в данном исследовании, отличается от большинства подходов в калужской лингво-аргументологической школе, где аргументы представлены в их буквальной манифестации.

<i>Фреймовые рецепты</i>	<i>Фреймовые ретуши</i>
T (3) (приемлемое решение _А)	<обретение психологического комфорта>
T (O-2-3) (приемлемое решение _Б)	Вершины неизведанных эмоций
Q (Решение проблемы)	<отказ от осмотрительности>

Фреймовые рецепты	Фреймовые ретуши
Q (O-3-1) существо решения	<i>Признание и осознанное подчинение Актору</i>
Q (O-3-2) своевременность решения	<i>Установление правильного момента принятия решения</i>
<S неприемлемость существования проблемы>	<i>< осмотрительность нежелательна ></i>
P (Проблема: вред) (R (O-1-2))	<i>Психологический дискомфорт</i>
P (O-1-1) существо проблемной ситуации	<i>Противоречивость стремлений и действий Адресата</i>
P (O-1-3) причины существующего вреда	<i>Осмотрительность, мешающая развитию отношений с Актором</i>
P (O-1-4)Вероятный последующий вред	<i>Безоглядная (и мучительная) любовь к Актору</i>
P (O-2-1) Вред от возможного бездействия	<i>Безвозвратная потеря наилучшей возможности</i>
P (O-1-5) Причины последующего вреда	<i>Кардинальное превосходство Актора над другими</i>
P (O-2-2) Причины возможного бездействия	<i>Нерешительность Адресата</i>

Таблица 5. Рецепты и ретуши в скрипте текста Обольщение

Вертикальные отношения между рецептными узлами фрейма

Уровни (0) – (1) [Т (3) – <Q>]: *Приемлемое решение_А – Решение проблемы. Явление – Сущность.*

Уровни (0) – (1) [Т (O-2-3) – <Q>]: *Приемлемое решение_Б – Решение проблемы. Явление – Сущность.*

Уровни (1) – (2) [<Q> – Q (O-3-1)]: *Решение проблемы. – Существо решения. Общее – Частное.*

Уровни (1) – (2) [<Q> – Q (O-3-2)]: *Решение проблемы. – Своевременность решения. Общее – Частное.*

Уровни (2) – (3) [Q (O-3-1) – <S>]: *Существо решения – Неприемлемость существования проблемы. Следствие – Причина.*

Уровни (2) – (3) [Q (O-3-2) – <S>]: *Своевременность решения. – Неприемлемость существования проблемы. Следствие – Причина.*

Уровни (3) – (4) [<S> – P (R (O-1-2))]: *Неприемлемость существования проблемы.– Проблема: вред. Следствие – Причина.*

Уровни (4) – (5) [P (R (O-1-2) – P (O-1-1))]: Проблема: вред. – Существо проблемной ситуации. Следствие – Причина.

Уровни (4) – (5) [P (R (O-1-2) – P (O-1-3))]: Проблема: вред. – Причины существующего вреда. Следствие – Причина.

Уровни (4) – (5) [P (R (O-1-2) – P (O-1-4))]: Проблема: вред. – Вероятный последующий вред. Общее – Частное.

Уровни (4) – (5) [P (R (O-1-2) – P (O-2-1))]: Проблема: вред. – Вред от возможного бездействия. Общее – Частное.

Уровни (5) – (6) [P (O-1-4) – P (O-1-5)]: Вероятный последующий вред. – Причины последующего вреда. Следствие – Причина.

Уровни (5) – (6) [P (O-2-1) – P (O-2-2)]: Вред от возможного бездействия. – Причины возможного бездействия. Следствие – Причина.

Вертикальные отношения между ретушными узлами

Уровни (0) – (1) [T (3) – <Q>]: <обретение психологического комфорта> – <отказ от осмотрительности> Следствие – Причина

Уровни (0) – (1) [T (O-2-3) – <Q>]: Вершины неизведанных эмоций – <отказ от осмотрительности> Следствие – Причина.

Уровни (1) – (2) [<Q> – Q (O-3-1)]: <отказ от осмотрительности> – Признание и осознанное подчинение Актору. Общее – Частное.

Уровни (1) – (2) [<Q> – Q (O-3-2)]: <отказ от осмотрительности> – Установление правильного момента принятия решения. Общее – Частное.

Уровни (2) – (3) [Q (O-3-1) – <S>]: Признание и осознанное подчинение Актору. – <Осмотрительность нежелательна>. Следствие – Причина.

Уровни (2) – (3) [Q (O-3-2) – <S>]: Установление правильного момента принятия решения. – <Осмотрительность нежелательна>. Следствие – Причина.

Уровни (3) – (4) [<S> – P (R (O-1-2))]: <Осмотрительность нежелательна>. – Психологический дискомфорт. Следствие – Причина.

Уровни (4) – (5) [P (R (O-1-2) – P (O-1-1]): *Психологический дискомфорт.– Противоречивость стремлений и действий Адресата. Сущность – Явление.*

Уровни (4) – (5) [P (R (O-1-2) – P (O-1-3]): *Психологический дискомфорт.– Осмотрительность, мешающая развитию отношений с Актором. Следствие – Причина.*

Уровни (4) – (5) [P (R (O-1-2) – P (O-1-4]): *Психологический дискомфорт.– Безоглядная (и мучительная) любовь к Актору. Общее – Частное.*

Уровни (4) – (5) [P (R (O-1-2) – P (O-2-1]): *Психологический дискомфорт.– Безвозвратная потеря наилучшей возможности. Следствие – Причина.*

Уровни (5) – (6) [P (O-1-4) – P (O-1-5)]. *Безоглядная (и мучительная) любовь к Актору. – Кардинальное превосходство Актора над другими. Следствие – Причина.*

Уровни (5) – (6) [P (O-2-1) – P (O-2-2)]. *Безвозвратная потеря наилучшей возможности. – Нерешительность Актора. Следствие – Причина.*

Горизонтальные отношения между рецептными узлами фрейма

Уровень (0). [T (3) – T (O-2-3)]: *Приемлемое решение_А – Приемлемое решение_Б. Амбивалентность. Поскольку узлы находятся на одном уровне, они состоят в отношениях либо внеположности, либо перекрещивания.*

Уровень (2). [Q (O-3-1) – Q (O-3-2)]: *Существо решения. – Своевременность принятия решения. Внеположность.*

Уровень (5). [P (O-1-1) – P (O-1-3)]: *Существо проблемной ситуации. – Причины начального вреда. Внеположность.*

Уровень (5). [P (O-1-1) – P (O-1-4)]: *Существо проблемной ситуации. – Вероятный последующий вред. Внеположность.*

Уровень (5). [P (O-1-1) – P (O-2-1)]: *Существо проблемной ситуации. – Вред от возможного бездействия. Внеположность.*

Уровень (5). [Р (О-1-3) – Р (О-1-4)]: *Причины начального вреда. – Вероятный последующий вред.* Внеположность.

Уровень (5). [Р (О-1-3) – Р (О-2-1)]: *Причины начального вреда. – Вред от возможного бездействия.* Внеположность.

Уровень (5). [Р (О-1-4) – Р (О-2-1)]: *Вероятный последующий вред. – Вред от возможного бездействия.* Перекрещивание.

Уровень (6). [Р (О-1-5) – Р (О-2-2)]: *Причины последующего вреда. – Причины возможного бездействия.* Перекрещивание.

Горизонтальные отношения между ретушными узлами фрейма

Уровень (0). [Т (3) – Т (О-2-3)]: *Обретение психологического комфорта. – Вершины неизведанных эмоций.* Перекрещивание.

Уровень (2). [Q (О-3-1) – Q (О-3-2)]: *Признание и осознанное подчинение Актору. – Установление правильного момента принятия решения.* Внеположность.

Уровень (5). [Р (О-1-1) – Р (О-1-3)]: *Противоречивость стремлений и действий Адресата. – Осмотрительность, мешающая развитию отношений с Адресатом.* Внеположность.

Уровень (5). [Р (О-1-1) – Р (О-1-4)]: *Противоречивость стремлений и действий Адресата. – Безоглядная (и мучительная) любовь к Актору.* Внеположность.

Уровень (5). [Р (О-1-1) – Р (О-2-1)]: *Противоречивость стремлений и действий Адресата. – Безвозвратная потеря наилучшей возможности.* Внеположность.

Уровень (5). [Р (О-1-3) – Р (О-1-4)]: *Осмотрительность, мешающая развитию отношений с Адресатом. – Безоглядная (и мучительная) любовь к Актору.* Внеположность.

Уровень (5). [Р (О-1-3) – Р (О-2-1)]: *Осмотрительность, мешающая развитию отношений с Адресатом. – Безвозвратная потеря наилучшей возможности.* Внеположность.

Уровень (5). [P (O-1-4) – P (O-2-1)]: *Безоглядная (и мучительная) любовь к Актору.* – *Безвозвратная потеря наилучшей возможности.* Внеположность.

Уровень (6). [P (O-1-5) – P (O-2-2)]: *Кардинальное превосходство Актора над другими.* – *Нерешительность Адресата.* Внеположность.

При анализе отношений между рецептными и ретушными узлами выявлены следующие расхождения.

Вертикальные отношения.

Уровни (0) – (1) [T (3) – <Q>]: Явление – Сущность VS. Следствие – Причина.

Уровни (0) – (1) [T (O-2-3) – <Q>]: Явление – Сущность VS. Следствие – Причина.

Горизонтальные отношения.

Уровень (5). [P (O-1-4) – P (O-2-1)]: Перекрещивание VS. Внеположность.

Уровень (6). [P (O-1-5) – P (O-2-2)]: Перекрещивание VS. Внеположность.

Объяснение несовпадением в вертикальных отношениях прежде – подчинение общему принципу гипонимии.

В горизонтальных отношениях несовпадение имеет иные причины, связанные с конкретикой семантики, которая имеет место в ретушной интерпретации фрейма. Можно предположить, что она связана с манипулятивными процедурами. Впрочем, объективность научного поиска заставляет признать, что не исключен и возмущающий эффект исследователя при интерпретации.

7. Полнота аргументирования

Анализируемый текст представляет собой в соответствии со строением фрейма шестиуровневую аргументативную конструкцию. В ней присутствует как простая аргументация (с минимальным составом Тезис + Довод), так и сложная – с несколькими Тезисами или несколькими Доводами. Как и в случае с анализом Соблазнения аргументные ретуши мы формулируем в

несколько измененном по сравнению с имеющимися в таблице на Рис. 4 – в силу того, что аргумент должен обрести синтагматическую манифестацию.

Уровни (0) – (1) (дивергентный аргумент).

Рецепт. [Т (3) – <Q>]. Аргумент: *Решение_А приемлемо, потому что это один из вариантов решения проблемы.* Тезис – Оценочный, имплицитные Данные – Мнение; имплицитное Основание – Группировка (экземплификация).

Ретушь. [Т (3) – <Q>]. Аргумент: *<Обретение психологического комфорта возможно> при условии <отказа от осмотрительности>* Тезис – Декларативный, имплицитные Данные – Мнение; имплицитное Основание – (коррелятивная) Каузация.

Рецепт. [Т (О-2-3) – <Q>]. Аргумент: *Решение_Б приемлемо, потому что это один из вариантов решения проблемы.* Тезис – Оценочный, имплицитные Данные – Мнение; имплицитное Основание – Группировка (экземплификация).

Ретушь. [Т (О-2-3) – <Q>]. Аргумент: *Достижение вершин неизведанных эмоций возможно при условии <отказа от осмотрительности>.* Тезис – Декларативный, имплицитные Данные – Мнение; имплицитное Основание – (коррелятивная) Каузация.

Уровни (1) – (2) (конвергентный аргумент).

Рецепт. [<Q> – Q (О-3-1)]. Аргумент: *Проблема разрешима если имеется конкретный способ ее решения.* Тезис – Декларативный, Данные – Мнение; имплицитное Основание – (признаковая) Каузация.

Ретушь. [<Q> – Q (О-3-1)]. Аргумент: *Осмотрительность неуместна, если имеется признание и осознанное подчинение Актору.* Тезис – Оценочный, Данные – Факт, имплицитное Основание – (признаковая) Каузация.

Рецепт. [<Q> – Q (О-3-2)]. Аргумент: *Проблема разрешима в силу своевременности решения.* Тезис – Декларативный, Данные – Мнение; имплицитное Основание – (признаковая) Каузация.

Ретушь. [$\langle Q \rangle - Q$ (O-3-2)]. Аргумент: *<Отказ от осмотрительности> возможен при установлении правильного момента принятия решения (если правильно выбран момент решения, то осмотрительность не нужна)*. Тезис – Декларативный, Данные – Мнение; имплицитное Основание – (признаковая) Каузация.

Уровни (2) – (3). Дивергентный аргумент.

Рецепт. [$\langle Q \rangle$ (O-3-1) – $\langle S \rangle$]. Аргумент: *Имеется определенное решение проблемы, поскольку <ее существование неприемлемо>*. Тезис – Декларативный, Данные – Мнение; имплицитное Основание – (логическая) Каузация.

Ретушь. [$\langle Q \rangle$ (O-3-1) – $\langle S \rangle$]. Аргумент: *Нужно признание и осознанное подчинение Актору, потому что <осмотрительность нежелательна>*. Тезис – Оценочный, Данные – Мнение; имплицитное Основание – Мотивация.

Уровни (3) – (4). Простой единичный аргумент.

Рецепт. [$\langle S \rangle - P$ (R (O-1-2))]. Аргумент: *Существование проблемы неприемлемо, если она наносит вред*. Тезис – Оценочный, Данные – Мнение; имплицитное Основание – Мотивация.

Ретушь. [$\langle S \rangle - P$ (R (O-1-2))]. Аргумент: *<Осмотрительность нежелательна>, поскольку она вызывает психологический дискомфорт*. Тезис – Оценочный, Данные – Факт; имплицитное Основание – Мотивация.

Уровни (4) – (5). Конвергентный аргумент.

Рецепт. [P (R (O-1-2) – P (O-1-1))]. Аргумент: *Имеется проблемная ситуация, если известно, в чем ее существо*. Тезис – Декларативный; Данные – Мнение; Основание – (признаковая) Каузация.

Ретушь. [P (R (O-1-2) – P (O-1-1))]. Аргумент: *У Адресата имеется психологический дискомфорт в силу противоречивости его стремлений и действий*. Тезис – Декларативный, Данные – Мнение; имплицитное Основание – (физическая) Каузация.

Рецепт. [P (R (O-1-2) – P (O-1-3)]. Аргумент: *Имеется проблемная ситуация, если известны причины существующего вреда.* Тезис – Декларативный; Данные – Мнение; Основание – (признаковая) Каузация.

Ретушь. [P (R (O-1-2) – P (O-1-3)]. Аргумент: *У Адресата имеется психологический дискомфорт, потому что он проявляет осмотрительность, мешающую развитию отношений с Актором.* Тезис – Декларативный; Данные – Мнение; Основание – (признаковая) Каузация.

Рецепт. [P (R (O-1-2) – P (O-1-4)]. Аргумент: *Имеется проблемная ситуация, если известно, что вероятен последующий вред.* Тезис – Декларативный; Данные – Мнение; Основание – (логическая) Каузация.

Ретушь. [P (R (O-1-2) – P (O-1-4)]. Аргумент: *У Адресата возможен психологический дискомфорт, потому что возможна безоглядная (и мучительная) любовь к Актору.* Тезис – Декларативный; Данные – Мнение; Основание – (признаковая) Каузация.

Рецепт. [P (R (O-1-2) – P (O-2-1)]. Аргумент: *Возможна проблемная ситуация, потому что возможное бездействие наносит вред.* Тезис – Декларативный; Данные – Мнение; Основание – (признаковая) Каузация.

Ретушь. [P (R (O-1-2) – P (O-2-1)]. Аргумент: *У Адресата возможен психологический дискомфорт, потому что возможна безвозвратная потеря наилучшей возможности.* Тезис – Декларативный; Данные – Мнение; Основание – (признаковая) Каузация.

Уровни (5) – (6). Простые единичные аргументы.

Рецепт. [P (O-1-4) – P (O-1-5)]. Аргумент: *Вероятно наступление последующего вреда, потому что известны его причины.* Тезис – Декларативный; Данные – Мнение; Основание – (признаковая) Каузация.

Ретушь. [P (O-1-4) – P (O-1-5)]. Аргумент: *У Адресата вероятна безоглядная (и мучительная) любовь к Актору, потому что у Актора кардинальное превосходство над другими.* Тезис – Декларативный; Данные – Мнение; Основание – (признаковая) Каузация.

Рецепт. [Р (О-2-1) – Р (О-2-2)]. Аргумент: *Возможное бездействие нанесет вред, так как известны причины такого бездействия.* Тезис – Декларативный; Данные – Мнение; Основание – (логическая) Каузация.

Ретушь. [Р (О-2-1) – Р (О-2-2)]. Аргумент: *Возможна безвозвратная потеря наилучшей возможности из-за нерешительности Актора.* Тезис – Декларативный; Данные – Мнение; Основание – (физическая) Каузация.

Все приведенные аргументы – нераспространенные, так в них отсутствует эксплицитное Основание.

При топосном анализе рецептов и ретушей обнаружены следующие расхождения в аргументативно-функциональной семантике.

Уровни (0) – (1). Тезисы: Оценочные VS. Декларативные. Основания: Группировки VS. Каузации.

Уровни (1) – (2). Тезисы: Декларативный VS. Оценочный. Данные: Мнения VS. Факта.

Уровни (2) – (3). Тезисы: Декларативный VS. Оценочный. Основания: Каузация VS. Мотивация.

Уровни (3) – (4). Данные: Мнения VS. Факта.

Уровни (4) – (5). Данные: Мнения VS. Факта. Основания: признаковая VS. физическая Каузация; ЛДгическая VS. признаковая Каузация.

Уровни (5) – (6). Основания: ЛДгическая VS. физическая Каузация.

Расхождения в семантике Тезисов: разведение Оценочные VS. Декларативные связано с различием в паре «приемлемость феномена – его наличие» с базисным уровнем второго компонента сопоставления; разведение Декларативный VS. Оценочный обусловлена обратным ходом рассуждения.

Расхождения в семантике Данных (Мнение – Факт): по-видимому, сложно ожидать наличия конкретных фактов (как наблюдаемых или объективно фиксируемых явлений) в абстрактном представлении текста (рецептной структуре); в этом случае мы говорим о наличии Мнений. Также

к Мнениям отнесены случаи неверифицируемых феноменов/ситуаций – они могут присутствовать в ретушах.

Расхождения в Основаниях. Мотивация / Каузация связаны с семантикой оценочности и существования в Тезисе. Остальные расхождения требуют отдельного исследования – пока что их причину нам установить не удалось.

2.2.4.2.2. Иные дискурсные характеристики текста

В данном тексте обольщение осуществляется путем процедурного супер-топоса «к дефициту»: «(женская) осмотрительность ведет к потере возможности обрести труднодостижимое лучшее».

Основная интенция – склонить Адресата к отказу от осторожности и к преданию себя воле Актора. Основная макроуровневая идея – «неразумно и психологически опасно не воспользоваться шансом обрести лучшего мужчину». Эта идея не выражена буквально, она завуалирована рассуждениями, на основе которых Адресат сам сделает данный вывод. Важным в речевоздействующем отношении представляется то, что аргументация, которая используется в тексте и которая – по определению аргументации как рациональной речевой деятельности – обладает конвинсивным характером, в дополнение имеет как бы второй слой, своеобразную надстройку персуазивного плана.

Стратегии РВ.

Стратегии отвечают развертыванию текста и не модифицируются по причине отсутствия выраженной обратной связи в монологе. У Актора – сильная позиция, обусловленная двумя статусными факторами.

Во-первых, это его иницирующий коммуникативный статус говорящего, благодаря которому у него есть возможность выбора практически всех параметров общения – от стратегий, тактик и топосов до их языковой манифестации. Этот статус является безусловно превалирующим и

задает также коммуникативные установки (ориентации) Актора (их разнообразие будет показано ниже).

Во-вторых, это выбираемые Актором факторы диспозиционного (от *лат. dispositio*) плана общения. Следует заметить, что их характер здесь несколько иной, чем в разобранный выше текст-Соблазнении. В последнем связность реализовывалась развертыванием двух основных линий уровня (2) – S и R. Структура конвергентного аргумента там двухчастна, что позволяет Адресату с меньшими затратами усилий следить за ходом рассуждений Актора. В Блоке –S фрейма-Соблазнения цепочечная аргументация также облегчает задачу понимания – по-видимому, структура сорита¹⁵ потенциально обладает выраженной риторической эффективностью. В Блоке R сначала дается цепочечный аргумент, затем – двухчастный конвергентный, и лишь на нижнем уровне (6) конвергентная аргументация приобретает для подузла R₃₋₂ четырехкомпонентный (соответственно, усложняющий понимание) характер.

С теоретической точки зрения диспозиционный характер рассматриваемого текста-Обольщения определяется соотношением аргументной структуры текста с риторическими аспектами, влияющими на его организацию. Поясним сказанное.

Когерентный характер рассматриваемого текста имеет базовую опору, проявляющуюся во взаимодействии уровней; это взаимодействие представляет собой следующую картину аргументов (сверху вниз): дивергентный [(0) – (1)] → конвергентный [(1) – (2)] → дивергентный [(2) – (3)] → простой [(3) – (4)] → конвергентный [(4) – (5)] → простой [(5) – (6)]. Необходимо отметить специфику уровней (1) и (3): они не представлены в

¹⁵ Представляется позволительным напомнить, что сорит – это вид сложного силлогистического умозаключения, в котором последовательно доказываются суждения. Так, по М.В. ЛДмоносову, сорит (в его терминологии *куча, стесненный довод*) есть соединение доводов, в котором следствие одного становится посылкой для следующего, ср.: *Что добро, того желать должно. Что желать должно, то и одобрить надлежит. А что одобрить надлежит, то похвально. Следовательно, что добро, то и похвально* (Цит. по: [Кондаков 1971: 491]).

тексте эксплицитно и восстанавливаются нами в процессе аргументативного анализа. Эта специфика в ЛДгико-аргументативном плане называется энтимемной.

Энтимема – это аргумент с невыраженным компонентом; правда, в отличие от стандартных энтимем, предполагающих невыраженные посылки (см. о них подробнее: (Васильев 2014: 123–129)), природа энтимем в нашем макро-аргументе двойка. В них компоненты Q и S представляют собой как Тезисы, так и Доводы – в зависимости от уровня, на котором рассматриваются. Энтимемный характер аргументации дает возможность сделать предположение о намеренности умолчания, т.е. о возможном манипулятивном воздействии на Адресата. Такое предположение подтверждается и картиной характера аргументов – до уровня (5) они образуют своеобразную спираль¹⁶.

Мы анализировали текст с точки зрения представления в нем аргументации, которая соотносится с представлением рецептов и ретушей на различных узлах в скрипте. Иначе говоря, мы использовали рационально-аргументативный ракурс рассмотрения, который предполагает рассмотрение преимущественно семантико-тектонической стороны аргументации.

Можно, однако, обратиться и к риторико-аргументативному ракурсу, акцентирующему прагматико-речевоздействующий фактор. Его можно представить в рамках коммуникативно-речевых стратегий, которые основаны на психологических факторах речевоздействия. Речь идет о внутренней разрешающей санкции для осуществления воздействия – мотивационного опосредования [Доценко 1997:153-155], создающего параллельные десигнативные топосы; для данного текста они могут быть сформулированы следующим образом.

¹⁶ Обратим внимание, что уровень (0) также содержит один эксплицитный (О-2-3) и один имплицитный компонент (3), так что, поскольку вербализованного Заключения в тексте нет, при желании можно говорить о том, что аргумент (0) – (1) является простым, что подтверждает нашу мысль о спиралеобразном характере аргументации в тексте.

(А) Сдвиг побудительной силы мотива на цель действия: возможность бескомплексного общения с достойным этим человеком: (а) позволит тебе преодолеть внутреннюю психологическую рассогласованность; (б) укрепит твою самооценку, поскольку он лучший из всех, а ты будешь обладать лучшим.

(Б) Изменение побудительной силы мотива путем изменения ценности мотива: «не будь не-современной ханжой, исповедующей осторожность и осмотрительность»;

(В) Изменение побудительной силы мотива в результате когнитивной обработки информации – путем приведения к умозаключению: «если согласишься с моей аргументацией, то твое согласие будет интеллектуально обоснованным и ты продемонстрируешь свою самооценку».

С коммуникативно-речевоздействующей точки зрения стратегии текста выглядят так.

А. Стратегия экспликации психологической рассогласованности Адресата (абзац 1).

Б. Стратегия экспликации преимуществ предлагаемого решения (абзац 2 и конец абзаца 3).

В. Стратегия экспликации способа решения (абзац 3).

Коммуникативные установки, тактики РВ и топосы.

Существо коммуникативных установок изложено нами в предыдущем разделе, эта типология применяется и здесь.

Макроустановкой текста является, как и в «Метафоре на быстрый секс», установка на Адресата; ее содержательный аспект определяется интенцией «склонить Адресата к близости (не обязательно только сексуальной)».

Специфика текстовых коммуникативных установок связана с характеристиками Актора и Адресата. Актор предстает как обольститель, стремящийся к установлению быстрых любовных отношений с Адресатом.

Хронотоп: наличие предварительного знакомства коммуникантов.

Тактики в монологе Актора реализуют упомянутые стратегии РВ.

А. Стратегия экспликации психологической рассогласованности

Адресата.

А-1. Тактика объяснения причин психологической рассогласованности.

Топос А-1-1. Необычность Актора. Вербальная реализация: *Да, ты уже общаешься со мной некоторое время. И чем больше мы общаемся, тем больше ты понимаешь, что я не очень похож на других парней. ... <понимать> невероятную разницу.* Установки: на непосредственных участников общения: на этосный аспект себя-Актора (подчеркивание собственной необычности); на Адресата в целом (фатика – привлечение внимания) и на его ЛДгос (формирование энциклопедических знаний об исключительности Актора).

Топос А-1-2. Противоречивость отношения и действий Адресата. Вербальная реализация: *Это тебя и притягивает, и немного пугает... Но чем больше это противоречие живет в тебе, тем больше ты про меня думаешь, а чем больше ты про меня думаешь, тем больше хочешь быть со мною рядом, придумывая совершенно бредовые идеи, чтобы увидеть меня хотя бы на минутку.* Установки: на компоненты текущей ситуации; на непосредственных участников общения: на процедурный аспект ЛДгоса (формирование знаний) и пафоса Адресата (сравнительная конструкция «снежный ком») – на возникающие эмоции и их последствия. Ошибка недоказанности вывода: конструкция «снежный ком» традиционно расценивается в аргументологической литературе как фалляция.

А-2. Тактика изложения отрицательных последствий.

Топос А-2-1. Честность взаимоотношений. Вербальная реализация: *Но я предостерегаю тебя.* Установки: на непосредственных участников общения в целом (ты, я); на содержательный (этосный) аспект Актора – *предостережение* означает наличие отрицательных последствий.

Топос А-2-2. Собственно последствия. Вербальная реализация: *все отношения с девушками складываются так, что они в меня безумно влюбляются, и происходит это потому, что начинают сравнивать меня с другими и понимать невероятную разницу*. Установки: на непосредственных участников общения в целом (*я предостерегаю тебя*); на характеризующих косвенных участников (*девушки*) – их пафосный процедурный (*начинают сравнивать*) и статальный аспект (результатирующие эмоции – влюбленность). Ошибки: (а) предвосхищения основания: посылка о невероятном отличие от других не доказана и задается аксиоматически; (б) недостаточного основания: отличие субъекта от других не может быть достаточной причиной для безумной влюбленности; (в) поспешного вывода: безумная влюбленность других не означает, что безумно влюбится и Адресат.

Б. Стратегия экспликации преимуществ предлагаемого решения.

Б-1. Тактика изложения упущенной выгоды.

Топос Б-1-1. Вред от упущенной выгоды¹⁷. Вербализация: *Интересно, как это жить с мыслью...никогда не будет твоим. ... самое замечательное приключение в жизни, лучше которого у тебя <...> может быть, никогда не будет*. Установки: на непосредственных участников ситуации (<мне> интересно <тебе> жить с мыслью); на процедурный пафосный аспект Адресата (его возникающие эмоции).

Топос Б-1-2. Исключительность выбора. Вербализация: *лучший мужчина в твоей жизни <...> лучше которого у тебя не было и, может быть, никогда не будет*. Установки: на реальную (в прошлом) и мнимую (в будущем) действительность; на непосредственных участников общения (я – ты); на этосные характеристики себя-Актера (лучший). Ошибки: (а) предвосхищения основания: посылка об исключительности Актера неочевидна и задается аксиоматически.

Б-2. Тактика изложения последствий принятия решения.

¹⁷ Этот топос распределен по 2-му и 3-му (завершающая фраза) абзацам.

Топос Б-2-1. Исключительность последствий. Вербализация: *ты не решаешься сделать тот самый шаг, который влечет тебя к вершинам тех эмоций, которые ты не испытывала никогда и нигде... упругого пьянящего экстаза, уносящего нас ввысь*. Установки: на непосредственных участников общения; на компоненты текущей ситуации – языковые особенности сообщения (косвенность и образность); на особенность контекста – невозможность при Обольщении заявить об интенциях на сексуальные претензии отношений напрямую; на содержательные пафосные аспекты Адресата – исходные эмоции (никогда и нигде ранее).

Топос Б-2-2. Бесперспективность осторожности. Вербализация: *ты понимаешь, что чем больше ты общаешься, тем с большей скоростью упадешь в зов упругого пьянящего экстаза, уносящего нас ввысь*. Установки: на ЛДгосный процедурный аспект Адресата – формирование его знаний; на его процедурный пафосный аспект. Ошибка: необоснованность вывода: последствия не доказаны, а лишь декларируются.

В. Стратегия экспликации способа решения.

В-1. Тактика выражения согласия.

Топос В-1-1. Простота. Вербализация: *И тебе надо сделать только первый шаг, который не только простой, но даже проще, чем все на свете...* Установки: на непосредственных участников общения; на содержательные аспекты Адресата: ЛДгосные процедурные – формирование и реализацию знаний. Ошибка (манипуляция): простота выражения согласия подменяет непростое принятие решения

Топос В-1-2. Конкретные действия. Вербализация: *в тот момент, когда ты будешь готова, просто закрыть глаза, прижаться ко мне и сказать: я вся твоя, без остатка, навсегда*. Установки: на непосредственных участников общения; на содержательные аспекты Актора: этосные (его высокая оценка Адресатом); на содержательные аспекты Адресата: пафосные процедурные (возникающие эмоции).

Топос В-1-3. Полнота и длительность отношений. Вербализация: *<сказать> я вся твоя, без остатка, навсегда.* Установки: на непосредственных участников общения; на содержательные аспекты Адресата: пафосные процедурные (возникающие эмоции).

В-2. Тактика актуализации хронотопа.

Топос В-2-1. Нужный момент. Вербализация: *И может быть, тот самый знак, который запустит все это, происходит прямо сейчас, здесь.* Установки: на особенности текущей ситуации; на непосредственных участников общения в целом

Топос В-2-2. Внимательность. Вербализация: *надо просто посмотреть и увидеть его внутри себя.* Установки: на особенности текущей ситуации; на ЛДгосные процедурные знания Адресата.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ ВТОРОЙ

ЛО может быть описано по топосным основаниям при широком понимании топосов. Жанрообразующие признаки ЛД характеризуются по трем группам топосов – семиотическому, коммуникативно-прагматическому и когнитивно-психологическому. Эти три группы топосов задают основу рассмотрения монологических текстов в главе. Эти монологические тексты представляют собой манифестацию основных субжанров ЛД: Ухаживания, Флирта, Приставания, Обольщения, Соблазнения, а также Описания опыта ЛД. Первые три субжанра объединены общим признаком не-выраженности речевого манипулятивного воздействия на Адресата со стороны Актора; в Обольщении и Соблазнении этот фактор, напротив, является определяющим.

Наиболее открытым («честным») из этих пяти субжанров является Ухаживание, ориентированное к тому же на долгосрочность отношений; для Флирта характерно «легкое», малообязывающее отношение к партнеру; для Приставания характерна неумеренная настойчивость при необязательности

выраженной эротической составляющей¹⁸; в Обольщении эротичность косвенна, в Соблазнении – эксплицитна. Описание стоит несколько особняком от названных пяти субжанров, собой с одной стороны, представляя вторичный текст, а с другой — подобие «чистого типа» ЛД, в котором доминирует хроносный аспект развертывания отношений во времени.

Особенности субжанров определили выбор методик их анализа. Ухаживание, Флирт и Приставание описаны с точки зрения их коммуникативно-прагматического наполнения, т.е. используемых стратегий и тактик; для целей настоящего исследования эти не-речевоздействующие субжанры представляют меньший интерес, чем остальные, соответственно, меньше по объему и их анализ.

Описание, в котором, как и в трех вышеназванных повествовательных субжанрах, аспект речевоздействия не является доминирующим, подробно анализируется с точки зрения хроносного аспекта с помощью скриптовой методики. Это позволяет установить не только развертывание действия/сюжета во времени, но и соответствие рецептных топосов-ожиданий ретушным топосам-реализациям, а также надстраиваемым интенционально-десигнативным топосам как ретушам-реализациям второго порядка.

Обольщение и Соблазнение как близкие «нечестные» сугубо речевоздействующие (аргументативные) субжанры ЛД требуют повышенного внимания к характеристикам языковой личности Актора; соответственно, эти субжанры исследуются на основе единой методики лингво-персонологического анализа, предложенной С.А. Сухих и существенно расширенной в диссертации применительно к особенностям материала исследования. Здесь наряду со скриптовой методикой применяются методика аргументно-функционального анализа, тактико-

¹⁸ Этим наша трактовка Приставания отличается от юридической, ср. «приставание к женщине».

стратегический анализ с установлением топосов в тактиках и анализом коммуникативных установок участников общения. В результате анализа обнаружены зримые различия в построении аргументации текстов этих двух субжанров, что связано, очевидно, с большей манипулятивностью текста Обольщения по сравнению с более откровенным текстом Соблазнения. Названный комплекс методик, дополняющих друг друга, позволяет, на наш взгляд, дать достаточно полное описание и других текстов, относящихся к данным монологическим субжанрам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем исследовании проведен содержательный анализ монологического ЛД как социально значимого явления в межличностном общении, представленного в человеческом взаимодействии несколькими разновидностями. Рассмотрены теоретические предпосылки для выделения и анализа ЛД, а также спектр имеющихся методик его анализа. Сами методики весьма разноплановы, и их применение, согласно нашим наблюдениям, может обладать разной эффективностью в зависимости от сферы приложения. В связи с этим в диссертации уточнена сущность важных для исследования понятий (топос, речевой жанр, фрейм, речевая стратегия и тактика, языковая личность, аргументация), определены признаки ЛД и описаны модели анализа монологических текстов данного жанра.

РЖ определяется как вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей, а субжанр – как общий комплекс речевых действий подчиненных единой стратегии, реализующийся группами действий – тактиками. Принимается определение стратегии в монологическом плане, предложенное в калужской лингвоаргументологической школе. Установлены системные жанрообразующие составляющие ЛД в целом, представленные в диссертации в соответствии с признаками топосной сферы как внешние топосы – семиотический, коммуникативно-прагматический и когнитивно-психологический.

С точки зрения семиотического топоса установлен дискурсивный тип ЛД – не-институциональный; по теме – это общение определяющее особый аттрактивный характер межличностных отношений; по способу реализации – это общение инициативное и информативное; по степени официальности – неофициальное; по форме – это прямое или

опосредованное общение монологического типа; по соотношению формы и содержания – прямое или косвенное, в зависимости от субжанра; структура ЛД – мягкая, с одной стороны, организация в виде фрейма, а с другой – гибкая с варьированием рецептов; каналы связи – моно-семиотическое или поли-семиотические.

Коммуникативно-прагматический топос задает следующие параметры ЛД: коммуникативная цель – мысленное предвосхищение желаемого результата формулируется как «стремление обрести/сохранить любовные взаимоотношения»; по последствиям – общение преобразующее, изменяющее эмоциональное состояние Адресата; по свободе выбора партнера – инициативное со стороны Актора; по стилю – доверительное, агрессивное или интимное.

Когнитивно-психологический топос предусматривает следующие характеристики: мотив – это общение ради психологического гомеостаза (в Описании) или доминирования (в иных субжанрах); контролируемость – общение когнитивно контролируемое, подчиненное выбранным принципам.

Топосы трактуются в исследовании как основополагающий ракурс рассмотрения дискурса. Выявляна возможность осмысления и классификации топосов по достаточно разным основаниям. Так, внутриуровневые топосы в субжанрах ЛД подразделяются на общие и частные, предметные и процедурные, рецептные и ретушные, референтные и десигнативные; для каждой из названных пар предусмотрено конкретное дистриктивное основание. Также топосы можно рассмотреть и представить как функции аргументации и как содержательные опоры коммуникативных тактик.

Речевой жанр ЛД включает несколько монологических субжанров, которые различаются в диссертации на основе ряда положительных, отрицательных и нейтральных маркеров: темпоральности (описываются стадии общения); семиотического типа (характеризуется контактность и

семиотический тип общения); семантической специфики (устанавливается степень выраженности сексуальной составляющей в вербальном общении); прагматического фактора Актора (наличие/отсутствие намерения продолжать отношения, а также обмана); прагматического фактора Адресата (наличие/отсутствие у него симпатии к действиям Актора). На основе данных признаков для ЛД установлены следующие субжанры: Описание любовных отношений, Ухаживание, Флирт, Приставание, Обольщение и Соблазнение.

В диссертации рассмотрена специфика тактико-стратегического подхода к монологическим текстам ЛД. Не все выделенные в диссертации жанры охарактеризованы с одинаковых позиций или с одинаковой степенью подробности. Это обусловлено как спецификой конкретных субжанров, так и исследовательскими приоритетами. Специфика видится прежде всего в наличии в субжанрах выраженного речевоздействующего компонента, а также в наличии темпорального сюжетного фактора. Научные приоритеты связаны: с анализом динамического и статического факторов фрейма и установлением соотношения стандартного и специфического в нем; с рассмотрением лингвоперсонологических характеристик коммуникантов; с акцентированием исследования речевого воздействия (основной предмет изучения в калужской лингвоаргументологической школе).

Поскольку тактико-стратегический подход достаточно хорошо представлен в современных исследованиях, не-хроносно-ориентированной речевоздействующе-немаркированной группе субжанров Ухаживание, Флирт, Приставание, которые описываются нами именно с этих исследовательских позиций, было уделено в исследовательской главе сравнительно меньшее внимание, чем остальным трем субжанрам. При этом отдельный акцент был сделан на анализе невербальных средств общения.

Хроносно-ориентированный речевоздействующе-немаркированный субжанр Описание любовных отношений ('история любви') охарактеризован в диссертации с позиции сочетания фреймового динамического и топосного подходов. Соединение этих методик

осуществлено на основе идеи о взаимодействии рецептов и ретушей. В результате были получены данные о топосах-рецептах и топосах-ретушах для разобранного текста, однако существо объединяющей методики видится в возможности ее применения и для иных текстов-повествований данного субжанра. Так, можно широко использовать установление общих топосов – стандартных отношений между слотами (например, часть – целое, причина – следствие, сущность – проявление, атрибут – субстанция, переименование, внеположность, подчинение и пр.). Кроме того, становится возможным определить в текстах-повествованиях специфику соотношения референтных и десигнативных топосов, что отражает взаимосвязь между общим и особенным в осмыслении и вербализации человеком говорящим конкретных аспектов действительности.

С применением несколько иных методик в диссертации проанализирована не-хроносно-ориентированная речевоздействующе-маркированная группа субжанров Обольщение и Соблазнение. Здесь применен лингвоперсонологический подход, предусматривающий анализ ЯЛ как многомерного образования. Рассмотрены экспонентный и субстанциональный уровни ЯЛ.

Здесь предложен комплексный подход: использованы скриптовая методика, методика аргументно-функционального анализа, методика тактико-стратегический анализ с установлением топосов в тактиках и анализом коммуникативных установок участников общения. Прагмалингвистический подход дает возможность в сферу речевой личности, причем не типа личности, а личности именно конкретного человека. Семиотически здесь речь идет о десигнативных топосах, когда задействуется индивидуальное поле десигнативной области сигнификата. Десигнативные топосы с онтологической точки зрения суть явления первого порядка (потому что они задают выбор языковых структур для реализации намерения), а с эпистемологической – явления второго порядка (потому что для исследователя они скрыты и выявляются лишь на основе языковых

манифестаций личности коммуниканта). В результате анализа обнаружены различия в речевоздействующих процедурах –задействованы коммуникативных установок и построении аргументации в текстах этих двух субжанров, что определяется неодинаковым манипулятивным потенциалом Обольщения и Соблазнения. Представляется, что охарактеризованный комплекс методик может быть успешно использован при анализе иных текстов данных двух субжанров

Перспективы дальнейших исследований, которые определяются в связи с полученными в диссертации результатами, связаны с изучением статистики речевых манифестаций различных топосов в рамках любовного РЖ; также интересным можно полагать речевое поведение в данном РЖ лиц с разным типом психологической установки; это даст возможность прогнозирования речевого поведения ЯЛ и более полного описания особенностей ЛД.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеева А.А. Аргументативный потенциал крылатых слов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2001. – 18 с.
2. Андрющенко О. А. Прагматические особенности агитационной лингвистики в казахстанском предвыборном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алматы, 2009. – 28 с.
3. Аннушкин В.И. Риторика: учеб. пособие. – Пермь: Изд-во Перм. обл. ин-та повышения квалификации работников образования, 1994. – 102 с.
4. Аннушкин В.И. История русской риторики: Хрестоматия: учеб. пособие. – 2-е изд. – М.: Флинта, 2004. – 413 с.
5. Аристотель. Сочинения. Томика. – М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1978, т. 2. – 347–533 с.
6. Аристотель. Собрание сочинений: в 4 т. – М.: Мысль, 1983. – 830 с.
7. Арно А., Николь П. Логика, или искусство мыслить. – М.: Наука, 1991. – 412 с.
8. Арутюнова Н.Д. Дискурс / Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 136–137 с.
9. Ассуирова Л.В. Топосы как риторические категории и структурно-смысловые модели порождения высказывания: дис. ... д-ра пед. наук. – М.: Моск. гос. пед. ун-т, 2003. – 550 с.
10. Афанасьева Л.А. Организация интеракций с наличием угрозы негативного коммуникативного результата (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2005. – 23 с.
11. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка: Автореф. дис... докт. филол. наук. – Воронеж: Воронежск. гос. ун-т, 1996. – 41 с.
12. Балашова Е.Ю. Концепты любовь и ненависть в русском и американском языковых сознаниях.
- 13.- Саратов: Саратовская гос. академия права, 2000. – 262 с.

14. Баранов А.Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М.: Ин-т русск. яз. АН СССР, 1990. – 48 с.
15. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики // Известия РАН. Серия литературы и языка, 1997. – Т. 56. №1. – 13–20 с.
16. Баранов А.Н., Сергеев В.Н. Когнитивные механизмы онтологизации знания в зеркале языка (к лингвистическому изучению аргументации) // Психологические проблемы познания действительности: Труды по искусственному интеллекту // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. – Тарту: Тартуск. гос. ун-т, 1988. Вып. 793. – 21–40 с.
17. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 237–280 с.
18. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Литературно-критические статьи. – М., 1986. – 431 с.
19. Белова Е.Н. Структура и семантика аргументативного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 1995. – 18 с.
20. Беседина Е.В. Аргументативный дискурс когнитивно сложных и когнитивно простых личностей: дис. ... канд. филол. наук. – Калуга: Калужск. гос. ун-т, 2011. – 153 с.
21. Белецкая О.Д. Когнитивно-коммуникативная интерпретация вопросно-ответных единств: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь: Тверск. гос. ун-т, 1999. – 19 с.
22. Борисова И.Н. Категория цели и аспекты текстового анализа // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 2005. – 81–97 с.
23. Брутян Г.А. Аргументация. – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1984. – 105 с.
24. Богачев Ф. Русская модель эффективного соблазнения. – М.: Знак почета, 2012. – 338 с.
25. Богин Г.И. Типология понимания текста. Калинин, 1986.

26. Богин Г.И. Схемы действий читателя при понимании текста. Калинин, 1987.
27. Болдырев, Н. Н. Концепт и значение слова / Н. Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр. — Воронеж : ВГУ, 2001. - 25-36 с.
28. Васильев Л.Г. Развитие синтаксической семантики в американском языкознании: дис. ... канд. филол. наук. – Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1983. – 191 с.
29. Васильев Л.Г. Аргументативные аспекты понимания. – М.: Ин-т психологии РАН, 1994. – 222 с.
30. Васильев Л.Г. Лингвистические аспекты понимания: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 1999. – 35 с.
31. Васильев Л. Г., Черкасская Н.Н. Речевые стратегии и апеллятивный дискурс/Монография. – Калуга: Калужск. гос. ун-т им. К.Э. Циолковского; Удмуртск. гос. ун-т, 2013. – 99 с.
32. Васильев Л.Г., Назарчук Ю.И. Лингвистическая аргументология/Монография. – Калуга: Калужск. гос. ун-т им. К.Э. Циолковского; Преднеэстровск. гос. ун-т. им. Т.Г. Шевченко, 2014. – 131 с.
33. Васильев Л.Г. Аргументация и ее понимание: ЛДгико-лингвистический подход / Монография. – Калуга: Калужск. гос. ун-т им. К.Э. Циолковского, 2014. – 331 с.
34. Васильев Л.Г., Мищук О.И. Аргументирующие речевое воздействие и самопрезентация в Американском президентском дискурсе/Монография. – Калуга, Тула: Тульский полиграфист, 2015. – 261 с.
35. Васильев Л.Г., Котелевская Э.И. Любовный дискурс и топология// Удмуртский вестник. - Ижевск: Удмур. гос. ун-т. 2015. – 7-15 с.
36. Варзонин Ю.Н. Эффективность воздействия / взаимодействия с позиций риторической модели // Тверской лингвистический меридиан. – Тверь: Тверск. гос. ун-т, 1999. Вып. 2. – 42–50 с.

37. Вахтель Н.М. Основы прагмалингвистики // Филологические науки. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2008. – 34 с.
38. Вежбицкая А. Речевые жанры // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997. – 99–111 с.
39. Вильмс Л.Е. Лингвокультурологическая специфика понятия "любовь»: На материале нем. и рус. яз.. – Волгоград: Волгоградский гос. пед. ун-т, 1997. – 211 с.
40. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. – М., 1930. – 366 с.
41. Воркачев С.Г. Национально-культурная специфика концепта любви в русской и испанской паремиологии // Филологические науки. – 1995. – №3. – 56 – 66. с.
42. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – №1. – 54 – 72 с.
43. Воркачев С.Г. Культурный концепт и значение // Труды Кубанского государственного технологического университета. Сер. Гуманитарные науки. Т. 17, вып.2. Краснодар, 2003. - 268-276 с.
44. Волков А.А. Курс русской риторики. – М.: Изд-во храма св. муч. Татианы, 2001. – 480 с.
45. Волкова Т.А. Дипломатический дискурс в аспекте стратегичности перевода и коммуникации (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2007. – 24 с.
46. Волкова Н.А. Высмеивание и аргументирование: дис. ... канд. филол. наук. – Калуга: Калуж. гос. пед. ун-т, 2005. – 187 с.
47. Гусева О.А. Риторико-аргументативные характеристики политического дискурса (на материале президентских обращений к нации): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2006. – 18 с.
48. Громова В.М. Конструирование идентичности в интернет-дискурсе персональных объявлений: дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск: Удмуртск. гос. ун-т, 2007. – 144 с.

49. Гавришина И.Н. Функционально-коммуникативная специфика речевой аргументации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГУ им. М.В. ЛДмоносова, 1991. – 20 с.
50. Голубев В.Ю. Аргументация как один из функциональных элементов газетного стиля речи: дис. ... канд. филол. наук. – СПб.: С.-Петербургск. гос. ун-т, 1996. – 222 с.
51. Гончаренко В.В., Шингарева Е.А. Фреймы для распознавания смысла текста. Кишинев, Штиинца, 1984.
52. Данькова, Т.Н. Концепт "любовь" и его словесное воплощение в индивидуальном стиле А. Ахматовой. Воронеж: Воронежский гос. пед. ин-т, 2004. – 214 с.
53. Дейк Т.А. ван. Язык, познание, коммуникация. – М.: Наука, 1989. – 312 с.
54. Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. – 153–211 с.
55. Дементьев В.В. Изучение речевых жанров: обзор работ в современной русистике // Вопр. языкознания. 1997. № 1. –109–121 с.
56. Дементьев В.В. Изучение речевых жанров в России: аспект формализации социального взаимодействия // Антология речевых жанров: Повседневная коммуникация. – М.: Лабиринт, 2007. – 39–61 с.
57. Демьянков В.З. Прагматические основы интерпретации высказывания. – 1981. http://www.infolex.ru/IZV4_81.html.
58. Демьянков В.З. Конвенции, правила и стратегии общения (интерпретирующий подход к аргументации) // Известия АН СССР. – Сер. литературы и языка. – 1982. – Т. 41. - №4. –327-337 с.
59. Долинин, К. А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия // Жанры речи 2. Саратов: изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. -7-13 с.

60. Долгова Н.А. Функционально-семантическая характеристика финальных реплик диалога: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н.А. Долгова. – Тверь: Тверск. гос. ун-т, 2000. – 20 с.
61. Дудина М.Г. Умозаключение как средство речевого воздействия в тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. – 18 с.
62. Добрякова Н.Н. Аргументативное сообщение как единица политической речи. Прагмалингвистический и интеракциональный аспекты анализа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2003. – 18 с.
63. Доценко Е. Л. Межличностное общение: семантика и механизмы. Тюмень, 1998. 202 с.
64. Дудина М.Г. Умозаключение как средство речевого воздействия в тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / М.Г. Дудина. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. – 18 с.
65. Еемеерен Франс Х., Гроотендорст Р., Снук Хенкеманс Ф. Аргументация: Анализ, проверка, представление. Пер. с англ. – СПб.: С.-Петербургск. гос. ун-т, 2002. – 154 с.
66. Жаботинская С. А. Концептуальный анализ: типы фреймов / С. А. Жаботинская // На стыке парадигм лингвистического знания в начале 21 века: грамматика, семантика, словообразование. Материалы международной конференции. Москва, октябрь, 2009г. - Калининград: Изд-во Калининградского университета, 2009. - 140-159 с.
67. Жаботинская С.А. Концептуальный анализ языка: фреймовые сети/ С.А. Жаботинская // Проблемы прикладной лингвистики. Материалы международной конференции. Одесса, 2004. – 81-92 с.
68. Жаботинская С.А. Лексическое значение: принципы построения концептуальной сети / С.А. Жаботинская // Слово в перспективе языкознания. Материалы международной конференции. Харьков, 2005. – 53-62 с.
69. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М.: Наука, 1982. – 156 с.

70. Зарецкая Е.Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. – М.: Акад нар. хоз-ва при Правительстве Рос. Федерации; Дело, 2001. – 477 с.
71. Ивин А.А. Основы теории аргументации. – М.: ВЛАДОС, 1990. – 352 с.
72. Иванова И.А. Концепт любовь и его концептосфера в истории русского языка. М.: Московский гос. обл. ун-т, 2006. – 201 с.
73. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – изд. 5-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 288 с.
74. Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ун-т, 1992. – 330 с.
75. Карасик В.И. Коммуникативная личность как лингвистический концепт // Проблемы формирования языковой личности учителя-русиста. – Волгоград: Перемена, 1993. –12–13 с.
76. Карасик В.И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. – Волгоград; Саратов: Перемена, 1998. - 185–197 с.
77. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград, 2000. – С. 5–20.
78. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
79. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. - М.: Наука, 1987. -264 с.
80. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность: интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций/ Ю.Н. Караулов, Н.Л. Чулкина. – М.: РУДН, 2009. – 139 с.
81. Касьянова Ю.И. Структурно-семантический анализ аргументации в монологическом тексте: дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск: Удмуртск. гос. ун-т, 2008. – 158 с. Каштанова Е.Е. Лингвокультурологические основания русского концепта "любовь»: Аспектный анализ. – Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 1997. – 231 с.

82. Киселева Е.В. Лексемы "любовь" и "love": модели лексикографической интерпретации. – Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2004. – 241 с.
83. Ключев, Е. В. Речевая коммуникация: учеб. пособие для университетов и институтов / Е. В. Ключев. - М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. - 320 с.
84. Кобозева И.М. Две ипостаси содержания речи: «значение» и «смысл». – 2000. http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/articles/kobozeva/imk-2000-znach_smysl.doc
85. Колоян Д.Л. Ухаживание как тип коммуникативного поведения: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Волгоград 2006. – 24 с.
86. Кондаков Н.И. ЛДгический словарь-справочник. – М.: Наука, 1975. – 720 с.
87. Коробова Н.В. Мелиоративные коммуникативные стратегии современной английской речи (на материале британского ареала): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Н. Новгород, 2007. – 17 с.
88. Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингво-культурах: монография / Н. А. Красавский. - Волгоград: Перемена, 2001. - 495 с.
89. Кузнецова Л.Э. Любовь как лингвокультурный эмоциональный концепт: ассоциативный и гендерный аспекты. – Краснодар: Кубанский гос. технологический ун-т, 2005. – 206 с.
90. Кубрякова Е.С. О когнитивной науке и когнитивной лингвистике // Обработка текста и когнитивные технологии. – Казань: Отечество, 2001. – 7–11 с.
91. Кубрякова Е.С., Александрова О.В. Виды пространства текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время: материалы науч. конференции. – М.: Диалог-МГУ, 1997. – 15–25 с.
92. Краткая литературная энциклопедия. М.: Наука 1962. – 800 с.
93. Красных, В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация): Монография / В. В. Красных. - М.: Диалог-МГУ, 1988. - 352 с.

94. Колесов В.В. Любы и любовь// Исследования по древней и новой литературе: сб. – Л.: 1987. – 266-272 с.
95. Кондаков Н.И. ЛДгический словарь. М.: Наука 1971. – 656 с.
96. Лазарев В.В., Правикова Л.В. Об основных направлениях аргументативной лингвистики – 2004. <http://pn.pglu.ru/>
97. Лобкова Е.В. Образ-концепт "любовь" в русской языковой картине мира: Омский гос. ун-т, 205. – 288 с.
98. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 682 с.
99. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. - М.: Гнозис, 2003. – 208 с.
100. Маркова Л.Ф. Когнитивная идентификация речевого жанра: дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар: Южный институт менеджмента, 2003. – 149 с.
101. Масленникова Е.М. Фреймовой представление семантики текста // Лингвистический вестник. – Ижевск: Удм. гос. ун-т. 2000. – 114-124 с.
102. Мензаирова Е.А. Лингвистическая актуализация универсальных концептов в индивидуальном дискурсе: Дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2010. – 158 с.
103. Мельникова О.Н. Импликативные сверхфразовые единства в английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Тула: Тульск. гос. ун-т, 2003. – 150 с.
104. Минский М. Фреймы для построения знаний. – М.: Энергия, 1979. – 152 с.
105. Минский М. Остроумие и ЛДгика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. –281 – 308 с.
106. Михайлов В.А. О специфике аргументации в процессе научной дискуссии// Философские проблемы аргументации. – Ереван: изд-во АН АрмССР, 1986. – 71-76 с.

107. Мищук О.Н. Речевое воздействие и самопрезентация (на материале публичных выступлений): Дис. ... канд. филол. наук. – Тула: Тульский гос. ун-т, 2013. – 230 с.
108. Муратова В.Э. Бинарные концепты "любовь / love" и "ненависть / hate (hatred)" в английском и русском песенных дискурсах. – Казань: Татарский гос. гуманитарно-педагогич. ун-т, 2010. – 223 с.
109. Найденов О.Ю. Прагматические аспекты оптимизации речевого воздействия печатных средств информации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2001. – 18 с.
110. Низеева Д.Р. Структура фрейма речевого акта поздравления в современном немецком языке (на материале немецких текстов): Дис. ... канд. филол. наук. - Нижний Новгород, 2010. - 212 с.
111. Никонова, Ж. В. Фреймовый анализ речевых актов (на материале современного немецкого языка): Дис. ... д-ра филол. наук. - Нижний Новгород, 2009. - 384 с.
112. Нуждова Е.Н. Лексическая репрезентация концепта "любовь" в переводах лирики А.С. Пушкина на английский и французский языки. – Тамбов: Тамбовский гос. тех. ун-т, 2008. – 173 с.
113. Оганян Л.Р. Типология речевых реализаций концепта "любовь" в прозе Х. Конзалика: На материале немецкого и русского языков: Армавир: Армавирский гос. пед. ин-т, 2004. – 154 с.
114. Оганесян С.Г. Предметная область теории аргументации и основные понятия теории аргументации// Философские проблемы аргументации. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1986. –8-20 с.
115. Ощепкова Н.А. Стратегии и тактики в аргументативном дискурсе: прагмалингвистический анализ убедительности рассуждения (на материале политических дебатов): дис. ... канд. филол. наук. – Калуга: Калужск. гос. пед. ун-т, 2004. – 199 с.
116. Павлова К.Г. Искусство спора: ЛДгико-психологические аспекты. – М.: Знание, 1988. – 64 с.

117. Ползунова М.В. "Объяснение в любви" как сложный речевой жанр: лексика, грамматика, прагматика. – Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2008. – 230 с.
118. Пучкова А.В. Речевой жанр канцелярская отписка: лингвоаргументативный анализ: дис. ... канд. филол. наук. – Калуга: Калужск. гос. ун-т, 2011. – 190 с.
119. Перельман Х., Ольбрехт-Тытека Л. Новая риторика: трактат об аргументации // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987. – 207–264 с.
120. Петров М.К. Язык, знак, культура. – М.: Наука, 1991. – 328 с.
121. Ревенко О.А. Диалог-спор в лингвистической теории аргументации (на материале совр. англ. языка): Дис... канд. филол. наук. – Красноярск: Красноярск. гос. ун-т, 1999. – 187 с.
122. Ренц Т.Г. Романтическое общение в коммуникативно-семиотическом аспекте: Дис. ... доктора филол. наук. – Волгоград: Волгоградский гос. социально-педагогический ун-т, 2011. – 376 с.
123. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1990. – 183 с.
124. Рябков, С. С. Фреймовая структура речевого акта «Vertrag» в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / С. С. Рябков. - Нижний Новгород, 2008. - 206 с.
125. Рытникова Я.Т. Семейная беседа: обоснование и риторическая интерпретация жанра: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1996. – 16 с.
126. Рублева Е.В. Лингвопрагматические аспекты политической теледискуссии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М. 2006. – 24 с.
127. Садикова В.А. Топика как система структурно-смысловых моделей: Автореф. дис. ... доктора филол. наук. – Тверь: Тверск. гос. ун-т, 2012. – 42 с.

128. Садикова В.А. О единицах бытового и художественного диалога // Язык и текст langpsy.ru 2015. – 17-24 с.
129. Седов К.Ф. Структура устного дискурса и становление языковой личности: грамматические и паралингвистические аспекты. – Саратов: Изд-во Саратовск. пед. ин-та, 1998. – 112 с.
130. Седов К.Ф. Внутрижанровые стратегии речевого поведения: «ссора», «комплимент», «колкость» // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997. – 188–195 с.
131. Седов К.Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М.: Лабиринт, 2007. – 7–38 с.
132. Сигбаева Ф.Р. Лингвокультурный концепт «Мэхэббэт» (Любовь) в татарской языковой картине мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2009. – 24 с.
133. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128 с.
134. Смоленцева, М.В. Эмоциональный концепт "любовь" в песенном дискурсе. КД-20. Чебоксары: Чувашский гос. ун-т, 2009. – 217 с.
135. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. – 252 с.
136. Соболева А. К. Топическая юриспруденция. – М.: Добросвет, 2002. – 225 с.
137. Сухих С.А. Прагматическое измерение коммуникативного процесса: Дис. ... доктора филол. наук. – Краснодар, 1998. – 160 с.
138. Сусов И.П. Прагматическая структура высказывания // Языковое общение и его единицы. – Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1986. – 7–11 с.
139. Сухарева О.Э. Западная риторическая традиция и проблема убедительности монолога (на материале публичной речи): Дис. ... канд. филол. наук. – Калуга: Калужск. гос. пед. ун-т, 2010. – 202 с.

140. Сушенцова Т. В. Структурно-содержательная специфика аргументации в судебных решениях: Автореф. дис. ... кандид. филол. наук. Тверь, 2014.
141. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. —М.: Школа «Яз. рус. культуры», 1996. - 288 с.
142. Тепкеева В.В. Концептосфера "Love-Marriage" в английской фразеологической картине мира. – СПб: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2007. – 186 с.
143. Трегубова Ю.О. Сфера образования в американской и британской лингвокультурах: фреймовый подход: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2007.
144. Толмачев Я.В. Правила словесности, руководствующие от первых до высших совершенств красноречия. – СПб., 1825.
145. Фанян Н.Ю. Аргументация как лингвопрагматическая структура: дис. ... д-ра филол. наук. – Краснодар: Кубанск. гос. ун-т, 2000. – 240 с.
146. Фофин А.И. Репрезентация Фрейма "любовь" во французском языке: КД-05. Иркутск: Иркутский гос. лингв. ун-т, 2004. – 194 с.
147. Хазагеров Г.Г., ЛДбанов И.Б. Риторика / Серия «Учебники, учебные пособия». – Ростов-на-Дону: Феникс, 2008 – 379 с.
148. Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика: курс лекций; словарь риторических фигур. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 320 с.
149. Харитончик, З. А. Способы, концептуальной организации знаний в лексике языка/ З. А. Харитончик // Язык и структуры представления знаний. - М.: ИНИОН, 1992. - 98-123 с.
150. Хутова, Э.Р. Бинарная оппозиция "любовь / ненависть" в разносистемных языках: лингвокультурологический аспект: на материале русского, английского и кабардино-черкесского языков. Нальчик: Кабардино-Балкарский гос. ун-т, 2008 – 184 с.
151. Чейф У. Знание и структура языка. – М.: Прогресс, 1975. – 432 с.

152. Черкасова И.С. Реализация коммуникативной стратегии самопрезентации личности в русских и немецких объявлениях о знакомстве: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2006. – 24 с.
153. Черкунова М. В. Речевые стратегии в сфере рекламного учебного дискурса// Вестник Самарского государственного университета. – 2006. - № 5/1 (45). – 151 – 155 с.
154. Чурсин О.В. Функционально-семантическая характеристика современной английской музыкальной лексики: когнитивно-фреймовый подход: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2009. – 24 с.
155. Шамратова А. Р. Семантика эмотивов любви в английском и французском языках: КД 10.02.20. – Уфа: Башкирский гос. ун-т, 2006. – 205 с.
156. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 377 с.
157. Швец Е.В. «Звездное» интервью в коммуникативно-прагматическом аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2008. – 23 с.
158. Швырева С.В. Прагмалингвистическая характеристика интервью (на материале французской прессы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2006. – 25 с.
159. Шестак, Л. А. Фреймовая семантика языка и текста / Л. А. Шестак // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста. — Волгоград, 2003. — 4.1. — 163-171 с.
160. Широкова И.А. Эмоциональный концепт "Любовь" в идиостиле А.С. Пушкина: на примере стихотворных произведений и их переводов на немецкий язык: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень: Тюменский гос. ун-т, 2006. – 259 с.
161. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997. – 88–99 с.

162. Шмелев А.Д. Парадокс самофальсификации // ЛДгический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. – М.: Наука, 1990. – 84 – 93 с.
163. Шмелева Т. В. Речеведение: в поисках теории / Т.В. Шмелева // Stylistyka VI. -Opole, 1997. — 301-315 с.
164. Шмелева Т.В. Речевой жанр: опыт общепилологического осмысления / Т.В. Шмелева // Collegium. — 1995. - № 1-2. - С. 57-65.
165. Ыйм Х.Я. Семантика и теория понимания языка. Анализ лексики и текстов директивного общения эстонского языка: Дис. ... доктор. филол. наук. — Тарту, 1983. – 402 с.
166. Яскевич Я.С. Научная аргументация: ЛДгико-коммуникативные параметры // Речевое общение и аргументация. – СПб.; Амстердам: С.-Петербургск. гос. ун-т, 1993. Вып.1. — 93–101 с.
167. Ярмаркина Г.М. Просьба, приказ, предложение, убеждение, уговоры и способы их выражения в русской разговорной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Саратов, 2001. – 18 с.
168. Ducrot O. Dire et ne pas dire. — Paris: Herman, 1972. — 311 p.
169. Ducrot, O. Le dire et le dit. — Paris: Minuit, 1984. — 370 p.
170. Eemeren F.H. van, R. Grootendorst, F. Snoeck Henkemans. Fundamentals of Argumentation Theory: A Handbook of Historical Backgrounds and Contemporary Developments. Mahwah (N.J.). — Erlbaum, 1996. – 424 p.
171. Henkemans A.F. Analyzing Complex Argumentation. The Reconstruction of Multiple and Coordinatively Compound Argumentation in a Critical Discussion. — Amsterdam: Sicsat, 1992. – 170 p.
172. Kahane H. Logic and Contemporary Rhetoric. — Belmont, California: Wadsworth, 1984. – 321 p.
173. Klein, S. Identity management in argumentative discourse // Proceedings of the Conference on Argumentation, Ed. by F.H. van Eemeren et. al. — Dordrecht ets: Foris, 1987. – Vol. 1. – P. 217 – 227.

174. Toulmin St. The Uses of Argument. — London, Cambridge: Cambridge University Press, 1958. — 415 p.
175. Walton, D. What's a Fallacy? // Argumentation: Proceedings of the Conference on Argumentation, Ed. by F.H. van Eemeren et al. — Dordrecht ets: Foris, 1987. — P. 323 – 329.
176. Walton, Douglas N. A Pragmatic Theory of Fallacy. — London/ Tuscaloosa: the University of Alabama Press, 1995. — 324 p.
177. Watson, J. Behaviorism. — New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 1998. — 251 p.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

1. ЛО – любовное общение
2. РЖ – речевой жанр
3. ЯЛ – языковая личность
4. б-1 – ЛДгосный аспект
5. б-2 – статальный аспект
6. ТРА – теория речевых актов
7. А – суперструктурные, образующие класс событий
8. Б – макроструктурные, дающие конкретные пропозиции в тексте
9. В – интенциональные
10. С-Ув – самоуверенности
11. Спок – спокойствие
12. Наст – настойчивость
13. Муж – мужественность
14. Ком – коммуникабельность
15. Дур-Сл – дурная слава
16. Дем-Безр – демонстрация безразличия
17. Стес – стеснительность

18. (а) – поведение партнера
19. (б) – поведение собственное
20. Нед – недоумевание
21. Р-Ком – реакция на коммуникабельность
22. Тщесл – тщеславие
23. Д-1 – двучленность
24. М-1 – многочленность
25. Д - нефизическое действие
26. П – предикат стательности
27. Д-Пр - действие-Процесс
28. Экз - экзистенциальность
29. Эксп - экспериенциальность
30. Св - свойство
31. РВ – речевое воздействие
32. ЛЭС – Лингвистический Энциклопедический Словарь

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

- 1) Бунин И.А. Митина любовь. – М.: Проспект, 2013 – 58 с.
- 2) Вишневский Я.Л. Одиночество в сети. – М.: Азбука, 2011 – 395 с.
- 3) Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. – М.: Проспект, 2013 – 191 с.
- 4) Нагодская Е. Обольщение. Гнев Диониса. – М.: Проспект, 1994 – 448 с.
- 5) Толстой Л.Н. Война и мир (четыре тома). – М.: Проспект, 2013–1800 с.
- 6) Толстой Л.Н. Анна Каренина. – М.: Эксмо, 2006 – 960 с.
- 7) Тургенев И.С. Первая любовь. – М.: Лабиринт, 2008 – 400 с.
- 8) Тургенев И.С. Ася. – М.: Лабиринт, 2008 – 400 с.
- 9) Тургенев И.С. Дворянское гнездо. – М.: Лабиринт, 2008 – 400 с.
- 10) Austen J. Sense and sensibility. – Dover publishing, 2002 – 300 p.
- 11) Austen J. Pride and prejudice. Oxvord University press, 1994 – 270 p.
- 12) Austen J. Emma. Oxvord University press, 1994 – 240 p.
- 13) Austen J. Mansfiel Park. Oxvord Universiti press, 1994 – 360 p.

- 14) Bronte Ch. Jane Eyre. Oxfvord University press, 1994 – 600 p.
15) Mitchell M. Gone with the wind. Macmillan Publisher, 1985 – 1024 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Текст Описание

Дорогой J. L.!

Знаешь ли ты, что письмо это я писала минимум тысячу раз?

Писала мысленно, писала на песке пляжа, писала на самой лучшей бумаге, какую только можно купить в Соединенном Королевстве, писала авторучкой у себя на бедре. Писала на конвертах пластинок с музыкой Шопена.

Я столько раз писала его...

Но так и не отослала. За последние 12 лет — потому что все это было ровно двенадцать лет назад — я не отослала по меньшей мере тысячу писем ЕМУ.

Потому что это письмо вовсе не тебе. Это письмо Эл. Дж. Я просто переставила инициалы и назвала его Элджот.

Ты на самом деле J. L., но его ты знаешь. Знаешь, наверно, так, как не знает никто другой. Обещай, что перескажешь ему то, что я написала. Перескажешь?

Ведь Элджот должен был быть, как антракт между первым и вторым действием оперы. Я во время этого антракта пью самое лучшее шампанское, какое только есть в баре. Ну а если у меня для этого нет возможностей, я остаюсь дома и слушаю пластинки. И он должен был быть таким вот шампанским. Только в антракте. Должен был ударять в голову. Должен был порадовать вкус и вызвать легкий хмель на второе действие. Чтобы музыка стала еще прекрасней.

Элджот таким и был. Как самое лучшее и самое дорогое шампанское в баре. Он ошеломил меня. Потом следовал еще один перерыв. А потом спектакль кончился. И шампанское тоже. Но так не случилось. Впервые в жизни из всей оперы я лучше всего вспомнила перерыв между первым и вторым действиями. Перерыв этот по-настоящему так никогда и не кончился. Я поняла это сегодня днем в том клубе. Главным образом благодаря чувствам, обостренным четырьмя днями голодания и четвертому бокалу «гиннеса».

Я провела с ним 88 дней и 16 часов моей жизни. Ни у одного мужчины не было так мало времени, и ни один не дал мне так много. Один пробыл со мной 6 месяцев, и не сумел дать мне того, что у меня было с Элджотом уже после 6 часов. Я продолжала быть с этим человеком, так как считала, что его «шесть часов» еще наступят. Я ждала. Но они так и не наступили. Как-то во время очередной бессмысленной ссоры он закричал:

Ну и что такого дал тебе этот чертов поляк, от которого у тебя не осталось ничего?

Даже его чертовой фотографии нет. — А когда он торжествующе изрек: — Да имел ли он представление о том, что такое фотоаппарат? — я выставила его полупустой чемодан, с которым он переехал ко мне, за дверь.

Так что же дал мне этот «чертов поляк»? Что?

Например, дал мне оптимизм. Он никогда не говорил про печаль, хотя я знала, что он пережил бесконечно печальные времена. Он заражал оптимизмом. Дождь для него был всего лишь коротким промежутком перед появлением солнца. Всякий, кто жил в Дублине, поймет, что подобный образ мыслей — пример сверхоптимизма. Это при нем я открыла, что носить можно не только черное. При нем я поверила, что мой отец любит мою мать, только не может проявить это. Даже моя мать никогда не верила в это. Ее психотерапевт тоже.

Например, он подарил мне такое чувство, когда кажется, что через минуту ты сойдешь с ума от желания. И при этом ты знаешь, что желание твое исполнится. Он умел рассказать мне сказку о каждом кусочке моего тела. И не было такого места, которого он не коснулся бы или не изведал его вкус. Будь у него время, он перецеловал бы каждой волосок у меня на голове. Все по очереди. При нем мне всегда хотелось раздеться еще больше. У меня было ощущение, что я почувствовала бы, наверное, себя еще более обнаженной, если бы мой гинеколог вынул у меня спираль.

Он никогда не искал эрогенных зон на моем теле. Он считал, что женщина является эрогенной зоной вся в целостности, а в этой целостности самый эрогенный участок — мозг. Эджот слышал о пресловутой G-точке в женском влагалище, но он ее искал в моем мозгу. И практически всегда находил.

Я дошла с ним до конца каждой дороги. Он приводил меня в такие чудесно грешные места. Некоторые из них сейчас для меня святыни. Иногда, когда мы любили друг друга, слушая оперы или Бетховена, мне казалось, что невозможно быть еще нежнее. Как будто у него были два сердца вместо двух легких. А может, так оно и было...

Так, например, он подарил мне маленькую красную резиновую грелку в форме сердца. Размером чуть больше ладони. Милый. В Дублине только он один мог придумать что-либо подобное. Потому что только он обращал внимание на такие вещи. Он знал, что у меня страшный предменструальный период, предшествующий еще худшим дням, и что тогда я становлюсь несправедливой, жестокой, эгоистичной, злобной ведьмой, которой все мешает. Даже то, что восток находится на востоке, а запад на западе. Однажды он поехал на другой конец Дублина и купил эту грелку. В ту ночь, когда у меня безумно болело, он встал, наполнил грелку горячей водой и положил мне на живот. Но сперва целовал мне это место. Сантиметр за сантиметром. Медленно, осторожно и невероятно нежно. Потом положил мне эту грелку. И когда я, восхищенная, смотрела на это маленькое чудо, он принялся целовать и сосать пальцы моих ног. Сперва на одной ноге, потом на другой. Он все время смотрел мне в глаза и целовал. Хоть у тебя и не бывает предменструальных периодов, ты все равно ведь способен представить, как это чудесно. К сожалению, я пережила с ним всего лишь три таких периода.

А еще, например, он подарил мне детскую любознательность. Он спрашивал обо всем. Точь-в-точь как ребенок, имеющий право задавать вопросы. Он хотел знать. И научил меня, что «не знать» — это значит «жить в опасности». Он интересовался всем. Все обсуждал, все подвергал сомнению и склонен был поверить всему, как только удавалось убедить его фактами. Помню, как однажды он шокировал меня вопросом:

— Как ты думаешь, Эйнштейн онанировал?

Он научил меня, что следует покоряться своим желаниям, как только они приходят, и ничего не откладывать на потом. Так во время приема в огромном доме какого-то жутко важного профессора генетики в процессе нуднейшей научной дискуссии о «генетической обусловленности сексуальности млекопитающих» он вдруг встал, подошел ко мне, наклонился — все умолкли, глядя на нас, — и прошептал:

— На втором этаже дома есть ванная, какой ты в жизни не видела. Глядя на тебя, я не могу сосредоточиться на дискуссии о сексуальности. Пойдем скорей в эту ванную. — И добавил: — Как ты думаешь, это генетическая обусловленность?

Я послушно встала, и мы пошли наверх. Молча он поставил меня к зеркальной дверце шкафа, спустил брюки, раздвинул мне ноги, и... И «генетически обусловленная сексуальность млекопитающих» обрела совершенно иное чудное значение. Когда через несколько минут мы вернулись и сели на свои места, на миг воцарилась тишина. Женщины пытливно смотрели на меня. Мужчины закурили сигары.

Еще он, например, подарил мне ощущение, что я для него самая главная женщина. И все, что я делаю, для него имеет значение. Каждое утро, даже если мы спали вместе, он, здороваясь со мной, целовал мне руку. Открывал глаза, вытаскивал мою руку из-под одеяла и целовал. И говорил при этом: «Дзень добры». Всегда по-польски. Как в первый день, когда нас представили Друг другу.

Иногда, случалось, он просыпался ночью, «пораженный какой-нибудь идеей» — так он это называл, — тихонько вылезал из постели и шел заниматься своей генетикой. Под утро возвращался, залезал под одеяло, чтобы поцеловать мне руку и сказать «дзень добры». Он наивно думал, что я не замечала его уходов. А я даже наносекунды, проведенные без него, замечала.

Он мог прибежать в институт, где у меня были занятия, и сказать, что опоздает на ужин на десять минут и чтобы я не беспокоилась. Понимаешь, невероятно долгие десять минут...

Он подарил мне, например, за эти 88 дней и 16 часов больше пятидесяти пурпурных роз. Потому что я больше всего люблю пурпурные розы. Последнюю он подарил мне в тот последний шестнадцатый час. В аэропорту в Дублине перед самым отлетом. Знаешь ли ты, что, когда я возвращалась из аэропорта, мне казалось, что эта роза самое главное, что мне кто-либо когда-либо дал за всю мою жизнь?

Он был моим любовником и одновременно лучшей подругой. Нечто подобное случается только в фильмах и причем только тех, которые снимают в Калифорнии. А со мной случилось в действительности в дождливом Дублине. Он давал мне все и ничего не хотел взамен. Совершенно ничего. Никаких обещаний, никаких клятв, никаких обетов, что «только он и никогда никто другой». Попросту ничего. Это был его единственный ужасный недостаток. Не может быть для женщины большей муки, чем мужчина, который так добр, так верен, так любит, такой неповторимый и который не ждет никаких клятв. Он просто существует и дает ей уверенность, что так будет вечно. Вот только боишься, что вечность эта — без всяких стандартных обетов — будет короткой.

Моя вечность длилась 88 дней и 16 часов.

С 17 часа 89 дня я начала ждать его. Уже там, в аэропорту. От дверей терминала он отъехал в автобусе. Медленно поднялся по трапу, ведущему в самолет, и на самом верху у самолетной двери повернулся к смотровой террасе, на которой стояла я — он знал, что я там стою, — и прижал правую руку слева к груди. Так он стоял несколько секунд и смотрел в мою сторону. Потом исчез в самолете.

Больше я его не видела.

Первые три дня голодания ничто в сравнении с тем, что я пережила в первые три месяца после его отъезда. Он не написал. Не позвонил. Я знала, что самолет долетел до Варшавы, потому что после недельного его молчания позвонила в лондонское бюро ЛОТ, чтобы убедиться, что ничего страшного не произошло.

Он просто прижал руку к сердцу и исчез из моей жизни.

Я страдала, как ребенок, которого отдали на неделю в приют, а потом забыли взять. Я тосковала. Невероятно. Я любила его и потому не могла желать ему плохого и оттого еще больше страдала. Через некоторое время в отместку я перестала слушать Шопена. Потом — в отместку — выбросила пластинки со всеми операми, которые мы слушали вместе. Потом — в отместку — возненавидела всех поляков. Кроме одного. Его. Потому что на самом деле я не способна мстить.

Потом мой отец бросил мою мать. Мне пришлось на полгода прервать учебу и из Дублина вернуться на Остров, чтобы помочь ей. Но больше всего это помогло мне самой. На Острове все просто. Остров возвращает вещам истинные их пропорции. Когда идешь на береговой обрыв, который был тут уже 8 тысяч лет назад, то многие вещи, которые людям кажутся безмерно важными, утрачивают значение.

Спустя полгода после его отъезда, уже перед Рождеством, мне на Остров прислали пачку писем, пришедших на мое имя в Дублин. Среди них я нашла письмецо от Элджота. Единственное за все эти 12 лет. На безвкусной почтовой бумаге какого-то отеля в Сан-Диего он написал:

Единственное, что я мог сделать, чтобы пережить разлуку, это полностью исчезнуть из твоей жизни. Ты была бы несчастлива здесь со мной. Я не был бы счастлив там.

Мы с тобой из разделенного мира.

Я даже не прошу, чтобы ты меня простила. То, что я сделал, простить нельзя. Можно только забыть.

Забудь.

Якуб.

P.S. В Варшаве, когда у меня есть время, я обязательно еду в Желязову Волю. Приезжаю туда, сажусь на скамейку в саду дома Шопена и слушаю музыку. Иногда плачу.

Я не забыла. Но письмо это мне помогло. Хотя я и не согласилась, но хотя бы узнала, как он справился с тем, что было между нами. Это было самое эгоистическое решение из всех известных мне, но я хотя бы узнала, что он что-то решил. У меня было хотя бы это его «иногда плачу». Женщины живут воспоминаниями. Мужчины тем, что они забыли.

Я вернулась в Дублин, закончила институт. Потом отец решил, что я буду вести дела нашей семейной фирмы на Острове. Я выдержала год. Я убедилась, что мой отец — человек с нулевым коэффициентом эмоциональной интеллигентности. Его высокий IQ тут ничего изменить не мог. Чтобы окончательно не возненавидеть его, я решила бежать с Острова.

Я уехала в Лондон. Защитила докторскую по экономике в колледже Куинз-Мери, научилась играть на фортепьяно, ходила на балет, нашла работу на бирже, слушала оперы. Но уже никогда не было такого антракта, который оказался бы важнее спектакля. И такого шампанского тоже.

Потом пошли мужчины без всякого смысла. И чем больше их было, тем меньше мне хотелось сблизиться с каждым последующим. Дошло даже до того, что порой, когда мы лежали в постели и мужчина целовал меня «там внизу», я «там наверху» все равно чувствовала себя одинокой. Потому что они лишь механически касались меня эпидермой своих губ или языка. А Элджот... Элджот меня попросту «съедал». С такой же жадностью, с какой съедают первую клубнику. И иногда опускал ее в шампанское.

Я так и не сумела полюбить ни одного из этих мужчин, у которых на губах была только эпидерма.

После двух лет пребывания в Лондоне я обратила внимание, что у меня совсем нет подруг, а большинство моих друзей гомосексуалисты. Если не брать в расчет их несколько отличную ориентацию, они часто оказываются по-настоящему мужчинами. Мне повезло встретить лучших из них. Тонких, деликатных, слушающих то, что ты им говоришь. Им не надо притворяться. И если они платят за твой ужин, то вовсе не для того, чтобы тем самым обеспечить себе право стянуть с тебя трусики. Ну а то, что в ушах они носят сережки...

Это же просто гениально — как говорит одна из моих сотрудниц в банке, — по крайней мере есть гарантия, что человек знает, что такое боль, и понимает толк в бижутерии.

Потом ушла из жизни мама. Никто не знает, как это произошло. Она плыла на пароме с Острова в Кале и упала за борт. Тело ее так и не нашли. Зато в ее спальне в шкапулке нашли завещание, написанное буквально за неделю до смерти, и обручальное кольцо, перепиленное пилкой для металла пополам.

Первое время горе мое было так огромно, что я не могла по утрам заставить себя встать. У меня была эндогенная депрессия. Тогда мне больше всего помог прозак. Маленькая бело-зеленая таблетка с чем-то магическим внутри. Помню, как Эджот пытался объяснить мне магию действия прозака. Он говорил, что это как карточный фокус. Картами были какие-то нейропередатчики на синапсы. До конца я так и не поняла. Но знаю, что он действует. Мой психиатр тоже знал это.

А знаешь ли ты, что в депрессии люди чаще всего совершают самоубийство, когда прозак начинает действовать и они уже находятся на дороге к выздоровлению? В разгар депрессии ты совершенно вялый и тебе неохота даже перерезать себе вены. Ты ходишь или лежишь, будто в схватывающемся бетоне. А вот когда прозак начинает действовать, у тебя появляется достаточно сил, чтобы раздобыть бритву и пойти в ванную. Потому те, кто находится на самом дне депрессии, должны принимать прозак в клинике, а безопасней всего, если их еще привязывают ремнями к кровати. Это чтобы они не могли пойти в одиночку в ванную. Однако они вполне способны обмануть бдительность санитаров и пробраться на крышу здания клиники.

После прозака мой психиатр объявил мне, что я должна «произвести практическую ретроспекцию» и поехать в Польшу. Этаким психоаналитический эксперимент, чтобы сократить лежание на диване.

Это было в мае. Я приехала в воскресенье. У меня был подробный план «практической ретроспекции» на все 7 дней: Варшава, Желязова Воля, Краков, Освенцим. Но это был всего лишь план. В Варшаве я почти все время провела в отеле недалеко от памятника, возле которого постоянно стоят часовые. Каждое утро после завтрака я заказывала такси и ехала в Желязову Волю. Там сидела на скамейке возле дома и слушала Шопена.

Иногда не плакала.

В Желязовой Воле я бывала ежедневно. За исключением четверга. В четверг, когда я, как обычно, ехала туда в такси, по радио произнесли его фамилию. Я велела таксисту развернуться и ехать во Вроцлав.

В деканате целый час искали кого-нибудь, кто говорит по-английски. А когда нашли, какая-то милая женщина сказала мне, что Эджот уехал в Германию и вряд ли вернется, потому что «нужно быть полным идиотом, чтобы вернуться сюда». Как он мог уехать в Германию? После того, что немцы сделали в лагере с его отцом?

Эта милая женщина из деканата не знала его адреса. Да, впрочем, я и не хотела его получить. В тот же вечер я вновь была в Варшаве. Практическая ретроспекция была завершена. Психиатр оказался не прав. Это ни капельки не помогло.

Может, ты знаешь, по какому праву, по какому чертову праву Эджот решил, что я была бы несчастна в этой стране? Почему? Потому что дома серые, потому что в магазинах только уксус, потому что телефоны не действуют, потому что нет туалетной бумаги, потому что кружки для газированной воды прикованы ржавыми цепями? Почему он не спросил меня, что мне действительно необходимо в жизни? Да я вообще не звоню по телефону. Не пью газированную воду, а уксус добавляю всюду, даже в fish'n'chips.

Нет! Он даже не удосужился спросить меня. Он, который спрашивал меня обо всем, даже про то, «что ты ощущаешь, когда в тебе набухает от крови тампон».

Он просто прижал руку к одному из своих двух сердец и уехал. А ведь я могла бы вместе с ним копать колодец, если бы оказалось, что там, куда он меня привез, еще нет воды.

А потом и мир, который якобы нас разделил, перестал быть разделенным. Настали такие времена, что вечером я ложилась спать, а ночью в какой-нибудь стране менялся политический строй.

В Лондоне для меня слишком высокое давление. Чтобы выдержать его, надо быть герметичным, иначе все из тебя уйдет. Это чистой воды физика. Но я не умела быть до такой степени непроницаемой. Вдвоем гораздо легче «удерживать крышку». Я же могла быть только одна. Даже если я и позволяла кому-то засыпать рядом с собой, то всегда получалось так, что я удерживала две крышки. А кроме того, мне по определению было трудней. Я ведь родом из деревни. И Дублин ничего не изменил. Остров всегда был деревней. Деревней на береговом обрыве. Самой прекрасной на свете. Однако я не хотела возвращаться на Остров. Потом оказалось, что в этом и не было надобности.

Как-то после оперы и ужина, который на самом деле был дележом под черную икру «остатков» какого-то мелкого банка между двумя крупными, директор одного из крупных банков спросил у меня — я была приглашена, поскольку считалась «многообещающим биржевым аналитиком младшего поколения», что в переводе на общепринятый в банке язык означало, что у меня лучшая грудь в отделе ценных бумаг, — так вот, он спросил меня, не живу ли я в Ноттинг-Хилле. Когда я шутливо ответила, что квартира в Ноттинг-Хилле мне не по карману, он улыбнулся, продемонстрировав безукоризненно белые зубы, и сказал, что это очень скоро изменится, но, впрочем, это не имеет никакого значения, «поскольку он всегда живет рядом со мной, где бы я ни квартировала». Я прекрасно поняла его. Мне даже понравился этот его ответ. Он был француз, но говорил — а это просто абсолютное исключение — по-английски с американским акцентом. Понравилось мне также и то, что он, хоть и был самой важной персоной в этой банковской компании, весь вечер в отличие от других был молчалив. Кроме того, здороваясь, он поцеловал мне руку. С ужина мы ушли вместе.

Жил он в отеле «Парк Лейн». И был импотент. Ни один мужчина после Эджота не был так нежен, как он в тот вечер. Когда утром я проснулась в его постели, его уже не было. Через неделю он спросил меня, не хотела бы я руководить «стратегически важным отделом нашего банка в Ноттинг-Хилле». Я не хотела. После ланча я позвонила ему и спросила, нет ли у него какого-нибудь «стратегически важного отдела» в Суррее. Сур-рей почти как Остров, только что моря нет. В тот же вечер он прилетел из Лиона, чтобы за ужином сообщить мне, что «разумеется, такой отдел есть, существует с сегодняшнего дня». Когда после коктейля у стойки бара мы пошли в «Парк Лейн», там стоял самый лучший проигрыватель компакт-дисков, какой только можно найти за несколько часов в Лондоне. А рядом в четыре ряда стояли несколько сотен дисков классической музыки. Несколько сотен.

Думаю, он любит меня. Он тонкий, чувствительный и с такой грустью вглядывается в мои глаза. Он не большой поклонник музыки, но привозит мне все, что музыкально одаренная ассистентка из отдела рекламы в его банке отыскивает по всему свету в звукозаписывающих фирмах, которые специализируются на выпуске классики. Иногда я получаю диски еще до того, как они появятся в европейских магазинах. Он способен прилететь из Лиона, встретиться со мной в аэропорту и забрать на концерт в Милан, Рим или Вену. Иногда после концерта мы не идем ни в какую гостиницу. Он возвращается в Лион, а меня сажает в самолет до Лондона. Во время концерта он все время сжимает и целует мне руки. Я этого не люблю. Концерт Караяна — это все-таки не фильм в затемненном зале. Но я позволяю это делать. Он славный мужчина

Он ничего особенного не требует от меня. Я должна только говорить, как сильно я его хочу. Не больше. Иногда он рассказывает мне о своих дочках и жене. Достает

бумажник и показывает их фотографии. Он добрый, заботится обо мне. Три раза в неделю я получаю от него букеты цветов. Иногда их приносят даже ночью.

Я не сказала ему, что люблю пурпурные розы. Для меня это слишком личное.

Я могла бы руководить этим банком в Кэмберли. Уже с завтрашнего утра. Достаточно было бы одного телефонного звонка. Но я не хочу. Предпочитаю быть «многообещающим биржевым аналитиком» и не нести никакой ответственности.

Я все лучше играю на фортепьяно. Много путешествую. В Кэмберли у меня старый дом с садом, где растут пурпурные розы. В уик-энды, если он не прилетает из Лиона, я встречаюсь в Лондоне с моими друзьями, которые носят в ушах серьги, и мы устраиваем всякие безумства. Иногда я навещаю Остров.

Также раз в год я езжу в Дублин на встречу нашего выпуска. Происходит она во вторую субботу мая. В Дублине я ночую в Тринити Колледж. С тех пор как оттуда уехал Эджот, там практически ничего не изменилось. Но в Тринити ничего не меняется с XIX века. Ночью в субботу я удираю со встречи нашего курса и иду по коридорам к кабинету, где он тогда работал. Сейчас там какой-то склад. Но двери все те же. Тогда я тоже неоднократно там стояла. А один раз все-таки решилась постучать. Но то была немножко другая ночь, чем эта. И было это ровно 12 лет назад. Только тогда его день рождения уже кончался, а не начинался.

Потом ухожу оттуда и по пути останавливаюсь у лекционной аудитории, где свет с грохотом загорался и гас, когда он опирался спиной о выключатели, а я стояла перед ним на коленях. Сейчас войти туда нельзя, но через гравированное стекло в дверях все видно. Потом я возвращаюсь на встречу и напиваюсь.

Последнее время я чувствую себя очень одиноко. У меня будет ребенок. Сейчас самое время родить ребенка. Ведь мне уже тридцать пять лет. Кроме того, я хочу иметь что-то принадлежащее одной мне. Что-то, что я буду любить. Ведь если говорить по правде, то больше всего в жизни я хочу кого-нибудь любить.

Несколько дней назад я послала мейл в «The Sperm Bank of New York», самый лучший банк спермы в США. Они строже всех хранят тайну, делают самые лучшие генетические тесты, и у них самые полные каталоги. Через месяц я лечу на встречу с их генетиком. В принципе это всего лишь формальность. Мне бы хотелось девочку. Я послала им свой профиль. Ты даже не представляешь себе, как много доноров с IQ выше 140! Кроме того, донор должен быть «из музыкально одаренной среды», иметь докторскую степень и происходить из Европы. Мне прислали список фамилий более чем 300 доноров. Я выбрала только тех, у кого были польские фамилии.

Я задумалась, какие глаза были у Эджота. Он говорил, серые. А мне они казались зелеными. Когда я выбрала зеленые глаза и присовокупила докторскую степень в точных науках, остались только 4 донора. На одном из них я остановилась после разговора с генетиком в Нью-Йорке.

Вот уже и утро начинается. Сегодня воскресенье. 30 апреля. Это особенный день. Для этого дня у меня два специальных бокала. Но это на вечер. Вечером я буду слушать «Богему» Пуччини, закурю сигару, привезенную мной из Дублина, и выпью самого лучшего шампанского. В перерыве между первым и вторым актами.

Из твоего бокала тоже выпью. Всего самого прекрасного тебе в день твоего рождения, Эджот...

Дженнифер

PS. Когда рожу дочку, дам ей имя Лора Джейн.

